

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

Государственный
Исторический
Музей
КРАСНАЯ ПЛОЩАДА, 1

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 15-17 МАЯ 2019 г.

Санкт-Петербург, 2019

УДК 902/904
ББК 63.4 С
С833

Утверждено к печати Ученым советом СГСПУ

Программный комитет конференции:

*д.и.н. В.А. Лапшин (ИИМК РАН),
д.и.н., проф., академик РАН М.Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж),
д.и.н. О.Д. Мочалов (СГСПУ).*

Организационный комитет:

*к.и.н. А.Н. Бессуднов (ЛГПУ), к.и.н. С.Н. Гапочка (ВГПУ), д.и.н. С.А. Васильев (ИИМК РАН),
д.и.н. А.А. Выборнов (СГСПУ), А.Н. Мазуркевич (ГЭ), к.и.н. Е.В. Долбунова (ГЭ),
к.и.н. Е.А. Кашина (ГИМ), к.и.н. Е.М. Колпаков (ИИМК РАН), к.и.н. А.И. Королев (СГСПУ),
А.А. Малютина (ИИМК РАН), к.и.н. Г.В. Сеницына (ИИМК РАН), к.и.н. Е.С. Ткач (ИИМК РАН),
к.и.н. В.Я. Шумкин (ИИМК РАН), к.и.н. А.В. Энговатова (ИА РАН).*

Ответственные редакторы:

д.и.н. А.А. Выборнов, к.и.н. Е.В. Долбунова, к.и.н. Е.М. Колпаков, к.и.н. Е.С. Ткач

Рецензенты:

к.и.н. Д.В. Герасимов, к.и.н. И.Н. Наумов

Организация конференции и издание материалов осуществлены в рамках выполнения
проекта № 33.1907/ПЧ государственного задания Минобрнауки РФ

С833 Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка. Под редакцией А.А. Выборнова, Е.В. Долбуновой, Е.М. Колпакова, Е.С. Ткач. – СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ / ООО «Порто-принт», 2019. – 115 с.

ISBN 978-5-91867-189-4

Сборник содержит материалы международной конференции, приуроченной к 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка. Представленные работы затрагивают вопросы изучения позднекаменного века и эпохи раннего металла. Анализируются критерии выделения археологических культур неолита, сходства и различия волго-окской, верхневолжской, дубово-отарской, среднедонской, средневолжской и других культур. Рассматриваются возможности определения культурных областей, горизонтов и типов. Выделяются принципы обоснования перехода от неолита к бронзовому веку на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Определяется роль керамики в реконструкции культурных процессов в неолите–энеолите. Издание предназначено для археологов и представителей смежных дисциплин.

ISBN 978-5-91867-189-4

УДК 902/904
ББК 63.4 С
С833

© А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач
© Коллектив авторов
© ИИМК РАН, ИА РАН, ГЭ, СГСПУ, 2019
© ООО «Порто-принт», 2019

МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ФОСС В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ:

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.Н. Акиншин*, А.Н. Бессуднов**, Е.Ю. Захарова*

* Воронежский государственный университет, Воронеж

** Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

Мария Евгеньевна Фосс родилась в семье ревизора губернского акцизного ведомства Евгения Николаевича Фосса и Ксении Антоновны Ершовой. Помимо нее, в семье были сыновья Николай, Владимир, Александр и дочь Екатерина. В биографии Марии Евгеньевны можно условно выделить три периода. Ее раннее детство прошло в Гродненской губернии, с 1908 г. до середины 1922 г. она жила в Воронеже, последующие годы – в Москве (исключая эвакуацию во время войны). На воронежский период приходится учеба в гимназии и первые годы студенчества, во время которых определился круг ее интересов. Восемь классов женской гимназии она закончила в 1916 году, а затем по понятным причинам на несколько лет вынуждена была прервать дальнейшее образование.

Согласно документам ГАВО, в 1920 году М. Фосс поступила на историческое отделение факультета общественных наук Воронежского университета (ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 971. Л. 2), которое уже через год было реорганизовано в общественно-педагогическое (ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 971. Л. 1). Такое преобразование вряд ли соответствовало формирующимся приоритетам будущего ученого, однако учебу в университете она не оставила. Рассматривая в качестве возможной альтернативы открывшийся в Воронеже филиал Московского археологического института, М.Е. Фосс подает заявление на его археологическое отделение и 21 июня 1921 года зачисляется слушательницей (ГАВО. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 5. Л. 1). К сожалению, в июне 1922 года оно было закрыто вместе с головным учреждением и другими провинциальными филиалами.

В сложившейся ситуации Мария Евгеньевна принимает решение о переезде в Москву для продолжения образования. Как следует из опубликованной выдержки черновика автобиографии она «перевелась в I Московский университет на археологическое отделение факультета общественных наук» [Якушкина 2010: 771]. Не можем обойти вниманием и тот факт, что в начале 1920-х годов М.Е. Фосс параллельно обучалась и в Воронежской консерватории.

С воронежской землей связаны и первые полевые археологические опыты Марии Евгеньевны. Бу-

дучи студенткой Московского университета, летом 1924 года она выезжает вместе с сотрудником Воронежского музея Д.Д. Леоновым на обследование верхнепалеолитических стоянок Костенки I и Борщевы II [Векилова 1977: 208], а также совместно с ним раскапывает одно погребение скифо-сарматской эпохи на могильнике «Частые курганы» [Краеведческая хроника 1925: 46–47]. Указанные памятники – к середине 1920-х годов уже широко известные специалистам своего рода визитные карточки двух далеко отстоящих друг от друга археологических эпох.

Таким образом, очевидно, что исследовательский интерес, связанный с эпохой неолита, у Марии Евгеньевны еще не определился. В подтверждение данного суждения укажем, что Д.Д. Леоновым тогда же «на неолитических стоянках у с. Шелаева... были собраны для музея коллекции кремневых орудий и остатков глиняной посуды» [Краеведческая хроника 1925: 46], но М.Е. Фосс не принимала участия в этой поездке. Однако по прошествии одиннадцати лет, в 1935 году, она, уже в качестве руководителя экспедиции ГИМ, избирает именно стоянки у с. Шелаева по среднему течению р. Оскола для обследования и производства раскопок «в целях пополнения коллекций Исторического Музея недостающими материалами по южному неолиту» [Фосс 1941: 71]. Результаты работ были опубликованы и затем неоднократно упоминались ею и другими археологами в ряде публикаций по эпохам неолита-бронзы. Важность полученных материалов обусловила продолжение полевых изысканий в пределах данной территории как профессиональными археологами (А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Л.Я. Крижевская, А.Н. Бессуднов), так и краеведами (Г.Ф. Денисенко, М.И. Карагодин).

В начале 1950-х годов М.Е. Фосс вновь обратилась к изучению памятников Центрального Черноземья. С 1951 по 1954 гг. под ее руководством работала Лесостепная экспедиция ИИМК АН СССР (1953 г. – в Тамбовской области, 1954 г. – в Воронежской) «с целью выяснить сложный вопрос о синхронизации археологических культур эпохи неолита и бронзы» [Фосс 1959: 17].

В Тамбовской области экспедицией велись раскопки близ с. Старое Тарбеево (Мичуринский район)

в местности Подзорово и Глинище; попутно были обследованы два селища XII–XIII вв. [Фосс 1959: 17–25]. Полученные материалы привлекли внимание многих исследователей, принявших впоследствии участие как в изучении коллекций из раскопок М.Е. Фосс, так и в организации собственных полевых исследований на данной территории (В.П. Левенок, А.Т. Синюк, Л.И. Чуистова, Н.Б. Моисеев, Б.А. Фоломеев, С.И. Андреев, Р.В. Смольянинов, А.В. Сурков, А.М. Обломский, А.А. Куличков).

Полевые работы, проведенные М.Е. Фосс в Воронежской области, оказались для нее последними. Из указателя экспедиций ГАИМК и ИА АН СССР мы узнаем, что «близ железнодорожной станции Отрожка на дюнах собран материал эпохи бронзы и раннего железного века; заложен разведочный раскоп на стоянке эпохи поздней бронзы у с. Александровка бывшего Гремяченского района; раскопан деревянный член у с. Щучье Лискинского района» [Археоло-

гические экспедиции, 1962: 182, № 475]. Отчет по итогам этих исследований подготовлен не был, опубликовать их результаты М.Е. Фосс также не успела, но в архиве ученого (в ОПИ ГИМ) сохранились записки дневникового характера. К настоящему времени в литературе не обойден вниманием лишь член, ныне хранящийся в ГИМе (В.А. Афонюшкин, А.Ф. Шоков, Е.А. Кашина).

Итак, на территории Центрального Черноземья Марией Евгеньевной Фосс были проведены четыре полевых сезона. Памятники с этой территории не стали базовыми для ее авторских научных построений, она лишь скрупулезно проанализировала и ввела в научный оборот полученные материалы. Но, как мы стремились показать в своем докладе, интерес к ним у других исследователей с течением времени только усиливается. На наш взгляд, это обстоятельство и определяет роль М.Е. Фосс в археологическом изучении Центрального Черноземья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 18-49-360007

ЛИТЕРАТУРА

Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг.: Указатель. 1962. М.: Изд-во АН СССР. С. 182.
Векилова Е.А. 1977. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука. С. 208–215.
Краеведческая хроника. 1925. 1. Археологические разведки в Воронежской губ. // Воронежский краеведческий сборник. О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж : Тип. Губсоюза. С. 46–47.

Фосс М.Е. 1941. Раскопки на реке Осколе // Труды ГИМ. Вып. XII. М.: Издание ГИМ. С. 71–84.
Фосс М.Е. 1959. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году // КСИА. Вып. 75. М.: Наука. С. 17–25.
Якушкина М.М. 2010. Личный архив М.Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К. С. 770–780.

MARIA EVGENYEVNA FOSS IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION: LIFE AND ACTIVITIES

Alexander Akinshin*, Alexander Bessudnov, Elena Zakharova***

** Voronezh State University Voronezh*

*** Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk*

The biography of Maria Foss may be conventionally divided into three periods. During the Voronezh period (1908–1922), she studied in the gymnasium and university, where she defined her range of interests. Her first archaeological experience was connected with the Voronezh region. In the summer of 1924, she made prospecting on the Kostyonki-1 and Borshchevo-2 sites together with D.D. Leonov, who worked in the Voronezh museum, and took part in excavations of the barrow group of Chastye Kurgany. In 1935, she (as a head of the State Historical Museum expedition)

excavated sites near the village of Shelayevo in the middle reach of the Oskol River «in order to supplement the Historical Museum collections with materials of the southern Neolithic age». In the early 1950s, M.E. Foss again drew her focus on studying of archaeological sites in the Central Black Earth region. From 1951 to 1954 she was a head of the Forest-Steppe expedition of the Institute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR (1953 – in the Tambov Oblast, 1954 – in the Voronezh Oblast) «with a view to solve a complex issue connected with synchronization of

archaeological cultures dating back to the Neolithic and Bronze Ages». Results of her studies of archaeological sites in the Central Black Earth region have not lost their significance up to the present day.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-3-5

М.Е. ФОСС И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Е.А. Кашина, М.М. Якушкина

Государственный исторический музей, Москва

Мария Евгеньевна Фосс (1899–1955) – выдающийся исследователь каменного и бронзового веков Севера и Центра Европейской части России, проработала в Государственном Историческом музее тридцать пять лет, оставив колоссальное научное наследие и огромный архив, хранящийся в отделе письменных источников Исторического музея и насчитывающий 155 единиц хранения (Ф. № 487) [Якушкина 2010]. В этом докладе мы расскажем о ее жизненном пути, о довоенном и послевоенном периодах ее деятельности, заслугах в области изучения доисторических материалов Восточно-Европейской равнины, основных опубликованных научных трудах и направлениях музейно-экспозиционной работы, просветительской деятельности. Осветим круг ее переписки. Отдельно остановимся на деятельности Фосс на протяжении последнего года ее жизни – документы из личного архива позволяют не только оценить интенсивность работы Марии Евгеньевны, но и Исторического музея в целом.

В М.Е. Фосс больше всего восхищает ее трудо-способность. В ее архиве хранится огромное количество черновиков – рукописных и машинописных, зарисовок, писем, свидетельствующих, что она постоянно штудировала разнообразную научную литературу. Она читала этнографические работы, интересовалась реставрацией, постоянно искала аналогии своим находкам, делая разнообразные зарисовки и выписки. Она плотно сотрудничала не только с профессиональными археологами, но и с краеведами, геологами, биологами, вела обширную переписку. Кроме монографии «Древнейшая история Севера Европейской части СССР», изданной ею в 1952 г., вышло 64 работы, включая 12 энциклопедических статей в БСЭ.

Немного известно о деятельности М.Е. Фосс в молодости: переезд из Воронежа в Москву, Московский университет, начало работы в ГИМ в середине и конце 1920-х гг. [Кашина, Якушкина 2015]. Дея-

тельность исследовательницы с конца 1920-х гг. и до конца жизни по данным личного архива возможно проследить гораздо более подробно: первые собственные экспедиции на Русском Севере и затем в центральных областях страны, недолгое руководство отделом по изучению орудий труда, разработка новой экспозиции ГИМ «Родовой строй», экскурсионная и методическая деятельность, устройство выставок в ВУЗах, подготовка различных изданий, защита кандидатской диссертации, затем война, эвакуация, лишение научной степени в 1943 г., повторная защита в 1944 г., а после войны – новые раскопки, совмещение должностей в ГИМ и Институте археологии, продолжающаяся экспозиционная, методическая и научная работа и, наконец, сохранение уникального доисторического долбленого челна для новой постоянной экспозиции музея в 1954 г.

В личности М.Е. Фосс успешно сочетались образцовый музейный работник и образцовый исследователь. Как музейный работник, хранитель, она держала в образцовом порядке все коллекции из своих раскопок, хранящиеся в ГИМ, откладывала в архив дубликаты всех учетных документов, все черновики списков передаваемого в ГИМ материала. Кроме того, она, будучи музейным работником широкого профиля, интересовалась на протяжении всего жизненного пути музеями вообще, включая небольшие провинциальные. Где бы она ни находилась – в командировке, на раскопках – она никогда не упускала возможности посетить местный музей, зарисовать интересные ей находки, записать в дневник пару строк о музее, причем в самых разных аспектах: какие отделы имеются, как устроено хранение, что понравилось, что не понравилось; при изучении экспозиций обращала внимание на соответствие размещения вещей и их смысловой нагрузки. Как образцовый исследователь, она дважды прерывала цепь полевых сезонов (1937–1940 гг., 1948–1950 гг.) специально ради того, чтобы обработать и опубликовать материал [Ошибкина 1994;

Формозов 1998]. С нашей точки зрения, это практически уникальный случай в советской археологии:

все полевые материалы М.Е. Фосс были опубликованы, в том числе (минимальная их часть) – посмертно.

ЛИТЕРАТУРА

Кашина Е.А., Якушкина М.М. 2015. М.Е. Фосс и Государственный исторический музей: музейная деятельность исследовательницы по материалам личного архива // Уральский исторический вестник. 3 (48). Екатеринбург. С. 37–43.

Ошибкина С.В. 1994. О значении трудов М.Е. Фосс // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М. С. 173–178.

Формозов А.А. 1998. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории археологии. Вып. 2. М. С. 214–228.

Якушкина М.М. 2010. Личный архив М.Е. Фосс в отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М. С. 770–780.

M.E. FOSS AND THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Ekaterina Kashina, Marina Yakushkina

The State Historical Museum, Moscow

Maria Foss (1899–1955) was the outstanding researcher, who investigated Stone and Bronze Age of northern and central parts of European Russian Plain, being the employee of the State Historical Museum during 35 years. She left the huge scientific heritage and personal archive, kept at the Department of Written Sources, State Historical Museum, which consists of 155 units (fund № 487). In this presentation we will speak about her life during two periods: before and

after the Second World War, about her achievements in the investigation of Prehistoric archaeological materials of East European Plain, her basic publications, fields of her museum work and educational matters. We also will speak about her correspondence. The special attention will be paid to the last year of her life, 1954, as the documents from her personal archive let us evaluate the intensity of her own work and the work of the whole State Historical Museum as an institution.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-5-6

М.Е. ФОСС – АРХЕОЛОГ И ЧЕЛОВЕК

М.М. Якушкина, Е.А. Кашина

Государственный исторический музей, Москва

Научные материалы архива Марии Евгеньевны Фосс (полевые дневники и рабочие записи, рецензии и отзывы, переписка; ОПИ ГИМ. Фонд № 487) с вкраплениями записей личного характера дают представление об уникальности личности исследователя. Главной составляющей ее характера, на наш взгляд, являлись трудолюбие и организованность, помноженные на умение терпеть и преодолевать трудности, не предаваясь унынию. Это четко прослеживается во всех полевых записях, начиная с Отчета о раскопках на Летнем берегу Белого моря, произведенных летом 1926 г., когда М.Е. Фосс, А.Я. Збруева и А.Я. Брюсов, частично за свой счет, в отсутствии возможности нанять рабочих и в тяжелейших природных условиях (холодное лето с морозами, северные ветры, мошка, дикие звери, отсутствие оружия) разведками подготовили почву для будущей Северной экспедиции

ГИМ (1927–1941). Интенсивность работ в полевых условиях прослеживается в материалах практически всех экспедиций. Документация сопровождается фотографиями раскопок и разведок. Интересно, что сама Фосс всегда оказывается при съемках раскопа где-то на заднем плане. О замечательном чувстве юмора М.Е. Фосс говорит обложка одного из полевых дневников, где изображены цветок, ночной лес, а первый же лист открывается изображением мухи и словами: «Смерть мухам! Герб и девиз археологической экспедиции под рук. М. Фосс в г. Галич в 1945 году».

Обширная рабочая переписка Фосс высвечивает отношение к ней корреспондентов. Со многими ее с юности связывала совместная работа, в частности, с А.В. Арциховским и С.В. Киселевым. Сохранились подробные рабочие записи, выполненные в ходе

заседаний сектора Первобытной археологии и ее многочисленные глубокие и доброжелательные рецензии на труды своих коллег. Письма коллег к ней отличаются теплотой и сердечностью, они без боязни делились с ней своими научными и личными проблемами, ожидая в ответ дельного совета и просто дружеской поддержки. Н.Н. Гурина при подготовке монографии «Оленеостровский могильник» (1956) делилась с ней своими сомнениями, в том числе, по идеологической составляющей работы. В письме от 12.12.1950 г. Гурина писала: «Я рада появлению работ тов. Сталина не только в общественном плане, но и особенно в личном. Я обрела какую-то долю веры в себя, чувство, что безнадежно глупа, несколько уменьшилось...» 24.12.1953 г. датируется отзыв М.Е. Фосс, призванный ускорить «книгопечатание» труда Н.Н. Гуриной.

М.Е. Фосс не делала различия между серьезными академическими специалистами, студентами и краеведами. Отзывы Фосс на студенческие работы проникнуты пониманием того, что дипломника следует поддержать. Дипломная работа А.В. Виноградова 1953 г. заслужила самой высокой оценки, поскольку студенту «пришлось иметь дело с предметами,

обнаруженными не в культурном слое, а на поверхности почвы, не с музейными коллекциями, уже подтвержденными предварительной обработкой, а с сырым материалом». Сотрудница Мичуринского музея Н.Ф. Соколова обращалась к Фосс с просьбами о помощи музею в связи с работой Лесостепной экспедиции в 1953 г.: помимо оказания научных консультаций, Фосс прислала дефицитный бархат на платье для дочери музейной сотрудницы.

В непростой в идеологическом плане исторический период М.Е. Фосс старалась сохранять порядочность и оставаться вне идеологии. Согласно отчету о раскопках на Летнем берегу Белого моря летом 1926 г., члены экспедиции ознакомились с церковной летописью с. Лопшеньга, «любезно предоставленной для обозрения местным священником о. Василием Ануфриевым».

М.Е. Фосс была человеком, тонко чувствующим природу, очень наблюдательным. Часто в ее полевых записях точные сведения и обмеры сопровождаются подробными топографическими и историко-географическими комментариями, а сами описания природы носят лирический характер.

MARIA FOSS AS AN ARCHAEOLOGIST AND PERSONALITY

M.M. Yakushkina, E.A. Kashina

The State Historical Museum, Moscow

The archive materials of the notable archaeologist, which have both scientific and private character, give us the possibility to reveal the traits of M.E. Foss's personality. The main features of it were diligence and self-control, multiplied by the ability to overcome difficulties with optimism. We can follow these dignities by her field notes, during for example the extremely difficult search trip to the White Sea shore in 1926 with her colleagues, during the cold northern summer, surrounded by wild animals, without guns. Some notes

and drawings witness her perfect sense of humor. Exchanging letters with colleagues, local historians and museum employees, she frequently demonstrated the ability to give the kind advice and friendly support, paying no attention to person's position whether it was a student or an honored academician. She usually tried to stay away from the Soviet ideology restrictions both in her behavior and studies, and loved nature with all her heart, which is evident from her lyric fieldwork footnotes.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-6-7

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ГУРИНОЙ – ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ

Г.В. Сеницына

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Прошло 10 лет после проведения конференции «Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие», посвященной столетнему юбилею доктора исторических наук, выдающемуся исследователю позднего каменного века Евразии – Нины Николаевны Гуриной (17.06.1909 – 09.09.1990). Материалы конференции 2009 года опубликованы. Основополагающий вклад Н.Н. Гуриной в разработку проблем первобытной археологии лесной зоны Евразии отражен в докладах участников конференции, показаны основные этапы ее творческого пути [Калечиц, Липницкая 2012: 23–25; Сеницына 2011: 361–366; Сеницына 2012: 18–22].

Н.Н. Гурина родилась 17 июня 1909 г. в г. Ростов Великий Ярославской области. После окончания в 1930 году Московского университета, затем аспирантуры под руководством чл.-корр. АН СССР, проф. В.И. Равдоникаса, в 1946 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Поселения эпохи неолита и раннего металла Северо-Восточного побережья Онежского озера». Защита докторской диссертации в 1963 году явилась итогом ее многолетних экспедиций по изучению каменного века и эпохи раннего металла Карелии и Ленинградской области. Это была фундаментальная монография «Древняя история северо-запада Европейской части СССР» [Гурина 1961], рассмотренные проблемы в которой являются актуальными до сих пор.

Многолетними полевыми исследованиями (экспедициями: Карельской (1935–1937; 1938–1954); Ангарской (1957), Красноярской (1961–1962); Кольской (1946–1948; 1965–1980); Верхневолжской (1955–1961; 1974–1980, 1983); Белорусской, Прибалтийской (1961–1973) Н.Н. Гуриной создана богатейшая источниковедческая база мезолита – неолита обширных территорий от Прибалтики до Сибири. Материалы используются по настоящее время при рассмотрении проблем первобытной истории.

Выделенные и исследованные Н.Н. Гуриной археологические культуры (кольская, нарвская, неманская, валдайская) рассматривались в контексте их происхождения, развития и характера хозяйственной деятельности древнего населения, их хронологии и периодизации. Выводы каждой ее монографии, статьи были основаны на данных тщательной обработки коллекций, глубокого знания истории вопроса. Именно Н.Н. Гуриной было поручено написание разделов в монографических исследованиях по мезолиту и неолиту СССР, в которых она дает характеристику мезолитическим и неолитическим культурам почти всего северо-запада Европейской территории СССР: Кольского полуострова, Карелии, Латвии, Эстонии, Литвы, Белоруссии, Верхней Волги.

Много внимания в ее работах уделялось терминологии, понятийному аппарату, тем проблемам и вопросам, которые постоянно поднимались на заседаниях Отдела палеолита ЛОИА и на конференциях и совещаниях, проходивших по ее инициативе и под ее руководством. Отдельный аспект научного наследия Нины Николаевны составляют ее теоретические разработки, всегда связанные с решением конкретных практических проблем, в первую очередь, с определением содержания понятий «тип» и «археологическая культура». Дискуссионные проблемы мезолита, начиная с понимания его как отдельного этапа в развитии культуры и кончая обоснованием локальных мезолитических культур, остаются в центре внимания научного коллектива на протяжении нескольких десятилетий. Длительная дискуссия о сходстве или различии неолитических валдайской/верхневолжской культур актуальна до сих пор. Во многом, благодаря исследованиям Н.Н. Гуриной сложился круг научных проблем, сохраняющий актуальность в настоящее время.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0002

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М. –Л.: Наука. 588 с.

Калечиц Е.Г., Липницкая О.Л. 2012. Вклад Н.Н. Гуриной в развитие археологии Беларуси // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимо-

действие. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН. С. 23–25.
Синицына Г.В. 2011. Международная научная конференция «Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы», посвященная столетнему юбилею Нины Николаевны Гуриной (Санкт-Петербург, 2009) // Тверской археологический сборник. Вып. 8.

Тверь: ТГОМ. С. 361–366.
Синицына Г.В. 2012. Проблемы культур позднего каменного века в работах Н.Н. Гуриной // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН. С. 18–22.

THE SCIENTIFIC LEGACY OF NINA NIKOLAEVNA GURINA
– RESEARCHER OF THE LATE STONE AGE OF EURASIA

Galina Sinitsyna

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg

The paper shows the great significance of the scientific heritage of professor N.N. Gurina. She had published more than 200 scientific papers on the European forest zone Mesolithic-Neolithic. N.N. Gurina dealt with problems of the origin, chronology and periodization of the Kola, Narva, Neman, Valdai

cultural entities and other. A long discussion about the similarity or difference of Neolithic Valdai/Upper Volga cultures is still relevant. Largely, thanks to researches of N.N. Gurina a range of scientific problems has been developed that remain relevant at the present time.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-8-9

**А.Т. СИНЮК И РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭВОЛЮЦИИ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

С.Н. Гапочка*, А.Н. Бессуднов**

** Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж*

*** Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк*

В этом году исполнилось бы 80 лет известному советскому и российскому археологу, доктору исторических наук, профессору Арсену Тиграновичу Синюку (1939–2012). Родился он в Ленинграде, где жил до призыва на срочную службу, с которой демобилизовался в 1961 году. Так сложилось, что последующие годы его жизни навсегда связаны с Воронежем, которые начинаются с поступления на исторический факультет Воронежского госуниверситета. По окончании его в 1966 году работал школьным учителем, научным консультантом ВООПИК, старшим научным сотрудником Воронежского областного краеведческого музея, а с 1971 года и вплоть до своей кончины – ассистентом, преподавателем, доцентом, профессором Воронежского государственного педагогического института (университета) [Пряхин 1996: 3-9; Карпачев 2009: 490].

С первых студенческих дней Арсена Тиграновича увлекает археология, ставшая делом всей его жизни. При этом сфера интересов молодого ученого поражает широтой охватываемых направлений исследовательского поиска. Им написан ряд очень глубоких аналитических работ по самым различным разделам археологического знания, хронология которого ох-

ватывает время от мезолита до раннего железного века. Каждое из таких исследований заслуживает специального рассмотрения.

В предлагаемой же публикации мы остановимся лишь на краткой характеристике развития представлений Арсена Тиграновича об эволюции неолитических культур Восточной Европы.

Уже в 60-е годы прошедшего столетия, с первых студенческих лет, А.Т. Синюк начал активно проводить в лесостепном Подонье планомерные археологические разведки с целью выявления и изучения, прежде всего, памятников неолита-энеолита, которых в итоге было обнаружено не менее 120. Благодаря раскопкам наиболее ярких и стратифицированных из них, а также обобщению сведений, полученных в процессе работы с обширными музейными материалами, ученому удалось уже к концу 60-х – началу 70-х годов составить уверенное представление, в первую очередь, о накольчатом характере местного неолита, отличающемся от керамических комплексов днепро-донецкой [Синюк 1971] и волго-камской культур [Синюк 1978: 83].

Закономерным результатом проведенного анализа этого круга древностей стало выделение

А.Т. Синюком в рамках кандидатской диссертации самостоятельной среднедонской неолитической культуры [Синюк 1971], открытие которой и ее авторская интерпретация имели принципиальное значение не только для территории Верхнего и Среднего Дона, но и для лесостепной зоны Восточной Европы в целом. Сделанный им вывод послужил основанием для более аргументированного определения места памятников с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой в системе всего комплекса восточноевропейских древностей. В частности, наряду с уже известной на юге лесной природно-климатической зоны верхневолжской культурой, выделенная А.Т. Синюком среднедонская открыла новый этап в осмыслении роли носителей накольчатых древностей в сложении этнокультурной картины Восточной Европы. В это же время была осуществлена и разработка проблемы культурных взаимосвязей населения Подонья в неолите – энеолите, а также предложена новаторская четырехэтапная периодизация и хронология неолита, разделившая данный археологический период на ранний, развитый, поздний и пережиточный этапы [Синюк 1971].

Во второй половине 70-х – 80-е годы А.Т. Синюк продемонстрировал еще более фундаментальный подход к осмыслению всего комплекса проблем нео-энеолитических культур Подонья. Им было рассмотрено и определено само понятие «неолит» и «энеолит» применительно к донской лесостепи. Поддержано и внедрено в практику представление о лесостепи, как самостоятельной природно-климатической зоне с соответствующей спецификой местных культур, а самой зоны, как контактной для древнего населения. Также благодаря А.Т. Синюку разработана авторская версия происхождения среднедонского неолита, охарактеризована его ранняя фаза, а также уточнена периодизация и хронология развитого не-

олита в связи с выделением керамики черкасского и дронихинского типов. Пересмотрены основные позиции относительно происхождения рыбноозерской культуры [Синюк 1978; 1986].

Одним из ключевых достижений Арсена Тиграновича явилось обоснование многоплановости контактов между носителями неолитических культур, с одной стороны, и с проникавшим в лесостепь энеолитическим населением. Для подтверждения таких были приведены убедительные факты о наличии синкретических типов керамики как внутри неолитической эпохи (накольчато-ямчатая и дронихинского типа с прочерчено-накольчато-гребенчатой орнаментацией), так и вне ее хронологических пределов. А следствием контакта между носителями среднедонского неолита и степного нижнедонского энеолита стало появление керамики черкасского типа [Васильев и др. 1985; Синюк 1986].

Среднедонская неолитическая культура рассматривалась А.Т. Синюком уже в рамках лесостепных культур с накольчато-гребенчатой орнаментацией от Днепра до Волги, а другие, в частности, с ямочно-гребенчатой орнаментацией (рязанско-долговская и рыбноозерская), как результат контактов с населением лесной зоны.

Также А.Т. Синюком очень внимательно проанализированы и вопросы экономики неолитического населения Среднего Подонья [Синюк 1986: 153–164].

Оценивая теоретические и практические разработки А.Т. Синюка по происхождению, содержанию, развитию культур неолита-энеолита лесостепной зоны Восточной Европы, и Подонья, в частности, важно подчеркнуть, что все они остаются, и будут еще долго оставаться актуальными для современных и будущих исследователей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 18-49-360007

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи: Учебное пособие по спецкурсу. Куйбышев: Педагогический институт. 118 с.
Карпачев М. Д. 2009. Синюк Арсен Тигранович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. – Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Под общей редакцией О.Г. Ласунского. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. С. 490.
Пряхин А.Д. 1996. Четверть века развития археологии в вузе педагогического профиля // Археологические исследования высшей педагогической школы: Сборник научных трудов. Воронеж: Изд-во ВГПУ. С. 3–9.

Синюк А.Т. 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 24 с.
Синюк А.Т. 1978. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж: Редакционно-издательский совет ЛГПИ. С. 63–100.
Синюк А.Т. 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета. 179 с.

A.T. SINYUK AND THE DEVELOPMENT OF THE PICTURE OF THE EVOLUTION
OF THE NEOLITHIC CULTURES OF EASTERN EUROPE

Sergei Gapochka*, Alexander Bessudnov**

* Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

** Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk

Arsen Sinyuk is a well-known Russian archaeologist, who held PhD in History and was the professor of Voronezh State Pedagogical Institute (University). During his whole professional career his key priority was the research of the forest-steppe region of the Don River which resulted in hundreds of the Early Holocene sites being discovered and examined. Due to highly efficient field works it became possible to acquire the fundamental regional resource base, to find certain proofs allowing to identifying a range of independent cultures of the Neolithic – Eneolithic, to trace back the genesis of these cultures, to evaluate the degree of the engagement with the neighbouring Eastern

European territories, to define the transition routes from the Mesolithic to Neolithic, on the one hand, and from the Neolithic to Eneolithic, on the other hand, to single out separate vestigial stages in the Neolithic and Eneolithic in the Don region.

Besides, A. T. Sinyuk worked out the idea of the peculiarities of the co-existence of the representatives of the Neolithic – Eneolithic cultures between each other as well as with the inhabitants who lived during the Early Bronze period at the vestigial stage within the boundaries of different river basins and geographical zones of Eastern Europe.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-9-11

**НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЛЕВШИНСКОГО ЭТАПА
КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ И НОВОИЛЬИНСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУР**

О.В. Андреева (Ересько)*, Н.С. Батуева**

* Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

В неолите – энеолите Прикамья посуда, орнаментированная гребенчатым штампом, связана с камской и новоильинской культурами. Вероятно, традиции изготовления посуды новоильинского типа были основаны на гончарных традициях населения камской культуры.

Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [Бобринский 1978]. Выполненный анализ был соотнесен с результатами исследования орнаментации посуды.

Камская культура

Исследовалась керамика камской культуры позднего (левшинского) этапа. Анализу были подвергнуты фрагменты от 48 сосудов со следующих памятников: Чашкинское Озеро VI (14), Усть-Залазнушка (3), Чернашка (6), Чернушка (2), Базов Бор (9), Усть-Паль (5), Заборное Озеро I (9).

Изучение навыков отбора исходного пластичного сырья (ИПС) показало, что гончарами камской культуры использовались глины (42%) и илестые глины (58%), в 64% естественно увлажненные. Глины в 50% замешивались в дробленном состоянии, а илестые глины лишь в 20%. Глины в 65% сосудов, а илестые

глины – в 96% использовались незапесоченными/слабозапесоченными,

Составы формовочной массы (ФМ) представлены следующими рецептами: илестая глина (ИГ)/глина (Г) + шамот (Ш); ИГ/Г + органический раствор (ОР); ИГ/Г+ОР+Ш. В первом и последнем составах шамот использовался в различных фракциях.

При сопоставлении результатов технико-технологического анализа с результатами исследования орнаментации нами были выделены некоторые особенности.

Основным способом нанесения орнамента при изготовлении посуды камской культуры выступает прокатывание, реже выделяется шагание, а самый нераспространенный – оттискивание. Способы распространялись на сосуды, украшенные как гребенчатым, так и гладким штампом. Данное наблюдение не ново для посуды камской культуры [Батуева 2017: 15–21], однако нами было обнаружена следующая закономерность: посуда, изготовленная из исходного пластичного сырья (ИПС) + Ш или ИПС + ОР, украшалась, помимо гребенчатых оттисков, ямками. В посуде с ОР ямки наносились исключительно углом штампа, в то время как в сосудах с Ш они могли на-

носятся как углом штампа, так и отдельным орудием с округлым рабочим концом. Также стоит отметить, что в посуде с Ш + ОР ямочная орнаментация отсутствует совсем – сосуды украшались только гребенчатыми отпечатками.

Новоильинская культура

К новоильинской культуре относятся коллекции следующих памятников: Новоильинское III (9), Чашкинское Озеро I (14), Тюремка I (2), Бойцово I (2), Усть-Очер I (7), Звереве (10), Гагарская II (17), Гагарская III (33), Корепино (10), Усть-Паль (19), Заюрчим I (36).

На ступени отбора ИПС для изготовления посуды использовали илестые глины (55 %) и глины (45 %), в естественно увлажненном состоянии 98 %. Предпочтение отдавали незапесоченному сырью: илестые глины (85 %), глины (80 %).

Рецепты ФМ: ИГ/Г+Ш, ИГ/Г+ОР, ИГ/Г+ОР+Ш.

При корреляции результатов технико-технологического анализа с орнаментацией были получены следующие результаты.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-39-00059 и в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1907.2017ПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

Батыева Н.С. 2017. Техничко-технологический анализ керамики камской культуры // Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов Исторического факультета Пермского государственного педагогического уни-

верситета. Серия: Studiahistoricajuvenum: науч. журн. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т. С. 15–21.

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

SOME RESULTS OF STUDYING THE POTTERY OF THE NEOLITHIC KAMA CULTURE AND ENEOLITHIC NOVOIL'INSKAYA CULTURE

Olga Andreeva (Eres'ko)*, Nadezhda Batueva**

** Samara State University of Social Sciences and Humanities, Samara*

*** Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm*

Pottery found on the sites of the Kama region decorated

by comb stamp impressions is associated with the Neolithic Kama and Eneolithic Novoilinskaya cultures. The research of technology of vessels manufacturing was carried out in the framework of the historical and cultural approach developed by A.A. Bobrinsky.

Kama pottery made of clay or silty clay (C/SC) + chamotte (CH) or C/SC + organic solution (OS) was decorated, in addition to the comb impressions, with pits. It is also worth noting that there is no patching ornamentation in pottery with CH + OS – vessels were decorated only with comb prints.

The combination of several elements of ornament (short and medium comb stamp, short/long comb stamp and pits) was typical for Novoilinskaya pottery, made from paste C/SC + OS + CH. Patching patterns were not recorded on vessels made from paste: C/SC + OS, C/SC + CH. During the existence of the Kama population, patching ornamentation was used by potters only on vessels made from mixed paste recipes: C/SC + OS (presumably southern impulse). Novoilinskaya pottery decorated with comb and dimples made of paste C/SC + OS + CH might reflect the assimilation of alien groups with indigenous Kama culture.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-11-13

ОХРИСТЫЕ ПЯТНА БОРОВИКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Л.С. Андрианова

Региональный центр дополнительного образования детей, Вологда

В ходе раскопок Боровиковского археологического комплекса на р. Кубене (Вологодская обл., Харовский р-н) были обнаружены красные охристые пятна, интерпретированные как погребения. Антропологический материал не выявлен, что объяснимо – костные останки умерших людей в рыхлых песчаных и супесчаных отложениях сохраняются редко, о чем свидетельствует ряд погребальных памятников Финляндии, Карелии и Вологодской области [Мельников 1998: 14–15; Герман 2002; Иванищев 2002: 171–175].

Первое охристое пятно обнаружено при раскопках мезолитической стоянки Боровиково-2М в 2000 году. Памятник, расположенный на пологом склоне первой надпойменной террасы, представляет собой типичную «дюнную стоянку» с песчаным культурным слоем. находки представлены пластинчатыми изделиями, среди которых выделялись предметы неолитического облика (мелкие двусторонне обработанные наконечники, два фрагмента ямочной керамики, сланцевый гребенчатый штамп, шлифованное сланцевое тесло без следов изношенности), залегавшие отдельно от мест максимальной концентрации мезолитического инвентаря [Васильева, Андрианова 2003: 22–35]. Красное охристое пятно, ориентированное по линии запад–восток, стало прослеживаться сразу под серым подзолом; первоначально имело аморфные очертания, но постепенно приобрело удлиненно-овальную форму размерами 2,2×0,5 м; на его противоположных концах залегали крупные камни без следов обработки. Пятно, окрашенное в ярко-красный цвет, особенно насыщенный на отдельных участках, прослеживалось на глубину 0,3–0,4 м. После выборки охристого заполнения сформировалась овальная яма с пологими стенками, заглубленная в материк на 0,15 м. Ориентация, форма и заполнение ямы, неравномерная концентрация красной охры, размещение камней позволили интерпретировать охристую линзу как одиночное захоронение. Рядом с ним были зафиксированы еще два объекта, предположительно связанные с могильной ямой: заглубленное кострище с многочисленными угольками и кальцинированными косточками и массивная кварцитовая плита с заполированной поверхностью, на которой прослеживались неглубокие и тонкие царапины в виде концентрических кругов.

Еще шесть охристых пятен овальной формы были обнаружены в 130 м к ЮЗ от стоянки Боровиково-2М, в ходе раскопок многослойного поселения Боровиково-А. Все выявленные охристые пятна находились на краю высокой пойменной террасы, на глубине 0,8–0,9 м от поверхности и были ориентированы вдоль течения реки по линии запад–восток. Размеры охристых пятен: 1,8–2,0 м в длину и 0,5–0,6 м в ширину. Охра залежала достаточно равномерно, образуя прослойки от 2–4 до 6–8 см; наиболее мощный слой охры, до 10 см, зафиксирован в пятне № 4. По краям охристых пятен лежали, как отдельные камни, так и скопления, иногда образующие нечто вроде каменной ограды. Возле одного из камней собран уголь, датированный 4220 ± 120 (ЛЕ–6694).

После выборки охристых линз образовались ямы прямоугольной формы с закругленными углами. В охристом заполнении встречались отдельные находки (отщепы, чешуйки, кальцинированные кости), случайно попавшие из нижележащего мезолитического или поселенческого неолитического слоя, но несколько предметов могли быть положены в ямы намеренно. В четырех из шести могильных ям обнаружены единичные орудия (крупный кремневый нож из необычного желто-оранжевого кремня, поврежденное сланцевое изделие, миниатюрная сланцевая стамеска, скребок, ретушер), лежащие единообразно в западной части захоронений.

Между охристыми пятнами зафиксировано большое скопление больших и малых шлифовальных плит и камней с заполированной поверхностью и многочисленными круговыми и линейными следами, в том числе 13 крупных камней для растирания охры [Андрианова, Васильева 2013: 38–43].

Таким образом, несмотря на отсутствие костного материала, упорядоченность расположения пятен (ям), единая ориентация по сторонам света, овальная форма, размеры, соответствующие росту взрослого человека, охристая засыпка, наличие каменных сооружений и сопровождающего инвентаря свидетельствуют о погребальном характере выявленных объектов. Время бытования могильника, вероятнее всего, поздний неолит – энеолит. Сходные черты погребального обряда

можно проследить как в неолитических могильниках (Караваиха, Мыс Бревенный, Вёкса) [Ошибкина 1978: 58–61; Недомолкина, Никитинский 1996:

88–93], так и в энеолитических (Кончанское, Репище) [Зими́на 1993: 214–216].

ЛИТЕРАТУРА

Мельников И.В. 1998. Святилища древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та. С. 14–15.
Герман К.Э. 2002. Могилы с красной охрой на территории Дании, Швеции, Финляндии // Кижский вестник. Вып. 7. Петрозаводск. С. 220–225.
Иванищев А.М. 2002. Погребения каменного века на Тудозере (по материалам раскопок 1995, 1998 и 2000 г.г.) // ТАС. Вып.5. Тверь: ТГОМ. С. 171–175.
Васильева Н.Б., Андрианова Л.С. 2003. Памятник каменного века Боровиково-2М на реке Кубене // Археология: история и перспективы. Ярославль: Рыбинский дом печати. С. 22–35.

Андрианова Л.С., Васильева Н.Б. 2013. Экспериментально-трассологическое изучение «шлифовальной мастерской» поселения Боровиково-А // Вестник ЧГУ, № 4. Т. 2. Череповец. С. 38–43.
Ошибкина С.В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука.
Недомолкина Н.Г., Никитинский И.Ф. 1996. Могильник поселения Векса // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда: Ардвисура. С. 88–93.
Зими́на М.П. 1993. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. Вып. 16. М.: ИЭА РАН. С. 214–216.

OCHRE SPOTS AT THE BOROVIKOV ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

Larisa Andrianova

Regional Centre for Additional Children Education, Vologda

During the excavations of the Borovikovo archaeological complex on Kubena river (Vologda region, Kharovsky district) red ochre stains, interpreted as a burial, were discovered. Because of sandy soil, bone remains have not survived, but several features might testify that it was a burial: spots' location order (bone chambers), identical orientation, identical oval

shape, size that coincides with adult's height, red ochre filling, stone structures and burial equipment. There is a large collection of grinding plates and stones, including 13 large stones for ochre grinding between ochre spots. This burial site dates back to Neolithic–Eneolithic period.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-13-14

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ ШАРОВИДНЫХ АМФОР В РАЗВИТИИ СООБЩЕСТВ ВЕРХНЕГО ПОНЕМАНЯ

А.В. Вайтович

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В докладе обобщаются результаты исследований, проведенных автором и другими специалистами по проблеме присутствия культуры шаровидных амфор (КША) на территории Верхнего Понеманья.

В настоящее время восточноевропейские материалы КША классифицируются как «чистые» и «синкретические» [Szmyt 1999]. В изучаемом регионе «чистые» материалы представлены погребальными памятниками, выявленными в бассейнах рек Рось (Красносельский) и Свислочь (Малые Едковичи) [Чарняўскі і др. 1996: 75–82]. С КША связывается часть кремнедобывающих шахт и сопутствующих

мастерских, расположенных в Среднем Поросье [Чебрешук, Шмит 2003: 37; Чарняўскі і др. 1996: 82; Зуева 2011: 8]. Дискуссионным является вопрос об отнесении к категории «чистых» материалов многочисленных случайных находок кремневых топоров и долот, соответствующих стандартам КША, но лишенных однозначного культурного контекста [Зуева 2011: 9–10].

Наиболее многочисленную группу образуют «синкретические» материалы КША – инокультурные комплексы с «амфорными» признаками. Элементы, генетически восходящие к КША, зарегистрированы в

неманской культуре (рис. 1: 1, 2) и локальных группах круга культур шнуровой керамики (рис. 1: 3–8). В контексте местной культуры «лесного неолита» элементы КША идентифицированы в орнаментации керамики (группа А1 по М. Шмит [Szmyt 1999: 120]). В «шнуровых» группах «амфорные» признаки выявлены в орнаментации посуды и кремневом инвентаре (группы А1, А2, А9 по М. Шмит [Szmyt 1999: 120–124]). «Синкретические» материалы присутствуют и в поселенческом, и в погребальном контексте.

Согласно современным представлениям, носители КША появились в Верхнем Понеманье после 2900 г. до н.э. (наиболее вероятно, около 2600 г. до н.э.) [Szmyt 1999: 66; Чебрешук, Шмит 2003: 46]. Приток нового населения происходил из центральной группы культуры. По всей видимости, имела место инфильтрация небольших групп людей, при этом мигранты сумели сохранить свой культурный автономизм.

Восприятие традиций и идей КША носителями неманской культуры и представителями местных «шнуровых» групп могло осуществляться несколькими путями. С одной стороны, нельзя исключить

возможность непосредственных контактов пришло-го и местного населения. С другой стороны, вполне возможно, что «амфорные» элементы проникали в регион посредством других культур, которые уже испытали влияние КША. В качестве потенциальных источников поступления признаков КША следует рассматривать среднеднепровскую культуру, приморскую (жуцевскую) культуру. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что распространение традиций КША в среде культур Верхнего Понеманья происходило на протяжении второй четверти III – первой четверти II тыс. до н.э. Не исключается, что некоторые традиции КША приняли участие в формировании групп тшинецкого культурного круга и продолжили свое существование в раннем бронзовом веке [Лакіза 2008: 158].

Общепризнано, что носители КША участвовали в распространении производящего хозяйства в регионе [Чарняўскі и др. 1996: 82]. Однако определение степени влияния КША на социально-экономическое развитие локальных сообществ позднего неолита – начальных периодов бронзового века по-прежнему остается перспективной исследовательской задачей.

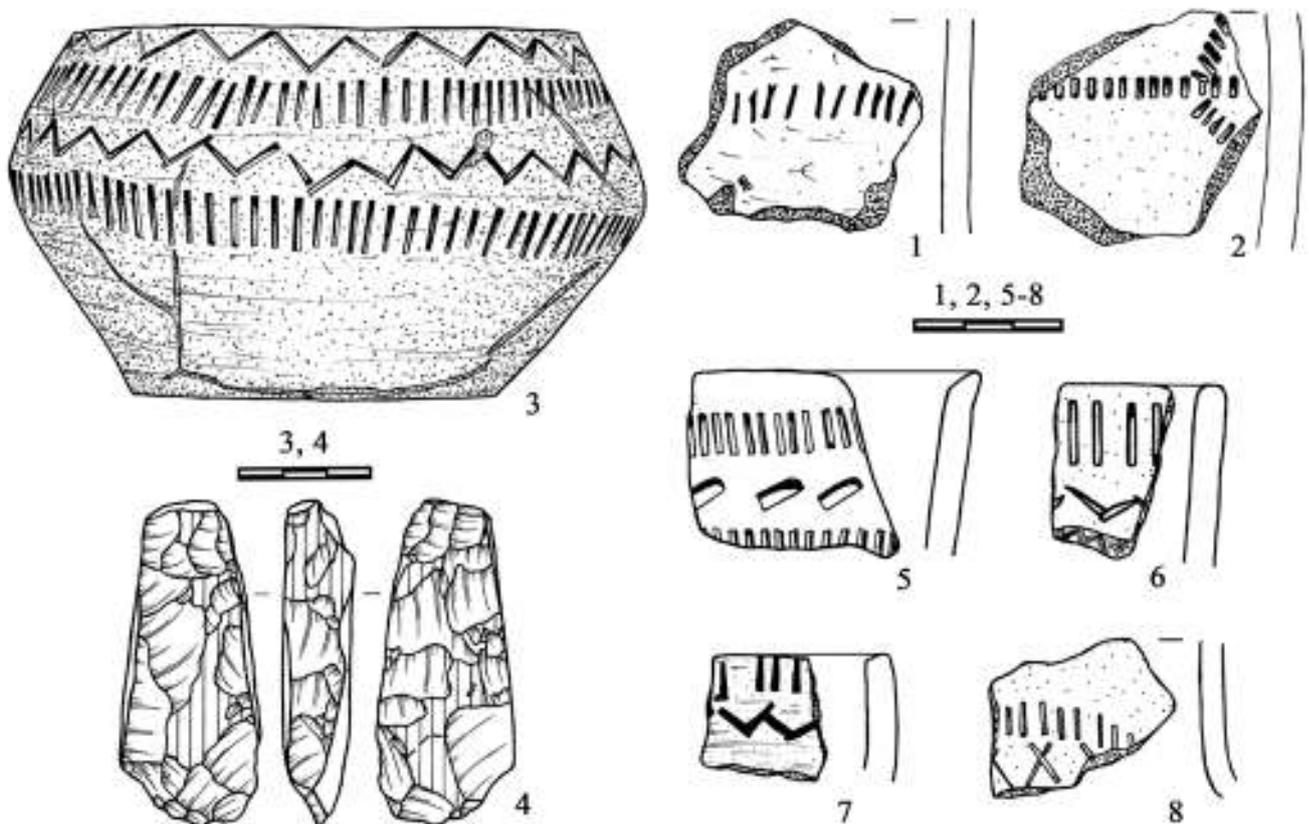

Рис. 1. Верхнее Понеманье. Керамика и кремневый топор с чертами, генетически восходящими к культуре шаровидных амфор.

1, 2 – Старые Войковичи 1; 3, 4 – Низ 2 (Яново 2); 5, 6 – Русаково 2; 7 – Миколаевщина 8; 8 – Лысая Гора (1, 2 – неманская культура; 3–8 – локальные группы круга культуры шнуровой керамики). Рис. А.В. Вайтович.

ЛИТЕРАТУРА

- Зуева А.У. 2011. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцяў III – пачатку II тыс. да н.э.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мн.: ІГ НАНБ. 24 с.
- Лакіза В.Л. 2008. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мн.: Беларуская навука. 344 с.
- Чебрещук Я., Шмит М. 2003. К исследованию средне-европейских факторов процесса культурных перемен в лесной зоне восточной Европы в третьем тысячелетии до н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мн.: ІГ НАНБ. С. 34–51.
- Чарняўскі М.М., Кудрашоў В.Я., Ліпніцкая В.Л. 1996. Старажытныя шахцёры на Росі. Мн.: Навука і тэхніка. 144 с.
- Szmyt M. 1999. Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2960–2350 BC // Baltic-Pontic Studies. Vol. 8. Poznań: Adam Mickiewicz University. 350 p.

THE ROLE OF THE GLOBULAR AMPHORA CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF THE UPPER NEMAN COMMUNITIES

Aliaksandra Vaitovich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The paper discusses the problems of presence of the Globular Amphora Culture (hereinafter the GAC) in the Upper Neman region. M. Szmyt distinguished two groups in Eastern European materials of GAC. The first group represents 'pure' GAC complexes, although hypothetical at times. It includes cemeteries, flint mines and workshops as well as finds of quadrangular ground flint axes and chisels. The second group comprises materials associated with the broad understood GAC traditions. The traits genetically linked to the GAC

could be identified in the ornamentation of the pottery of the local cultural units (fig. 1). Two main forms of GAC traditions transfer have been distinguished. The first one - the Upper Neman region was the territory of the direct contacts between the GAC people and the local population. The second one - the GAC elements distributed in the synthesized forms. The major source of the synthesized GAC traits was the Rzucewo Culture as well as the Middle Dnieper Culture.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-14-16

ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТОЯНКИ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР В ПЕРИОДЫ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

И.Н. Васильева

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Значительная роль керамики как наиболее массового и информативного источника в реконструкции культурно-исторических процессов в эпоху неолита-энеолита является общепризнанной в российской археологии (В.А. Городцов, Б.С. Жуков, М.Е. Фосс и др.). Данное исследование выполнено в рамках историко-культурного подхода к изучению керамики, разработанного А.А. Бобринским. При изучении гончарной технологии основное внимание уделяется конкретным навыкам труда гончаров, применявшимся при изготовлении анализируемой посуды. Методика выделения информации о приемах труда по археологической керамике базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и

эксперименте. Интерпретация технологических данных основывается на выводах, полученных в результате обобщения многочисленных этнографических сведений об исторически складывающейся системе трудовых навыков в гончарстве [Бобринский 1978].

Технико-технологическому анализу было подвергнуто 352 образца керамики: 211 – из неолитических и 141 – из энеолитических слоев стоянки Ракушечный Яр. Итоги исследования неолитической гончарной технологии подробно опубликованы [Васильева 2017а; 2017б]. В 2018 г. были проанализированы сосуды из энеолитических слоев раскопа А.В. и В.В. Цыбрий (выражаю большую благодарность исследо-

вателям за разрешение ознакомиться с новым материалом). Накопленная база источников позволила обратиться к сравнительному анализу данных по гончарной технологии неолита и энеолита.

Целью сравнения гончарных традиций населения, обитавшего на острове Поречный (Ростовская обл. РФ) в разные хронологические периоды, является выявление их сходств и различий, черт преемственности, гомогенности энеолитических коллективов. По причине фрагментированности сосудов наиболее полная информация получена по исходному пластичному сырью и формовочным массам, поэтому сравнительный анализ проведен по этим двум элементам гончарной технологии. Полученные данные свидетельствуют о том, что в энеолитическое время на стоянке продолжала бытовать группа населения, использовавшая в качестве пластичного сырья илы с добавлением органических растворов. Эта традиция была устойчивой в течение всего неолита, однако в энеолите фиксируется значительное увеличение

приемов отбора тощих подвидов илистого сырья, содержащих естественные включения раковины (в подсчетах используются единые относительные единицы – проценты). Вместе с тем, прослежено появление новой группы населения, имевшей глубокие культурные различия с носителями неолитической ракушечной культуры. Они нашли отражение в формах сосудов, в орнаментальных традициях, в гончарной технологии. Эти две группы населения находились на разных уровнях развития представлений о сырье для изготовления бытовой посуды (илы как моносырье и илистые глины как основное сырье). Как правило, различие керамики по этому признаку указывает на отсутствие родственных связей. Состав традиций составления формовочных масс энеолитических коллективов неоднороден: в качестве примеси к сырью они добавляли дробленую раковину, птичий пух, песок, что свидетельствует об отсутствии гомогенности населения. В докладе представлены результаты поиска истоков этих культурных традиций.

Работа подготовлена в рамках проекта № 33. 1907.2017/ПЧ

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
Васильева И.Н. 2017а. К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20. № 3. Самара.

С. 370–379.

Васильева И.Н. 2017б. Гончарная технология раннеэнеолитического населения Подонья // Самарский научный вестник. Т. 6, № 3 (20). Самара. С. 109–123.

POTTERY TECHNOLOGY OF THE POPULATION OF THE RAKUSHECHNY YAR SITE DURING THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC PERIODS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Irina Vasilieva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Significant role of ceramics as the most massive and informative source in cultural and historical processes reconstruction in the Neolithic–Eneolithic is generally recognized in Russian archeology. This study was carried out in the framework of the historical and cultural approach to the study of ceramics, developed by A.A. Bobrinsky. The report is devoted to the results of comparative analysis of the pottery traditions of the population who lived on Porechny Island (Rostov

region, Russia) during the Neolithic and Eneolithic periods. Data on their pottery technology points to the deep cultural differences that existed between them. The composition of paste of Eneolithic pottery is very heterogeneous: crushed shell, bird fluff, sand were used as temper, which indicate a significant heterogeneity of this population. The report discusses their possible origins.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-16-17

НАЧАЛО «ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА» НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А. Васильева

Институт языка и литературы КарНЦ РАН, Петрозаводск

На территории Карелии период освоения металла связан с переходным этапом от эпохи камня к «эпохе раннего металла», который представлен культурами с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой. Первые медные изделия выявлены Н.Н. Гуриной на памятниках с ромбо-ямочной керамикой (Деревянное I, Войнаволоок IX и Оровнаволоок II), что позволило исследователю выделить главным признаком энеолита в лесной зоне знакомство населения с металлом, а второстепенным – изменения в керамике и формах каменного инвентаря. К «эпохе раннего металла» ею отнесены памятники энеолита, бронзы и раннего железа [Гурина 1951: 77–142; 1961: 81–112].

М.Е. Фосс, опираясь на материалы поселений на Летнем берегу Белого моря, впервые доказала возможность возникновения металлургии меди на Севере Европы на базе охотничье-рыболовецкого хозяйства. По ее мнению, отнесение памятников к эпохе металла возможно путем комплексного анализа вещественного материала, в том числе техники изготовления орудий, керамики и пр. с учетом местного своеобразия материальной культуры. Первое знакомство с медью она связывала с носителями керамических традиций геометрического стиля (гребенчато-ямочной керамики) [Фосс 1952: 16]. Данное положение согласуется с материалами, выявленными на территории Финляндии, где первые изделия из меди встречены на памятниках с гребенчато-ямочной керамикой и характеризуют общую тенденцию вовлечения в сферу культуры разнообразных материальных ресурсов, являющуюся одним из ключевых

явлений, составляющих суть процесса неолитизации [Нордквист и др. 2013:143–147; Nordquist, Herva 2013].

При изучении памятников Юго-Западного Прибеломорья А.М. Жульников отнес к позднему неолиту комплексы с ромбо-ямочной керамикой. Учитывая, что медные изделия обнаружены на синхронных памятниках с ромбо-ямочной керамикой в бассейне Онежского озера, исследователь не исключает открытие изделий из меди (орудий, украшений) на поселениях северных территорий [Жульников 2005: 3].

При изучении памятников позднего неолита – раннего энеолита И.Ф. Витенковой предложено считать рубежом эпохи металла появление медных изделий, которые впервые встречены на поселениях с ромбо-ямочной керамикой [Витенкова 2016: 6, 122]. Примечательно, что на территории Карелии известно более 300 памятников этого периода, но лишь на единичных обнаружены изделия из меди (Вигайнаволоок I, Войнаволоок IX, Деревянное I, Клим I, Оровнаволоок II, Пегрема I, VII, Сандермоха I).

Эти памятники связаны с бассейном Онежского озера. На стоянке Залавруга IV, приуроченной к бассейну Белого моря, также встречены изделия из меди, но соотнесение с конкретным комплексом затруднительно.

Между тем, несмотря на сохранение определенной преемственности в сложившейся традиции на территории Карелии [Тарасов, Хорошун 2016], вполне оправданно относить данные культурные древности к переходному этапу от эпохи камня к раннему металлу.

ЛИТЕРАТУРА

Витенкова И.Ф. 2016. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: КНЦ РАН. 208 с.
Гурина Н.Н. 1951. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северо-восточном берегу Онежского озера // МИА. № 20.
Гурина Н.Н. 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87.
Жульников А.М. 2005. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск. 310 с.
Нордквист К., Икяхеймо Я., Херва В.-П., Лахелма А. 2013. Медь в каменном веке Северо-Востока Европы: перспективы исследования // ТАС. Вып. 9. С. 143–147.

Тарасов А.Ю., Хорошун Т.А. 2016. Радиоуглеродная хронология периода неолита и энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск. С. 368–387.
Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху // МИА. № 29. 280 с.
Nordqvist K., Herva V.-P. 2013. Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (5500–1800 BC) // European Journal of Archaeology. Vol.16(3). P. 401–432.

BEGINNING OF «EARLY METAL ERA» IN THE TERRITORY OF KARELIA:
THE MATERIALS AND STUDIES

Tatyana Vasilyeva

*Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk*

The paper represents the results of archaeological study of the transitional stage from a Stone Age to the «Early Metal era». This period is represented by cultures of Comb-pit ceramics and Rhomb-pit ceramics on the territory of Karelia. Issues of these cultures development remain unsolved. The main aim

of the research includes representation of materials of cultures of the transitional period from the Neolithic to the Eneolithic. Special attention is paid to N.N. Gurina's and M.E. Foss's contributions in the archaeological study of this territory.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-18-19

**ОТРАЖЕНИЕ В ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЯХ КОНТАКТОВ
ФАТЬЯНОВСКО-БАЛАНОВСКОГО И ПОЗДНЕВОЛОСОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Е.В. Волкова

Институт археологии РАН, Москва

Проблема изучения контактов групп населения с разным уровнем развития гончарства характерна для многих территорий и хронологических периодов. В регионе Верхнего и Среднего Поволжья это проявилось в появлении смешанных гончарных традиций в результате контактов фатьяновско-балановского и местных групп поздневолоосовского населения.

Фатьяновскую и балановскую культуры следует рассматривать как единую культурную общность. Эти племена расселились на территории, занятой поздневолоосовскими племенами охотников и рыболовов, которые также представляли собой единую культурную общность. О том, что фатьяновско-балановское и поздневолоосовское население занимало общую территорию, говорят многослойные поселения, где фатьяновско-балановская керамика как правило встречается в поздневолоосовских слоях. Контакты между этими разными по уровню развития племенами не всегда носили характер военных столкновений. Возникавшие между ними брачные связи нашли отражение в появлении керамики со смешанными фатьяновско-балановскими и поздневолоосовскими традициями – так называемой «фатьяноидной». Это объясняется тем, что в доремесленную эпоху возникновение смешанных гончарных традиций отражает смешение самих носителей этих традиций.

Проблему фатьяноидной керамики рассматривали такие исследователи как А.А. Спицин, М.Е. Фосс,

Д.А. Крайнов, Н.Н. Гурина, И.В. Гаврилова, О.С. Гадзяцкая и др. По общему мнению, такая керамика внешне похожа на фатьяновскую, но не тождественна ей. Она известна на обширной территории европейской части России, а ее особенности зависят от специфики местного населения, с которым смешивались пришлые фатьяновцы и балановцы.

Основным источником моего исследования являются керамические комплексы стоянок Николо-Перевоз I и II (Московская область), Сахтышских I, II и IV стоянок (Ивановская обл.) и поселения Галанкина Гора (Марийское Поволжье), а дополнительным – небольшие керамические коллекции стоянок Дикариха, Ибердус I и Липовка I.

По результатам изучения всего комплекса разновременной керамики на многослойных стоянках Николо-Перевоз мною был выделен комплекс фатьяноидной керамики, включающей три группы: фатьяноидную 1 (смешанная фатьяновско-ошпандинская), фатьяноидную 2 (смешанная фатьяновско-поздневолоосовская) и фатьяноидную 3 (смешанная фатьяновская и какая-то трудноопределимая пока культура эпохи бронзы). Эти же три группы выделяются на поселении Дикариха. На Сахтышских стоянках есть первые две группы, а на Липовке 1 – только группа 2. На всех памятниках наиболее массовая группа – фатьяноидная 2. На поселении Галанкина Гора также выявлена подобная группа керамики, которая явилась результатом смешения поздневолоосовцев

и балановцев и, возможно, дала начало чирковской культуре.

Необходимо подчеркнуть, что во всех трех фатьяноидных группах доминируют именно морфологические фатьяновские традиции: орнаментальные образы, тонкие стенки, высокое прямое горло. В то же время технологические традиции у них разные. У создателей керамики фатьяноидная 2 они остались преимущественно волосовскими. Для части поздне-волосовского населения, вступавшей в брачные контакты с фатьяновцами, было важно, чтобы их сосуды были внешне похожи на фатьяновские. Поскольку морфологические традиции меняются быстрее, чем приспособительные технологические, эта посуда, скорее всего, изготавливалась поздними волосовцами или их детьми от смешанных с фатьяновцами браков, что отражает самое начало процессов культурного смешения.

По традициям составления формовочных масс керамика фатьяноидная 2 различается на разных

памятниках. Так, у волосовцев Галанкиной Горы, Николо-Перевоза, Дикарихи и Ибердуса доминировал рецепт с птичьим пометом, и этот компонент сохранился у смешанных поздневолосовцев. У поздне-волосовского населения Сахтыша и Липовки доминировал рецепт с дробленой раковинной, что также отразилось в их смешанных рецептах. Важно подчеркнуть, что наряду с активным усвоением поздне-волосовцами морфологических фатьяновско-балановских гончарных традиций, шел обратный процесс постепенной утраты своих традиций этим, хотя и более развитым, но малочисленным населением.

Кроме того, когда в смешении принимают участие коллективы, находящиеся на разном уровне социально-экономического развития (как, например, фатьяновцы и поздневолосовцы), результаты смешения гончарных традиций оказываются более яркими, чем при смешении коллективов примерно одного уровня развития (например, фатьяновцев и ошпандинцев).

FATYANOVO–BALANOVO AND THE LATE VOLOSOVO POPULATION CONTACTS THROUGH POTTERY TRADITIONS

Helena Volkova

Institute of Archaeology RAS, Moscow

According to the historical and cultural approach to ceramic materials, the origin of mixed pottery traditions reflects amalgamation of the bearers of these traditions. Research of populations contacts with different levels of pottery production is specific for a wide variety of territories and chronological periods. In the Upper and Middle Volga region the problem of the mixed pottery traditions (morphological as well as technological ones) emerge in the result of contacts between the

Fatyanovo–Balanovo population and the late Volosovo population. In due time A.A. Spitsyn, M.E. Foss, N.N. Gurina, I.V. Gavrilova, O.S. Gadzyatskaya and other researchers devoted their attention to this problem. So-called «Fatyanoid» (or «Fatyanovo-like») pottery that bears features of the Volosovo and the Fatyanovo–Balanovo cultural traditions emerges in the process of amalgamation.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-19-20

ФИНАЛ КУЛЬТУРЫ СПЕРРИНГС: ПРОБЛЕМА И ПУТИ РЕШЕНИЯ

К.Э. Герман

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Наиболее слабоизученным периодом культуры сперрингс является ее финальный этап. В настоящее время существуют несколько точек зрения, высказанные различными исследователями. Первая, традиционная, предполагает ассимиляцию населения культуры сперрингс носителями ямочно-гребенчатой

той керамики [Титов 1972: 49; Савватеев 1977: 315; Панкрушев 1978; Песонен 1991: 84]. Вторая, предложенная А.П. Журавлевым, предполагает участие керамики сперрингс и ямочно-гребенчатой в сложении культуры ромбо-ямочной керамики [Журавлев 1994: 16]. Третья точка зрения была высказана

автором статьи. Она заключается в том, что керамика сперрингс не исчезает бесследно, а получает свое продолжение в материалах ранней гребенчатой керамики (финский стиль I: 2), небольшое количество фрагментов которой присутствует в материалах поселений культуры сперрингс.

В последние годы были получены новые АМС-датировки керамики с разновременных памятников культуры сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики, которые позволили несколько прояснить время их сосуществования на территории Обонежья [Тарасов, Хорошун 2016; Нордвист, Мёккёнен 2018; Nordqvist, German 2018]. На основании этих данных время существования культуры сперрингс определяется 5300/5200–4400 лет до н.э., а ямочно-гребенчатой – 4600/4500–3900 лет до н.э. [Нордвист, Мёккёнен 2018: 42–43]. В результате получается, что соседство носителей двух неолитических культур продолжалось примерно 100–200 лет, что объясняет их слабые взаимные контакты. Предположение

Н.В. Лобановой о том, что взаимодействие культур могло проявляться в «каких-то иных формах, которые не фиксируются археологическими методами», в настоящее время недоказуемо [Лобанова 1991: 100].

Керамика сперрингс финального этапа сильно изменяется в плане орнаментации, что выражается в исчезновении оттисков позвонка и небольшом количестве отступающих линий («отступающая лопаточка»). В то же время возрастает количество орнаментальных композиций из прочерченных (рис. 1: 3) и веревочных линий (рис. 1: 2), а также появляются своеобразные оттиски гребенчатого штампа (рис. 1: 1, 4–6). Подобных сосудов найдено немного и в смешанных комплексах (поселения Сулгу Va, Сандермоха II, Пиндуши I и Войнаволок XX), что увеличивает сложность их выделения.

Возможно предположить, что на финальной стадии носители керамики сперрингс вступали в контакты с населением с ямочно-гребенчатой керамикой, что выразилось в появлении небольшого количе-

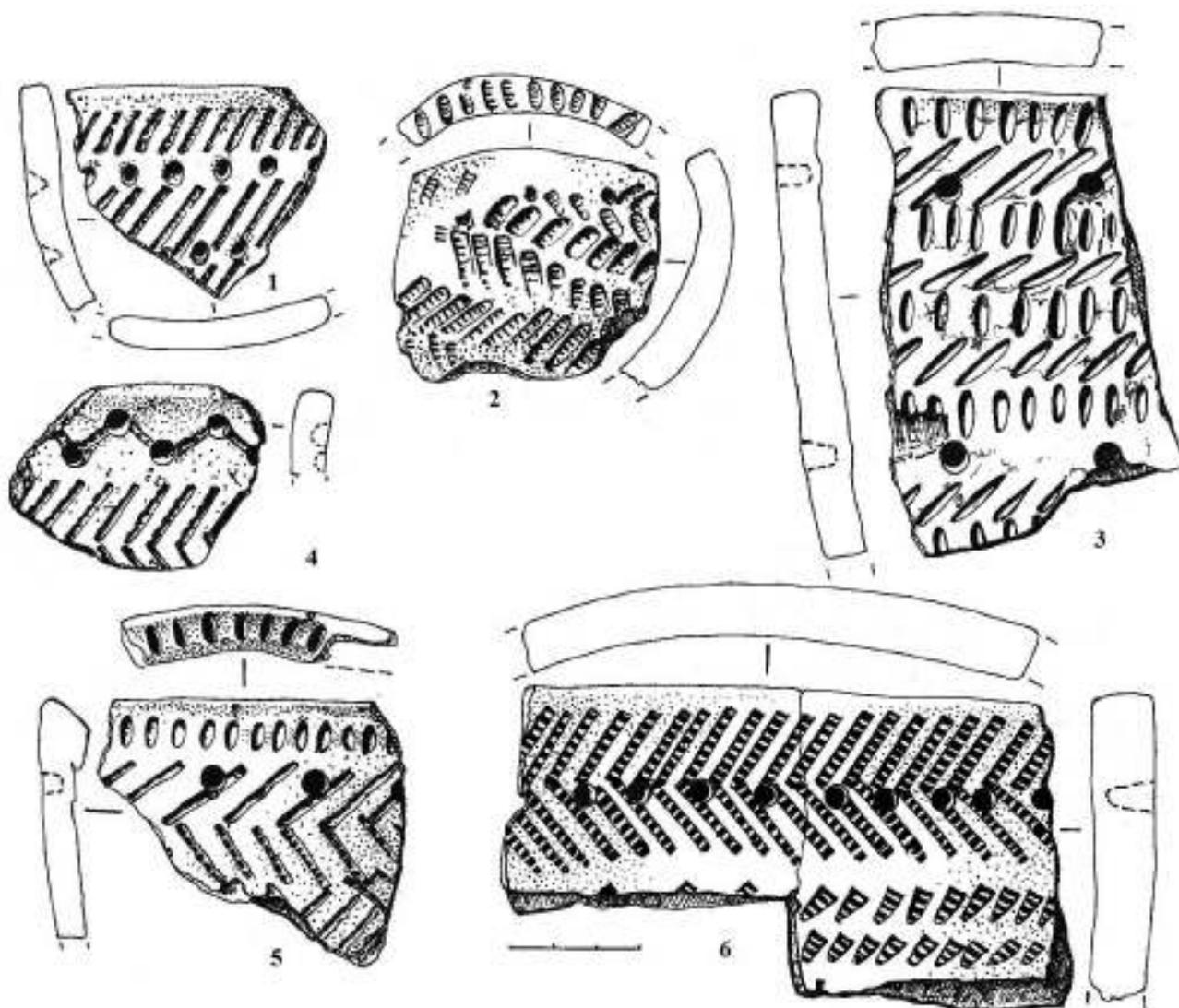

Рис. 1. Керамика культуры сперрингс финального этапа.

ства «гибридных» сосудов. В дальнейшем с 4400 лет до н.э. до 4000–3900 лет до н.э. до появления носителей гребенчато-ямочной культуры на территории

Карелии существовала только культура ямочно-гребенчатой керамики.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлев А.П. 1994. О двух культурных традициях в раннем неолите Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск: КНЦ РАН. № 3. С. 11–16.

Лобанова Н.В. 1991. Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 85–104.

Нордквист К., Мёккнен Т. 2018. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: AMS-датировки неолита-энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Т. 11. Тверь. С. 39–68.

Панкрушев Г.А. 1978. Мезолит и неолит Карелии. Л.: Наука. Ч. II: Неолит. 164 с.

Песонен П.Э. 1991. Хронология и периодизация культу-

ры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 65–85.

Савватеев Ю.А. 1977. Залавруга. Л.: Наука. Ч.2: Стоянки. 326 с.

Титов Ю.В. 1972. О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука. С. 34–51.

Тарасов А.Ю., Хорошун Т.А. 2016. Радиоуглеродная хронология периода неолита-энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы. Смоленск: Свиток. С. 368–387.

Nordqvist K., German K. 2018. New remarks on the chronology of Pit-Comb Ware in Karelia (north-west Russia) // *Fennoscandia archaeologica*. XXXIV (2017). P. 131–138.

THE FINAL STAGE OF THE SPERRINGS CULTURE: THE PROBLEM AND SOLUTIONS

Konstantin German

Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

The most poorly studied period of the Sperrings culture is its final stage. In recent years, there have been new AMS dating of ceramics from multi-temporal settlements of the Sperrings culture and Pit-Comb ware culture, which helped clarify their coexistence in this region. On the basis of these dates, Sperrings culture existence is dated to 5300–5200 – 4400 BC, and the Pit-Comb ware – 4600–4500 – 3900 BC. It can be suggested that the neighborhood of the bearers of

two Neolithic cultures lasted for about 100–200 years, which explains their poor contacts. It is possible to assume that at the final stage the carriers of Sperrings ceramics came into contact with the population with the Comb ceramics, which resulted in the appearance of a small number of «hybrid» vessels. Further, from 4400 till 4000–3900 BC, before the emergence of Comb-Pit culture in the territory of Karelia, there was only a Pit-Comb culture.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-20-22

ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Т.М. Гусенцова

АНО НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербург

Первые находки эпохи неолита в Южном Приладожье (Приладожские стоянки) были сделаны при прокладке нового канала на Ладоге и опубликованы А.А. Иностранцевым в конце XIX в. [Иностранцев 1882]. Большой вклад в изучение территории внесла Н.Н. Гурина. Она дополнительно изучила материалы Приладожских стоянок и в середине 1950-х гг. провела масштабные раскопки стоянок эпохи неолита

и ранней бронзы Усть-Рыбежна I, II. Все материалы она обобщила в фундаментальном труде, посвященном древней истории Карелии и Ленинградской области [Гурина 1961]. В 1973 году В.И. Тимофеевым при низком уровне воды на участках Ново- и Старо-Сяского каналов была собрана керамика нарвской и гребенчато-ямочной культур. В том же году им открыта стоянка Березье в устье р. Волхов, содержащая

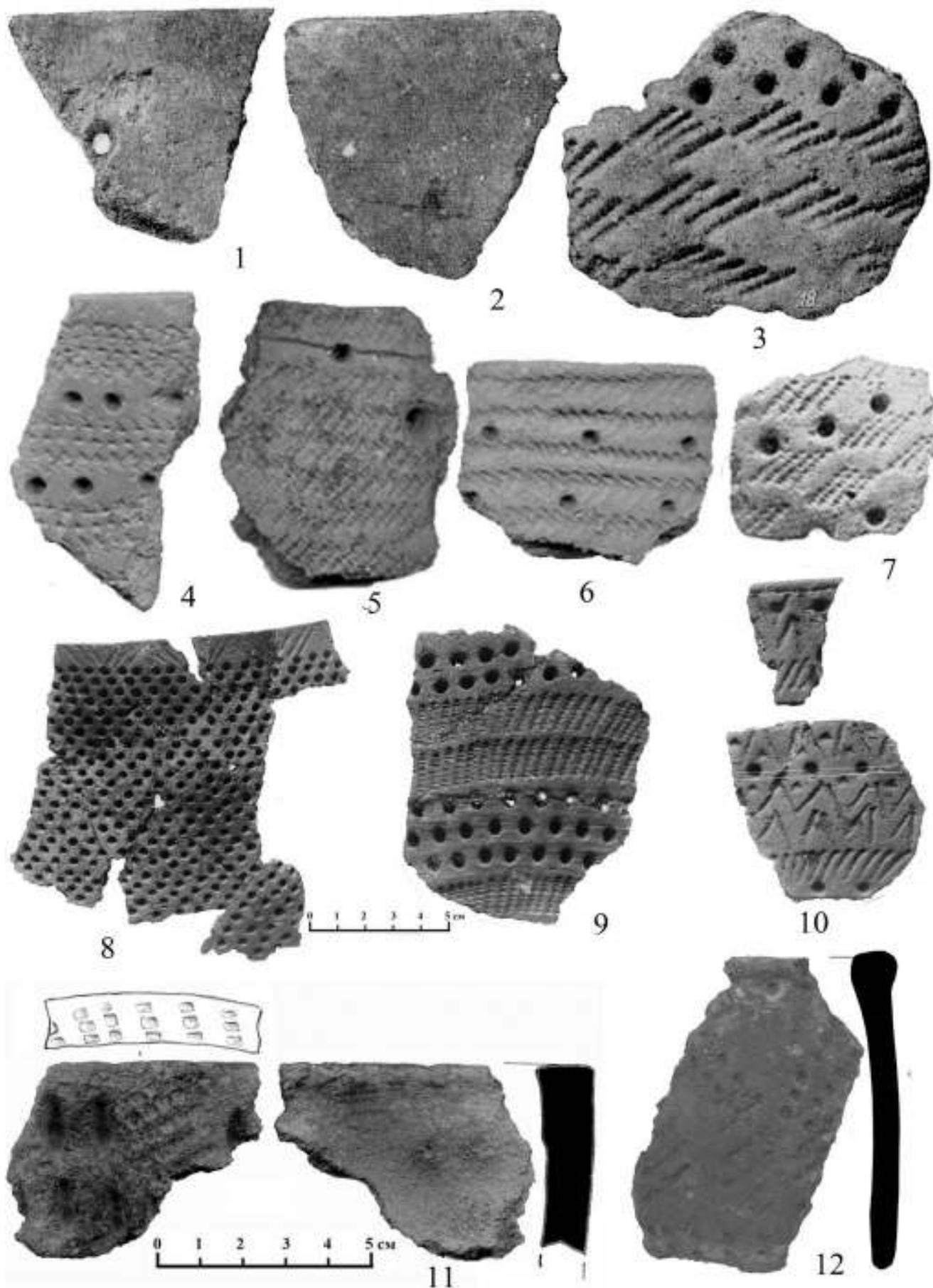

Рис. 1. Керамика неолитических культур Южного Приладожья.

1-2, 3 – Приладожские стоянки; 4-6, 8-10 – Падань 1; 7 – Усть-Рыбежна 1; 11 – Подолье 3; 12 – Подолье 1.

разновременный комплекс неолита [Тимофеев 1993; 1994]. В.И. Тимофеевым опубликованы материалы неолитической коллекции, найденной на территории Староладожского заповедника на р. Волхов [Тимофеев 1997]. В 2010-е гг. в Староладожском заповеднике раскопана новая неолитическая стоянка. Новые материалы по стоянке Усть-Рыбежна 1 были получены группой исследователей в начале 2000-х гг. [Кулькова и др. 2008]. В 1980–2010-е гг. автором открыты и изучены неолитические стоянки на озерах в бассейне р. Оять, притока р. Свирь, связанной с южным побережьем Ладоги. В 2011–2018 гг., автором раскопаны торфяниковые стоянки Подолье 1, 3, расположенные в бассейне р. Лава [Гусенцова и др. 2014].

Материалы памятников оставлены носителями различных неолитических культур, позволяющих проследить их эволюцию, этапы заселения и контакты населения региона. Эпоха раннего неолита региона представлена двумя культурами – нарвской и сперрингс. Керамика нарвской культуры содержится в коллекции Приладожских стоянок и стоянки Березье (рис. 1: 1, 2). На последней найден «гибридный» сосуд, сочетающий традиции изготовления нарвской и сперрингс культур [Тимофеев 1993]. Нарвская керамика аналогична посуде памятников Эстонии, датированной 4900–4200/4100 cal BC [Lang, Kriiska 2001: 107]. Керамика культуры сперрингс обнаружена в Усть-Рыбежна I, Березье, радиоуглеродная дата которой 4990–4710 cal BC [Зайцева и др. 2008]. Комплексы культуры сперрингс найдены на озерных стоянках Падань I, Шокша 1, 4 и др. [Гусенцова 2003]. Посуда культуры сперрингс украшена преимущественно оттисками рыбных позвонков, прочерченным и «веревочным» орнаментом, гребенчатым штампом (рис. 1: 4–6). Близкая керамика памятников Карелии датируется временем от 5300–

5200 лет до н.э. до 4700–4400 лет до н.э. [Нордквист и др. 2018: 42]. Во второй половине V тыс. до н.э. на территории появляются носители культуры ямочно-гребенчатой керамики – Приладожские стоянки, Березье, Усть-Рыбежна I, Подолье 3. Для ямочно-гребенчатой посуды стоянки Усть-Рыбежна 1 получена радиоуглеродная дата 4619–4038 cal BC [Кулькова и др. 2008]. Значительное количество такой керамики найдено в бассейне р. Свирь (Вознесенская, Падань I, II, V, Ащозеро I). Посуда отличается преобладанием ямочного орнамента над гребенчатым, характерным набором рубящих орудий из сланца, наконечниками стрел и другими изделиями из кремня (рис. 1: 8–10). По основным признакам она близка ямочно-гребенчатой культуре Онежского озера. Другой, распространенной в эпоху среднего неолита, является культура типичной гребенчато-ямочной керамики – Приладожские, Усть-Рыбежна I, Староладожская (новые раскопки), Подолье 3 (рис. 1: 3, 7). Для подобной посуды памятников Приневского региона получены даты рубежа V–IV – первой половины IV до н.э. [Гусенцова, Сорокин 2012: 194]. На ряде стоянок, оставленных носителями типичной гребенчато-ямочной керамики, отмечены находки восточно-прибалтийских украшений. В IV тыс. до н.э. на памятниках юго-восточного Приладожья появляются памятники с гребенчато-ямочной керамикой, на которой преобладают круглые, овальные или ромбические ямочные отпечатки, характерные для посуды Карелии – Вознесенье, Падань 1, Подолье 3 (рис. 1: 11). Памятники позднего неолита (Подолье 1, 3) содержат глиняную посуду со смешанными рецептами глиняного теста и орнаментацией, свидетельствующих о западных и юго-восточных контактах населения (рис. 1: 12) [Холкина, Гусенцова 2015].

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. 1961. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА. № 87. М.-Л: Наука. 588 с.
 Гусенцова Т.М. 2003. Керамика раннего неолита северо-востока Ленинградской области // Неолит – энеолит Юга и неолита Севера восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН. С. 268–276.
 Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. 2012. Первый памятник эпохи неолита и раннего металла (Охта 1) в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН. С. 182–199.
 Гусенцова Т.М., Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кулькова М.А., Рябчук Д.В., Сергеев А.Ю., Холкина М.А. 2014. Археология и палеогеография стоянки Подолье 1 в Южном Приладожье // Археология озерных поселений IV–

II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: ООО «Периферия». С. 130–133.
 Иностранцев А.А. 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.
 Зайцева Г., Чернявский М., Долуханов П., Езепенко И., Поснерт Г. 2008. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита Беларуси и сопредельных территорий // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. 3. Минск. С. 77–88.
 Кулькова М.А., Козин Н.А., Мурашкин А.И., Герасимов Д.В., Юшкова М.А. 2008. Геоэкологические особенности неолитической стоянки Усть-Рыбежна 1 // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. СПб. С. 201–220.
 Нордквист К., Мёккёнен Т. 2018. Новые данные по археологической хронологии северо-запада России:

АМС-датировки неолита – энеолита Карелии // ТАС. Вып.11. Тверь. С. 39–53.

Тимофеев В.И. 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб. С. 8–34.

Тимофеев В.И. 1994. О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из Приладожской коллекции А.А. Иностранцева // Вопросы геологии и археологии. Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения профессора Санкт-Петербургского университета, член-корреспондента РАН А.А. Иностранцева. СПб. С. 57–58.

Тимофеев В.И. 1997. Староладожские неолитические стоянки // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.–Псков. Т. 2. С. 331–334.

Холкина М.А., Гусенцова Т.М. 2015. Керамический комплекс торфяниковой стоянки Подолье-1 в Южном Приладожье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб: ИИМК РАН. С. 159–162.

Lang V., Kriiska A. 2001. Pereiodization and chronology of Estonian prehistory // Journal of Estonian Archaeology. 5/2. Tallinn. С. 83–109.

EVOLUTION OF NEOLITHIC CULTURES OF THE SOUTHERN SHORE OF LAKE LADOGA

Tatjana Gusentsova

ANO Scientific and Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Saint-Petersburg

The first known collections from Neolithic sites of the southern shore of Lake Ladoga were published by A.A. Inostrantsev in the late XIX century [1882]. In XX century N. N. Gurina summarized all the known materials in the fundamental work devoted to the ancient history of Karelia and Leningrad region [1961]. During the Neolithic (V–IV millennium BC) several cultures were

recorded in the region. In the Early Neolithic period, the region was inhabited by the population of the Narva and Sperrings cultures. During the Middle Neolithic were spread Pit-Comb and typical Comb-Pit ceramics were spread. Extensive contacts of the local population with inhabitants of other territories are reflected in the materials of the Late Neolithic.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-22-25

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.С. Дога

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

А.Н. Мелентьев выделил прикаспийскую культуру позднего неолита в середине 70-х годов XX века [Мелентьев 1976: 11–13]. И.Б. Васильев отнес ее к первому этапу энеолита [Васильев 1981: 63]. Автор аргументировал это сменой кремневой традиции неолита крупными кварцитовыми орудиями, изменениями орнаментации керамики с накольчатой на гребенчато-прочерченную. Эта точка зрения была поддержана и нашла развитие [Барынкин 1992; Моргунова 2011; Юдин 2012]. Последний, на основании совместного залегания материалов орловской неолитической и прикаспийской культур на Варфоломеевской стоянке, выделяет период нео-энеолита. В.В. Ставицкий отрицает нео-энеолитический этап в Нижнем Поволжье, прикаспийскую считает неолитической, а энеолит связывает с хвалынской культурой [Ставицкий 2013: 32].

По каким критериям допустимо относить прикаспийскую культуру к неолиту или энеолиту? Н.Я. Мерперт под энеолитом понимает период распространения металлических орудий труда [Мерперт 1981: 20]. На памятниках прикаспийской культуры они не обнаружены. М.Е. Фосс считала определяющим не только наличие медных изделий, но и появление новых приемов обработки камня [Фосс 1949: 42]. Инвентарь прикаспийской культуры представляет собой сочетание макро и микро техники, а также наличие техники усиленного отжима, что значительно различает его с предшествующей орловской культурой. Что касается керамической посуды, то отличие упомянутых выше техник нанесения орнамента дополняется различными орнаментальными композициями и оформлением венчика. Для прикаспийской керамики характерны «воротничковый» венчик и разнообразие меандровых узоров, заполненных ря-

дами шагающей гребенки. Л.Я. Крижевская в определении сущности энеолитической эпохи основополагающим признаком, наравне с остатками металла, считала наличие костей домашних животных [Крижевская 1979: 5]. После исследования гомогенного слоя с материалами прикаспийской культуры на поселении Орошаемое I факт наличия у ее носителей домашних животных стал бесспорным [Выборнов и др. 2016].

Таким образом, по ряду признаков: изменение техники обработки каменных орудий, орнамента-

ции посуды и наличию домашних животных, – прикаспийскую культуру можно отнести к периоду энеолита.

Радиоуглеродный возраст материалов прикаспийской культуры определяется интервалом 5500–4800 BC. Необходимо отметить, что ранние даты получены по материалам Северного Прикаспия, а поздние – степного Поволжья. Это позволяет ставить вопрос о двух этапах развития прикаспийской культуры в Нижнем Поволжье.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П.П. 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.
Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев. 129 с.
Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. 2016. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. Т. 18. № 3. С. 140–145.
Крижевская Л.Я. 1979. Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск. 49 с.
Мелентьев А.Н. 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев. С. 13–14.

Мерперт Н.Я. 1981. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж. С. 4–21.
Моргунова Н.Л. 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург.
Ставицкий В.В. 2013. К вопросу о выделении нео-энеолитической эпохи в Поволжье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб. С. 31–33.
Фосс М.Е. 1949. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК. Вып. 29. С. 33–47.
Юдин А.И. 2012. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов. 212 с.

PERIODIZATION AND CHRONOLOGY OF CASPIAN CULTURE

Natalia Doga

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Nowadays the issue of periodization and chronology of the Caspian culture is debatable. This culture was distinguished by A.N. Melentiev for the territory of the Northern Caspian, it was attributed to the Late Neolithic period. Further studies expanded the range of culture and allowed some researchers to relate it to the Eneolithic period. The paper analyzes the criteria for

attributing cultures to the Eneolithic, and gives a brief description of the Caspian culture. The presence of a producing economy and significant differences in the technique of processing stone tools with local Neolithic cultures, all allow attributing the Caspian culture to the Eneolithic.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-25-26

ЭТАЛОННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ САХТЫШ II, IIa, VIII: ХРОНОЛОГИЯ, ТИПОЛОГИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ

Е.В. Долбунова^{1,2}, Е.Л. Костылева³, А.Н. Мазуркевич¹, Дж. Медоус⁴, М.А. Кулькова⁵,
Б. Курель², А. Ликвин⁶, К. Херон², О. Крэг⁶

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

² Британский музей, Лондон, Великобритания

³ Ивановский государственный университет, Иваново

⁴ Центр Балтийской и Скандинавской археологии, Шлезвиг, Германия

⁵ РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

⁶ Университет г. Йорк, Йорк, Великобритания

Верхневолжская культура – археологическая культура с одной из самой ранней керамикой на территории лесной зоны Восточной Европы [Зарецкая, Костылева 2008; Костылева и др. 2016]. Эта культура была выделена по специфической глиняной посуде, найденной на многослойных памятниках Верхнего Поволжья [Крайнов 1996; Костылева 1986, 1994; Энгеловатова и др. 1998; Жилин и др. 2002]. Группа стоянок у оз. Сахтыш является ключевой для понимания формирования и облика центральной группы ВВК и глиняной посуды ее классических трех этапов [Костылева 1986, 1994, 2003].

При анализе керамической коллекции, происходящей из стоянок Сахтыш II, IIa, VIII, в рамках описанных трех этапов ВВК вычлняются различные технологические традиции, которые соответствуют и определенным орнаментальным и морфологическим группам.

Выделяется статистически самая распространенная цепочка технологических операций для II–III этапов сосудов ВВК – в качестве формовочной массы выбирались два типа глин – жирные глины смектитового состава с ожелезненными включениями и глины гидрослюдистого состава с включениями водной растительности (указаны определения согласно петрографическим анализам). В качестве отошителя использовался шамот, песок. Используются в основном уложенные в два ряда ленты. Поверхность заглажена. Следы «расчесов» достаточно редкие, скорее всего, убирались впоследствии в результате заглаживания. Выделяются сосуды толщиной стенок 0.5–0.6 и 0.7–0.8 см.

Выделяется несколько групп неорнаментированных или слабоорнаментированных сосудов, которые относятся к I этапу ВВК. Формы сосудов закрытые, есть фрагменты ребер, что указывает на выраженную биконичность. Также реконструируются прямостенные сосуды и небольшие миски. Для их изготовления реконструируются следующие цепочки операций:

– глины каолинит-гидрослюдистого состава, тощие. В качестве отошителя – песок. Сосуды сделаны в технике N, с растягиванием и без растягивания лент. Толщина стенок – около 0.6 см. Эти фрагменты заметно отличаются от основного керамического массива. Они были найдены на суходольной части, находят аналогии в керамике валдайской культуры.

– глины смектит-каолинитового состава, жирные с примесью измельченной растительности (20%). Выполнены из лент, с N креплением, характерна заглаженность поверхности. Эти сосуды составляют отдельную группу, которые находят аналогии в керамике нарвской (типа п. Звезде) и руднянской культуры (типа п. Сертея XIV).

– глины смектитового состава, тощие. В качестве отошителя – песок, дробленая кость, шамот. Лепка в ленточной технике, N-крепление лент, с заглаживанием поверхности.

– глины каолинит-монтмориллонитового состава, жирные, с примесью дробленой раковины. Ленты сильно растянуты, укладывались по кругу, в два ряда. Толщина стенок сосудов 0.6 и 0.7–0.8 см.

Для создания отдельной группы сосудов III этапа ВВК, орнаментированных оттисками длинной тонкой гребенки, использовалась формовочная масса с примесью дресвы. Сосуды покрыты сверху отмученной глиной, часто другого состава, чем основная формовочная масса. В качестве шамота использовались раздробленные фрагменты сосудов.

Анализ дат 14С позволяет установить хронологические границы ВВК от 6040–5950 до 5200–5070 до н.э. [Зарецкая, Костылева 2008; Костылева и др. 2016; Dolbunova et al. 2017] (рис. 1). Судя по пространственной модели распределения находок в торфяниковой части п. Сахтыш IIa фрагменты неорнаментированных сосудов, залегающие в нижнем слое, отделены стерильной прослойкой от вышележащих фрагментов других этапов [Dolbunova et al., 2017].

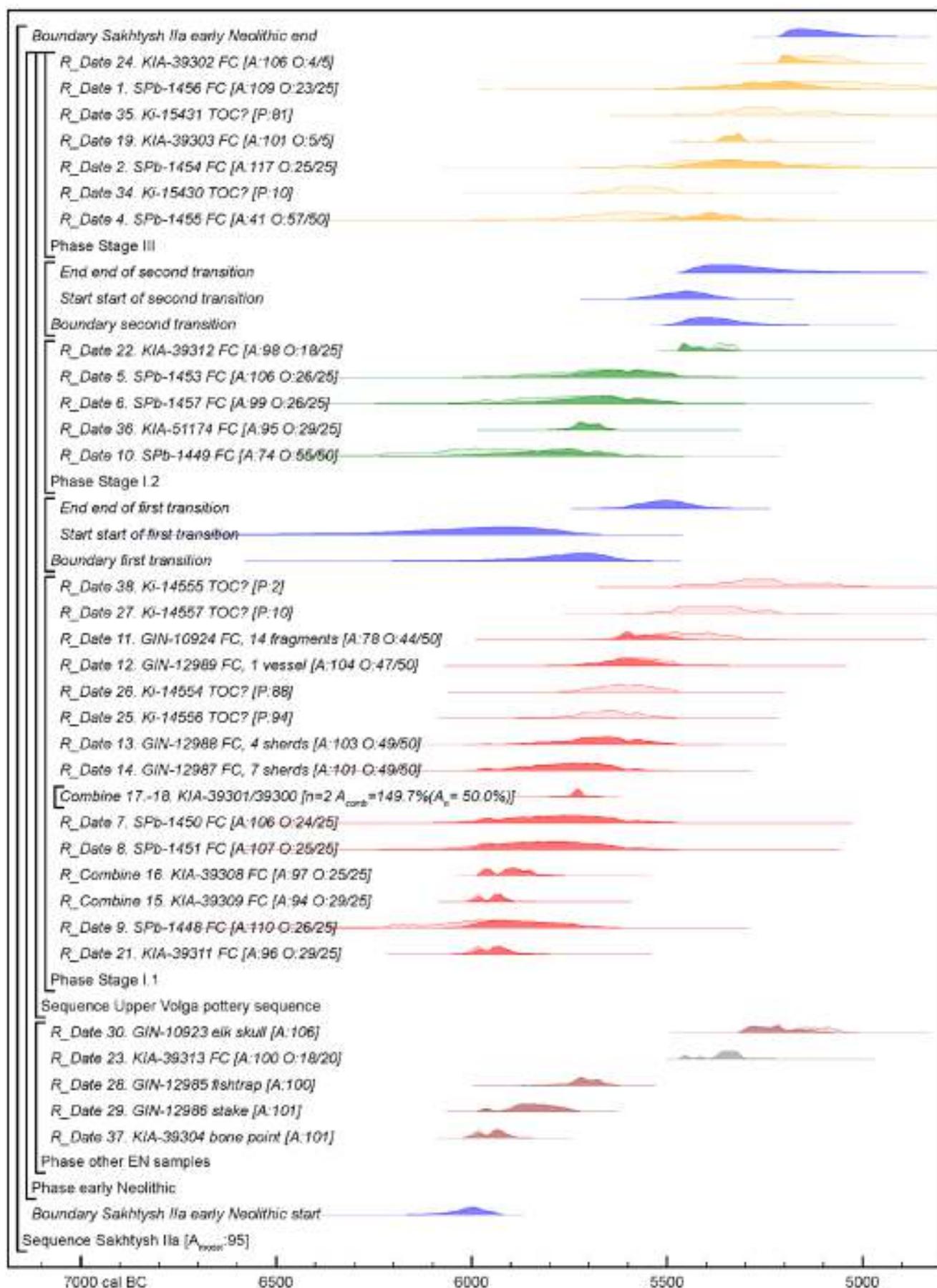

Рис. 1. Хронологическая модель для различных типов керамики верхневолжской культуры по материалам п. Сахтыш IIa.

Проведенные масс-спектрометрические анализы на газовом хроматографе, исследования соотношения значений изотопов углерода (^{13}C) и азота (^{15}N) позволяют предположить, что сосуды использовались для обработки мясных и рыбных продуктов, так

и для обработки растительных продуктов. Маркеры растительных продуктов доминируют в сосудах самого раннего этапа ВВК, постепенно сокращаясь к последнему этапу.

ЛИТЕРАТУРА

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука.
Зарецкая Н.Е., Костылева Е.Л. 2008. Радиоуглеродная хронология начального этапа раннеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш IIa) // РА. № 1. С. 5–14.
Крайнов Д.А. 1996. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 166–172.
Костылева Е.Л. 1986. Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. С. 138–151.
Костылева Е.Л. 1994. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. № 1. С. 53–57.
Костылева Е.Л. 2003. Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины (особенности неолитизации

лесной зоны) // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб: Изд-во ООО «АкадемПринт». С. 213–218.
Костылева Е.Л., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н. 2016. Новые данные по хронологии раннеолитических материалов памятников Сахтыш 2a // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н.э. СПб. С. 154–164.
Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. 1998. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // СА. № 2. С. 11–21.
Dolbunova E., Kostyleva E., Kulkova M., Meadows J., Mazurkevich A., Lozovskaya O. 2017. Chronology of early Neolithic materials from Sakhtysh IIa (Central Russia) // Documenta Praehistorica. XLIV. P. 176–191.

UPPER VOLGA CULTURE POTTERY CHRONOLOGY, TYPOLOGY AND USE (BASED ON SAKHTYSH II, IIa, VIII SITES)

**E.V. Dolbunova^{1,2}, E.L. Kostyleva³, A.N. Mazurkevich¹, J. Meadows⁴, M.A. Kulkova⁵,
B. Courel², A. Lucquin⁶, O.E. Craig⁶, C. Heron²**

¹ The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg

² The British Museum, London, UK

³ Ivanovo State University, Ivanovo

⁴ Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology, Schleswig, Germany

⁵ Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg

⁶ University of York, York, UK

Ceramic assemblage of Upper Volga culture is one of the earliest one in Eastern Europe. This culture was distinguished based on pottery found in multi-layer sites of Upper Volga basin. Group of sites near Sakhtysh Lake is a key one for understanding of formation of central area of Upper Volga culture and «classical» three ceramic stages division. Based on petrographic and technological macrotraces analysis several chains of technological operational sequences were identified.

Different technological traditions, which correspond to definite décor and morphological groups, can be distinguished here. This might testify almost complete transfer of new traditions to this territory, that can be recorded based on ceramic complexes. GC-MS analysis of the lipids allowed suggesting that vessels were primarily oriented towards terrestrial and aquatic animal products. However, a particular importance, especially on the first stage, was devoted to plant products.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-27-29

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ГОРОДИЩЕ АМНЯ I – НОВЫЕ ДАННЫЕ

Е.Н. Дубовцева*, Л.Л. Косинская**, Х. Пиецонка***

* Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург,

** Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

*** Институт пре- и протоистории, Кильский университет имени Кристиана Альбрехта, Киль, Германия

Городище Амня I расположено в ХМАО-Югра, на правом берегу р. Амни (приток р. Казым) и состоит из двух площадок на мысу бортовой террасы (рис. 1–А). Оно имеет три линии обороны и 10 жилищных впадин. 5 из них, а также участки оборонительных сооружений исследованы раскопками [Морозов, Сте-

фанов 1993; Стефанов, Борзунов 2008]. Не вызывает сомнений разновременность существования объектов на городище. Однако остается много вопросов о последовательности их формирования и функционирования. В поисках ответов был проведен планиграфический анализ распределения керамики и

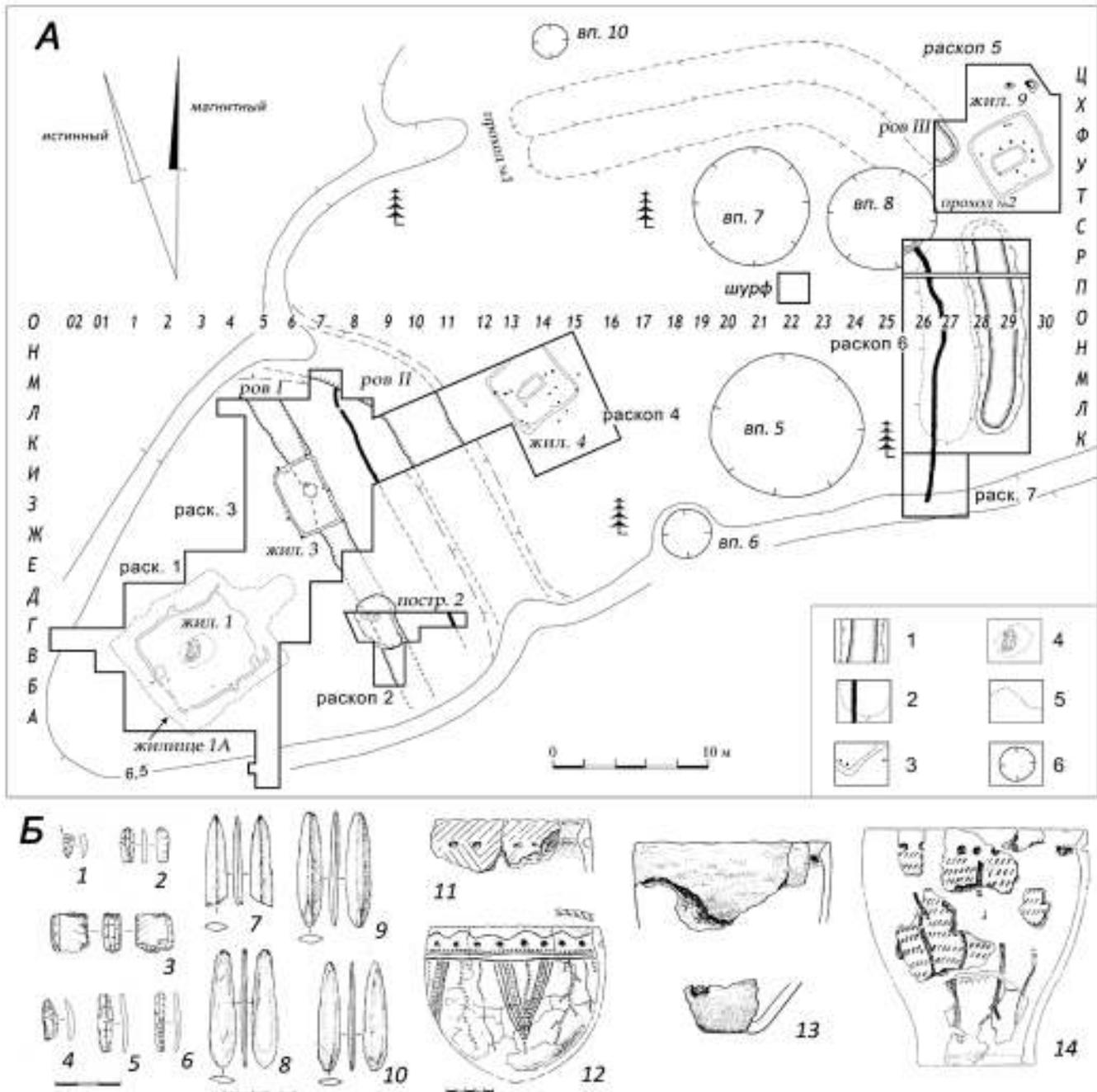

Рис. 1. А – план городища Амня: 1 – ров, 2 – канавка в основании вала, 3 – границы неолитических объектов, 4 – очажный слой, 5 – границы энеолитического жилища 1а, 6 – жилищные впадины; Б – вещевой комплекс: 1 – 10 – камень, 11 – 14 – керамика (11 – жилище 4, 12 – жилище 1, 14 – оборонительная система III).

каменного инвентаря. Керамика (всего около 40 сосудов) представлена различными морфологическими и орнаментальными группами (рис. 1–Б: 11–14). Корреляция между технологией изготовления, морфологией и орнаментацией не прослеживается. Планиграфический анализ орнаментальных групп показал, что исследованные жилища содержат разное количество керамики с прочерченным и гребенчатым орнаментом. В жилище 9 не обнаружена посуда с гребенчатыми узорами, а в постройке 2 нет керамики с накольчатым и прочерченным орнаментом, единично она встречается и в жилище 3. В жилище 1 доминирует керамика с гребенчатой орнаментацией, а в жилище 4 — с накольчатой. Кроме того, в жилище 9 обнаружены только полуяйцевидные сосуды с округлым или коническим дном. Остальные объекты содержали также крупные баночные плоскодонные емкости с прикрытым устьем.

Планиграфия каменного инвентаря выявила равномерное распределение колотого кварца, обломков шлифованных орудий и абразивных инструментов по выделенным объектам. Кремневые микропластинки (38 экз.) (рис. 1–Б: 1, 2, 4–6) и нуклеусы пластинчатого расщепления (17 экз., рис. 1–Б: 3) также найдены во всех контекстах в количестве 1–3 экз. Наиболее многочисленны они на дне жилища 9 (6 пластинок) и в скоплении кремня около очага 2 под валом III (12 пластинок, 4 нуклеуса). Скопление трактуется как точок, предшествовавший строительству последней линии укреплений. Шлифованные наконечники стрел (рис. 1–Б: 7–10) — целые (19 экз.) и обломки (9) найдены также во всех объектах. В

энеолитическом жилище 1а их было особенно много (7 экз.). Наконечник в виде стержня подквадратного сечения из постройки 2 типологически отличается от большинства остальных изделий.

Анализ планиграфии вещевого комплекса позволяет выдвинуть рабочую гипотезу о более раннем возрасте объектов восточной периферии памятника (жилище 9, очаг 2, возможно, также и жилище 5) относительно остальных сооружений.

Абсолютная хронология памятника также не дает ответа на поставленные вопросы. Всего получено 5 дат: три по углю из жилища 9 (6900 ± 90 (Ле–4973), 8760 ± 280 (Ле–4974а), 8630 ± 180 (Ле–4974б)), две — с одного неорнаментированного сосуда из жилища 1 (по керамике 6920 ± 90 (Ki–16028) и по нагару (7590 ± 40 (Poz–97648) [Стефанов, Борзунов 2008: 111; Косинская 2011: 243; Piezonka et al. in press]. Даты, попадающие в 9–8 тыс. до н.э., не считаются валидными, остальные имеют разрыв в 600 лет. Подобная ситуация наблюдается для однокультурного памятника Кирип-Вис-Юган 2. Вероятное объяснение может заключаться в том, что на даты нагара влияет более или менее равный, резервуарный эффект, который связан с использованием сосудов для приготовления или хранения рыбы.

Таким образом, вещевой комплекс Амни I является важным источником для изучения распространения и смешения культурных традиций в раннем неолите региона. Обилие нерешенных проблем абсолютной и относительной хронологии делает актуальным возобновление исследований на этом уникальном памятнике.

ЛИТЕРАТУРА

Косинская Л.Л. 2011. Радиоуглеродные датировки памятников амнинского культурного типа // ВАУ. Вып. 26. Екатеринбург–Сургут: Магелан. С. 243.
Морозов В.М., Стефанов В.И. 1993. Амни I — древнейшее городище Северной Евразии // ВАУ. Вып. 21. Екатеринбург. С. 143–170.
Стефанов В.И., Борзунов В.А. 2008. Неолитическое городище Амни I (по материалам раскопок 1993 и

2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья / А.Я. Труфанов (ред.). Екатеринбург–Сургут: Уральское изд-во. С. 93–111.
Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A. The emergence of early pottery in the Urals and Western Siberia — new dating and stable isotope evidence / In print

EARLY NEOLITHIC SITE OF AMNYA I — REVISION

Ekaterina Dubovtseva*, Lubov Kosinskaya, Henny Piezonka*****

* *Institute of History and Archaeology, Urals Branch, Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg*

** *The Urals Federal University, Ekaterinburg*

*** *Institute of Pre- and Protohistory, Christian Albrechts University, Kiel, Germany*

The ancient fortified settlement of Amnya I is a unique site of the early Neolithic in the northern taiga zone of Western Siberia (Khanty-Mansi Autonomous

Region, the Amnya River). It is located on a promontory and has three lines of defense and 10 dwelling depressions. The structures of the excavated dwellings

are identical, though the artifact assemblage looks very heterogeneous. Spatial analysis of ceramics and lithic inventory was carried out. In dwelling 9 only round-bottomed ceramics with a incising and pricking ornament were found. In dwellings 2, 3 – with comb patterns, and in dwellings 1 and 4 both types are present, as well as flat-bottomed vessels with an incising and pricking ornament. Different categories of stone tools are found in each construction, although most of the flint

microblades and cores are located in the eastern part of the settlement (defensive system III and dwelling 9), while most of polished slate arrowheads are deposited in its western part (dwellings 1 and 1A). Absolute dates does not allow chronology reconstruction of different objects and constructions. New AMS date is probably vulnerable to a significant reservoir effect. The abundance of questions related to chronological issues forces renewal of investigations on this unique site.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-30-32

РОДСТВЕННЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ОБЩНОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ: ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

И.Н. Езепенко, И.В. Езепенко

Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

В бассейне верхнего Днепра в пределах территории Беларуси на современном этапе исследований зафиксированы ареалы трех неолитических культур: нарвской, днепро-днецкой и верхнеднепровской. Причем последние две принято относить к родственным культурам и включать в состав днепро-днецкой культурной общности [Телегин 1996: 54–55].

Поселения днепро-днецкой неолитической культуры расположены на разных топографических уровнях низовьев Припяти, среднего и нижнего течения Березины, нижнего течения Сожа и участков течения Днепра в пределах Центральноравнинской равнины и Гомельского Полесья.

В Беларуси поселения днепро-днецкой культуры определялись сначала как памятники типа Литвин на Востоке Полесья [Исаенко 1967: 48, 95, 99], затем этот термин трансформировался в восточно-полесский вариант днепро-днецкой культуры [Исаенко 1969: 37]. Со второй половины 1990-х годов используется новый таксон – восточно-полеская культура днепро-днецкой общности [Телегин 1996: 53; Телегин, Титова 1998: 8].

Характерные черты днепро-днецких памятников наиболее выразительно представлены в керамических комплексах низовьев Припяти [Исаенко 1972: 47–53, 66–67] и долины Днепра в пределах Гомельского Полесья [Язепенко 2014: 19–34]. Морфологические, технологические и орнаментальные признаки неолитических сосудов, полученных в результате раскопок не менее 25 поселений, позволили на основании типологии определить их относи-

тельную хронологию. А также подтвердить новыми радиоуглеродными датировками предположение о том, что северные и периферийные памятники днепро-днецкой культуры продолжают существовать на ее самом позднем 4 этапе [Езепенко 2016: 289].

До последнего времени актуальными остаются проблемы связанные с формированием ранне-неолитических комплексов, абсолютная хронология днепро-днецкой культуры в целом, и особенно для Восточного Полесья. Намечались только первые шаги в плане междисциплинарного изучения поселений днепро-днецкой культуры: петрографический анализ керамики и радиоуглеродное датирование по нагару, геоморфологический и геохимический анализ поселенческих структур в микрорегионе Стрешинской низины.

Крайне слабо пока проанализированы технологические аспекты кремневого инвентаря восточно-полесского варианта днепро-днецкой культуры. Типологические построения отражают лишь определяющие формы орудий, а в силу того, что исследовались в основном стоянки без выраженной стратиграфии, то кремневый набор изделий носит в большинстве своем смешанный характер.

Верхнеднепровская неолитическая культура получила свое название также далеко не сразу. На ранних этапах изучения неолитических стоянок в левобережной части Верхнего Поднепровья они включались в область распространения культур с гребенчато-ямочной керамикой [Фосс 1952: 65] или в область культур с гребенчато-накольчатой керамикой [Телегин 1961: 38].

Во второй половине 1960-х и первой половине 1970-х годов 245 неолитических памятников Смоленского, Минского, Могилевского и Гомельского Поднепровья, начиная от истоков Днепра и до устьев Березины и Сожа были объединены в ареал верхнеднепровской культуры [Тюрина 1970: 42]. По состоянию на конец 1990-х годов сообщается о том, что культура представлена материалами не менее 300 поселений, из которых более 40 раскопаны

[Калечыц 1997: 171]. И несмотря на внушительную источниковедческую базу, по-прежнему остаются спорными западные и южные границы ареала культуры, морфологические черты керамических комплексов, генезис культуры на основе «местного мезолита». Скудны пока и радиоуглеродные данные, не более 6, появившиеся в основном благодаря датированию нагара на стенках сосудов разных периодов развития верхнеднепровской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Езепенко И.Н. 2016. Материалы к радиоуглеродной хронологии среднего неолита Поднепровья Беларуси (поселения Днепра и бассейна Березины) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток. С. 280–289.

Исаенко В.Ф. 1967. Неолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти // Белорусские древности: доклады к конференции по археологии Белоруссии, январь-февраль 1967 г. Минск, 1967. С. 48–106.

Исаенко В.Ф. 1969. Литвин-3 памятник восточно-полесского варианта днепро-днепровской культуры // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск. С. 39–52.

Исаенко В.Ф. 1972. Неолитическая керамика Полесья // Беларускія старажытнасці: матэрыялы канферэнцыі па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. Мінск. С. 45–69.

Калечыц А.Г. 1997. Верхнеднепровская культура //

Археалогія Беларусі. Каменны і бронзавыя вякі. Мінск. Т. 1. С. 170–190.

Телегин Д.Я. 1961. К вопросу о днепро-днепровской неолитической культуре // СА. № 4. С. 26–40.

Телегин Д.Я. 1996. Днепро-днепровская культурная общность // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 48–58.

Телегин Д.Я., Титова Е.Н. 1998. Поселения днепро-днепровской этнокультурной общности эпохи неолита. Свод археологических источников. Киев: Наукова думка, 1998. 142 с.

Тюрина И.М. 1970. Неолит Верхнего Поднепровья // СА. № 3. С. 40–52.

Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. Вып. 29. 278 с.

Язепенка И.М. 2014. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў. 240 с.

NEOLITHIC CULTURES OF THE DNIEPER-DONETSK COMMUNITY OF THE UPPER DNIEPER REGION: COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES

Igor Yazepenko, Irina Yazepenko

Institute of History of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

The report provides data on the two Neolithic cultures of the Upper Dnieper basin: the Dnieper-Donetsk and Upper-Dnieper cultures. It addresses the main stages of researches of the Neolithic sites on the right bank of the Dnieper River and the middle and lower Sozh River.

Even now the problems related to the formation of Early Neolithic complexes, the absolute chronology of the Dnieper-Donetsk culture in general, remain, topical, especially for the Eastern Poles'e. Only the first steps have been attempted in terms of interdisciplinary study of the settlements of the Dnieper-Donetsk culture:

a petrographic analysis of ceramics and radiocarbon dating of soot, a geomorphological and geochemical analysis of settlement structures in the Streshinskaya lowland micro-region.

Despite the impressive historiographic data, the western and southern borders of the Upper Dnieper culture area, the morphological features of ceramic complexes, and the genesis of the culture based on «local Mesolithic» still remain controversial. Radiocarbon dates made mainly on soot on the walls of vessels of different periods, are also scarce.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-32-34

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА-РАННЕЙ БРОНЗЫ СО СТОЯНКИ ПОДЗОРОВО ИЗ РАСКОПОК М.Е. ФОСС 1953 ГОДА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

А.С. Желудков*, Р.В. Смольянинов**, И.В. Климкова***

* ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк

** Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

*** Государственный исторический музей, Москва

В 1927 году краевед Н.Н. Демин передает в Московский исторический музей свои коллекции, собранные в окрестностях г. Мичуринска Тамбовской области (ГИМ 104032. Оп. А 833). Благодаря этим сборам стало известно о находках эпохи неолита на западе Тамбовской области. Они послужили поводом для более тщательного обследования окрестностей Мичуринского района в бассейне р. Воронеж (левый приток р. Дон). Для этого в 1952 г. по заданию ГИМ производится археологическая разведка у села Старое Тарбеево, а уже в 1953 г. М.Е. Фосс провела раскопки стоянок Подзорovo и Глинище.

Подзорovo – местность на левом берегу реки Воронеж, приблизительно в 1,5 км ниже по течению от села Старое Тарбеево. Стоянка располагается на береговом возвышении на высоте 3–4 м над уровнем реки.

В 1953 г. раскопками было исследовано более 200 кв.м памятника. Стратиграфия наслоений мощностью до 2 м состояла из «черноземных почв» и поздних наносов. По итогам раскопок М.Е. Фосс был сделан вывод, что первоначально на этом месте существовала поздненеолитическая стоянка, а затем поселение эпохи бронзы. Анализируя полученную керамическую коллекцию, Мария Евгеньевна разделила ее на две группы – поздненеолитическую (прежде всего, ямочно-гребенчатую) и относящуюся к эпохе бронзы (прочая).

На сегодняшний день материалы керамической коллекции исследуемой стоянки можно разделить на несколько археологических культур.

К группе неолитической керамики по М.Е. Фосс на современном этапе относятся материалы двух археологических культур.

1. Среднедонской ранненеолитической культуры VI – первой половины V тыс. до н.э. Выделена в 1971 году А.Т. Синюком.

2. Поздних этапов льяловской культуры IV тыс. до н.э.

В группе «керамики эпохи бронзы» с точки зрения современных представлений о культурах неолита – ранней бронзы Донской лесостепи нам удалось выделить четыре типа керамики.

3. Керамика дронихинской поздненеолитической культуры. Выделена как тип А.Т. Синюком, а позднее как культура – А.В. Сурковым. Время бытования – IV тыс. до н.э.

4. Энеолитическая среднестоговская культура. Памятники среднестоговской культуры на территории Верхнего Дона и сопредельных территорий описаны В.П. Левенком в его диссертационном исследовании. Именно с этого момента здесь начинается их масштабное изучение. Сейчас они датируются на Верхнем Дону первой половиной IV тыс. до н.э.

5. Энеолитический ксизовский тип керамики. Выделен Р.В. Смольяниновым при раскопках многослойного поселения Ксизово 6 в 2004–2005 годах. На сегодняшний день подобных памятников известно более 15. Они датируются серединой IV тыс. до н.э.

6. Репинская культура раннего бронзового века. Репинские памятники объединил в особую археологическую культуру А.Т. Синюк в 1981 году. Она датируется на Верхнем Дону рубежом IV–III тыс. до н.э.

Таким образом, в эпоху неолита – ранней бронзы это место заселялось не менее шести раз. Работы М.Е. Фосс стали основой и одной из отправных точек исследований проблематики эпох неолита – ранней бронзы VI–IV тыс. до н.э. на Верхнем Дону.

Работа написана при поддержке гранта РФФИ проект 18-49-48004 р_а

THE MATERIALS OF THE LATE NEOLITHIC-EARLY BRONZE AGE
FROM THE SETTLEMENT PODZOROVO FROM THE EXCAVATIONS OF M. E. FOSS, 1953:
A NEW VIEW

Andrey Zheludkov, Roman Smol'yaninov, Irina Klimkova

* «Archaeological research», Lipetsk

** Lipetsk State Pedagogical P.P. Semyonov-Tyan-Shansky University, Lipetsk

*** State Historical Museum, Moscow

Analyzed ceramic collection from the M. Foss' excavations, 1953, from the settlement Podzorovo in Michurinsky district, Tambov region, are housed in the State Historical Museum (GIM 104032, Op. A 833) was analyzed. The materials attributed to Dronicha Late

Neolithic culture, Eneolithic Sredniy Stog Culture and ceramics of the Ksizovo type, as well as Repinskaya Culture of the Early Bronze Age were identified. All these materials were previously attributed to the Neolithic and Early Bronze age.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-34-35

**НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НИХ**

В.Н. Карманов*, Н.Г. Недомолкина, А.Ф. Мельничук*****

* *Институт языка, литературы и истории федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар*

** *Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологда*

*** *Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь*

В докладе будет представлена характеристика культурных образований неолита на северо-востоке Европы (Республика Коми и северная часть Пермского края, Вологодская и Архангельская области, Ненецкий АО) согласно современным представлениям их исследователей.

С начала XX в. разрозненные сведения о находках неолита поступают из разных частей региона. Лишь в 1920–30-е гг. его отдельные территории стали исследоваться профессиональными археологами (М.Е. Арсакова, И.К. Цветкова, А.А. Брюсов, М.Е. Фосс). В конце 1940-х – начале 1950-х гг. это позволило М.Е. Фосс предложить первое обобщение и систематизацию некоторых материалов: в западной части региона были обособлены памятники каргопольской и беломорской культур. Эти образования, по мнению М.Е. Фосс, складывались на основе традиций культур ямочно-гребенчатой керамики. Известные памятники бассейна р. Печоры она отнесла к печорской культуре. При этом, опираясь на немногочисленные и разрозненные данные, исследователь высказала предположение о сравнительно позднем и слабом освоении этого региона в конце II – первой половине I тыс. до н.э. и отметила отсутствие здесь материалов известных на тот момент неолитических

культур [Фосс 1947; 1952]. Лишь в 1957 г. инвентарь стоянки Печорская с неолитической керамикой позволил Н.Н. Гуриной «уточнить вопрос первичного заселения Печорского края, устанавливая наличие более раннего этапа его древней истории» [Гурина 1957].

В результате последующих исследований Г.М. Бурова [1967], В.Е. Лузгина [1972; 1973], В.П. Денисова [1969], С.В. Ошибкиной [1978], Э.С. Логиновой [1978; 1989], В.С. Стоколоса [1988], И.В. Верещагиной [2010], Л.Л. Косинской [1997], М.В. Иванищевой [2006], А.Ф. Мельничука [Денисов и др. 2013], Н.Г. Недомолкиной [2004], В.Н. Карманова [2008] в 1950-х – 2010-х гг. было определено многообразие материальной культуры неолитического населения северо-востока Европы. Особенно активно в эти годы изучается современная территория Пермского края, Республики Коми, крайних западных частей Архангельской и Вологодской областей, некоторых участков восточной окраины Архангельской области и Ненецкого АО.

Еще в 1960-х гг. потеряли свою актуальность представления о беломорской и печорской культурах. В 1978 г. С.В. Ошибкина представила обновленную концепцию каргопольской культуры [Ошибки-

на 1978], не потерявшую актуальности по сей день, поскольку аналогичные по масштабу исследования с тех пор здесь не проводились. Частично она была подтверждена позднее исследованиями многослойных поселений Вёкса и Вёкса III.

Северную часть Пермского края с верхним течением р. Камы и ее притоками впервые обследовал в 1949 г. О.Н. Бадер [1954], а затем разведки здесь провел В.П. Денисов [1969]. Последующее изучение этого перспективного региона, не затронутого негативным воздействием сооружения Камского водохранилища, возобновил во второй половине 1990-х гг. А.Ф. Мельничук. С небольшими перерывами это исследование продолжается до настоящего времени [Мельничук и др. 2018]. В результате выявлено соответствие материалов региона двум культурам – камской и волго-камской; поставлен вопрос о присутствии здесь носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики и энтьгского типа [Мельничук и др. 2013].

Исследователями были предложены преимущественно локальные схемы развития культур и модели освоения территорий в неолите. Особенно активно исследования по систематизации и обобщению данных по этому периоду проводились на территории Республики Коми: с 1965 г. по 2008 г. были представлены различные концепции развития культур этого региона, которые неоднократно пересматривались, в т.ч. исследователями, их предложившими [Буров 1967; 1974; 1986; Верещагина 2010; Косинская 1997; Недомолкина 2007; Карманов 2008].

Однако только в 2000-х гг. в связи с новыми открытиями, публикациями их результатов и благодаря сотрудничеству исследователей сопредельных территорий удалось конкретизировать существовавшие ранее представления и получить новые данные об особенностях формирования неолитических культур региона и времени их возникновения. Так, результаты исследований Вёксы и Вёксы III в совокупности с материалами вычегодских стоянок Энты I и III позволили по-новому представить последовательность развития неолитических культур [Карманов, Недомолкина 2015]. Сопоставление материалов раннего и среднего неолита нижней Сухоны (Березовая слободка II–III, VI) и бассейна Печоры (Дутово 1, Черноборская III), местонахождения Пезмог IV на р. Вычегде и Хомутовское болото 2 на р. Вишере удалось получить материалы, более определенно документирующие связи различных частей региона в неолите. С привлечением данных о вычегодском местонахождении камской культуры Пезмог IV стало возможным уверенно удревнить возраст ее некоторых памятников до раннего неолита.

В связи с этим авторы доклада возлагают надежды на то, что результаты их дальнейшего совместного исследования позволят приблизиться к построению адекватной модели культурных процессов в эпоху неолита на этой обширной территории северо-востока Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н.* 1954. Жертвенное место под камнем Писаным на р. Вишере // СА. Т. XXI. С. 241–258.
- Буров Г.М.* 1967. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М.: Наука. 220 с.
- Буров Г.М.* 1974. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск. 120 с.
- Буров Г.М.* 1986. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск. 37 с.
- Верещагина И.В.* 2010. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб.: Петербургское востоковедение. 232 с.
- Гурина Н.Н.* 1957. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // СА. Т. II. С. 115–120.
- Денисов В.П.* 1969. Свидетели древности – камень, бронза и железо // На западном Урале. Пермь. С. 312–327.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Бурмасов М.С., Чурилов Э.В.* 2013. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск. С. 66–71.
- Иванищева М.В.* 2006. Ранний неолит Нижнего Посухонья // Археология: история и перспективы. Вып. 2. Ярославль: Рыбинский Дом печати. С. 85–105.
- Карманов В.Н.* 2008. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: изд-во Коми научного центра УрО РАН. 226 с.
- Карманов В.Н., Недомолкина Н.Г.* 2015. Неолит северо-востока Русской Равнины: современные концепции // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург. С. 84–104.
- Косинская Л.Л.* 1997. Неолит // Археология Республики Коми. М.: Дик. С. 91–146.
- Логонова Э.С.* 1978. Поселение Энты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. МАЕСВ. Вып. 7. Сыктывкар. С. 3–23.
- Логонова Э.С.* 1989. Поселения эпохи неолита на Средней Вычегде // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М. С. 66.
- Лузгин В.Е.* 1972. Древние культуры Ижмы. М.: Наука. 128 с.

Лузгин В.Е. 1973. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // Археологические исследования в бассейне Печоры. МАЕСВ. Вып. 5. Сыктывкар. С. 22–34.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., Карманов В.Н. 2018. Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 49–50.

Недомолкина Н.Г. 2007. Неолит Верхней Сухоны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 22 с.

Недомолкина Н.Г. 2004. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: ИИМК РАН. С. 265–279.

Ошибкина С.В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука. 231 с.

Стоколос В.С. 1988. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука. 256 с.

Фосс М.Е. 1947. Неолитические культуры Севера Европейской части СССР // СА. Т. IX. С. 29–46.

Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. № 29. 278 с.

THE NEOLITHIC CULTURES IN THE NORTHEASTERN EUROPE AND MODERN CONCEPTS

Victor Karmanov*, Nadezhda Nedomolkina, Andrey Mel' nichuk*****

* *Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar*

** *The Vologda State Museum-Preserve of History, Architecture and Decorative Arts, Vologda*

*** *Perm State University, Perm'*

The report will present the modern ideas about the Neolithic cultures in the northeastern Europe (NEE: Vologda and Arkhangelsk regions, Nenets Autonomous Area, Komi Republic and the northern part of Perm Territory).

Since the beginning of the XX century disparate information about the Neolithic artefacts came from different regions of NEE. Only in the 1920–30s these territories were studied by professional archaeologists (M.Ye. Arsakova, I.K. Tsvetkova, A.Ya. Bryusov, M.Ye. Foss). In 1952 M.E. Foss proposed a first generalization and systematization of some materials. As a result of subsequent investigations in 1950–2010s the diversity

of the Neolithic of NEE was suggested (N.N. Gurina, G.M. Burov, V.E. Luzgin, V.P. Denisov, S.V. Oshibkina, E.S. Loginova, V.S. Stokolos, I.V. Vereshchagina, L.L. Kosinskaya, M.V. Ivanischeva, A.F. Mel' nichuk, N.G. Nedomolkina, and V.N. Karmanov). These archaeologists proposed local schemes for the development of different cultures. Available generalized publications, on the contrary, had a wide geographical scale and regional particularities were underrepresented. In this regard, the authors hope that the results of their collaboration will allow developing an adequate model of cultural processes during the Neolithic in the NEE.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-35-37

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МАЯК 2 НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

А.М. Киселева, А.И. Мурашкин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Поселение неолита – эпохи раннего металла Маяк 2 располагается в северной части Кольского полуострова на побережье Дроздовской губы Нокуевского залива Баренцева моря. Памятник был исследован с 1979 по 1984 гг. КолАЭ ЛОИА под руководством Н.Н. Гуриной. Благодаря большой вскрытой площади, хорошей сохранности органики и многочисленной коллекции артефактов, памятник является уникальным для территории всей Северной Фенноскандии.

В общей сложности на поселении было вскрыто 1032 кв.м. Культурный слой разбирался условными горизонтами мощностью 0,15–0,18 м по квадратам 2×2 м. В основном культурный слой исчерпывался двумя или тремя горизонтами разборки, но в центральной части количество горизонтов доходило до четырех [Гурина 1997: 56]. По результатам радиоуглеродного датирования древесного угля и нагара на керамике поселение датируется в интервале 4730–

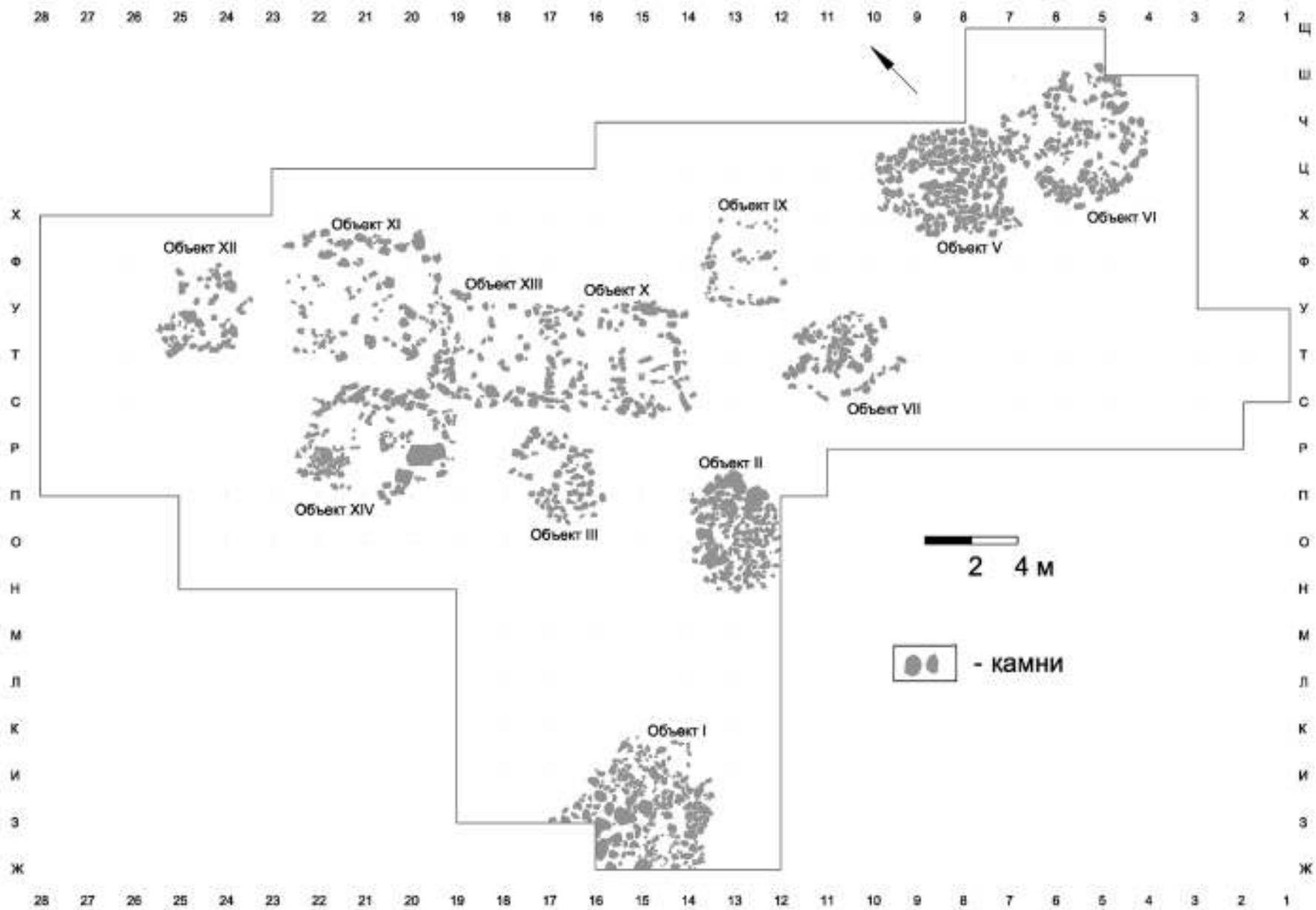

Рис. 1. Расположение каменных выкладок на поселении Маяк 2.

1430 calBC [Гурина 1997: 138; Мурашкин, Карпелан 2013].

Согласно Н.Н. Гуриной на поселении выделяется 12 жилых и хозяйственных объектов. Из них 4 относятся к эпохе неолита [Гурина 1997: 60], а остальные – к эпохе раннего металла. Неолитические материалы были найдены в 4 горизонте в центральной части поселения и в 1–2 горизонте – в южной. К сожалению, в публикации уделено мало внимания интерпретации и датировке изученных объектов и распределению находок.

Изученные нами полевые дневники, отчеты, описи и планы поселения содержат много неопубликованной информации, позволяющей уточнить и значительно дополнить выводы автора раскопок.

1. Были сведены в единый план все чертежи с расположением камней и находок. Уточнены границы очагов, ям, каменных выкладок (некоторые из которых являются жилищами) и раковинных куч (рис. 1); аналогии им имеются на памятниках Северной Норвегии (Иверсфьорд, Шлетнес, Гресбакен НВ, Ниельв) [Helskog 1983; Simonsen 1961; Renouf 1989]. Кроме того, выявлено два новых объекта (XIII и XIV), которые могут интерпретироваться как жилища.

2. Выявленные скопления фаунистических остатков, каменного дебитаж, фрагментов керамики зачастую совпадают с контурами объектов и свидетельствуют об их функции как жилищ или мест скопления отходов.

3. Фиксируется несколько участков концентрации отщепов кремня, фрагментов и изделий из мыльного камня, пемзы. Так, подавляющее большинство находок из мыльного камня, включая литейную форму для кельта, жировые лампы (тигли?), наваршия булавы, схематические имитации топоров/молотов, скульптурные изображения, обнаружены в горизонтах 1–2, в которых залежали материалы конца неолита – начала эпохи раннего металла. В центральной части поселения в контурах и непосредственной близости от объекта XI отмечается большое количество фрагментов мыльного камня (необработанных и на разной стадии обработки) [Гурина 1997: 88], что дает дополнительные основания для более узкой датировки объекта (жилища). Больше всего кремневых отщепов найдено рядом с объектами I, XI, XII.

4. В результате анализа керамики выделен ряд условных сосудов, относящихся к нескольким типам, среди которых сярэйсьнеми I (неолит), ловозеро, вардой (эпоха раннего металла), щельмой (ранний железный век). Выделение сосудов последнего типа важно для определения возраста памятника, функционирование которого продолжалось до первых веков нашей эры. Об этом может свидетельствовать никогда не публиковавшаяся Н.Н. Гуриной радиуглеродная дата 1420 ± 40 uncal BP (Le-2633) из квадрата 249, горизонт 1.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01070

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение». 240 с.
Мурашкин А.И., Карпелан К. 2013. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб: СПбГУ. С. 200–207.
Helskog E. 1983. The Iversfjord Locality. A Study of Behavioural Patterning during the Late Stone Age of

Finnmark, North Norway // Tromsø Museums Skrifter, Vol. XIX. Tromsø: Tromsø Museum, Universitetet i Tromsø. 162 p.
Renouf M.A.P. 1989. Prehistoric hunter-fishers of Varangerfjord, Northeastern Norway / B.A.R. International Series 487. 254 p.
Simonsen P. 1961. Varanger-Funnene II. Fund og udgravninger på fjordens sydkyst. Tromsø Museum Skrifter, Vol. VII, hefte 2. 524 p.

CULTURAL STRATIGRAPHY OF SETTLEMENT MAYAK 2 ON KOLA PENINSULA

Alevtina Kiseleva, Anton Murashkin

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

The Mayak 2 site is located on the north shore of Kola Peninsula in Nokuev Bay of Barents sea and dated from the Neolithic to the Early Metal period. The site was excavated from 1979 till 1984 by Kola Archaeological

Expedition led by N.N. Gurina. The excavations yielded rich array of finds, which included, besides stone tools and pieces of ceramic, large number of bone and antler artefacts and faunal remains.

N.N. Gurina described 12 different objects at the settlement. But a lot of unpublished information helps to specify the object's construction and its interpretation.

Analogies for these objects, such as houses, shell middens, fireplaces, exist at the settlements in North Norway and Kola Peninsula.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-37-40

«ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА»?

Е.М. Колпаков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

«Эпоха раннего металла» (ЭРМ) – общепринятое понятие археологии Северной Европы и устоявшийся термин. Применяется оно и в других регионах Евразии. ЭРМ примерно покрывает конец неолита, бронзовый век и раннее железо системы трех веков. При этом все считают, в том числе и наши коллеги из соседних северных стран, что это понятие ввела Н.Н. Гурина в послевоенные годы.

В ее работах этот термин впервые появляется в трех статьях, опубликованных в 1947 г. [Гурина 1947а; 1947б; 1947г]. Причем первые две были подготовлены к печати еще в 1941 г. Употребляется термин следующим образом: в начале статьи – «группа поздне-неолитических стоянок раннего металла» [Гурина 1947а: 60], «на всех неолитических и раннеметаллических поселениях» [Гурина 1947а: 64]; в конце статьи – «Принадлежность поселения Оров-наволок к эпохе раннего металла не вызывает сомнений» [Гурина 1947а: 73], «относить поселение Вой-наволок к эпохе раннего металла» [Гурина 1947а: 74]. При этом в третьей статье в этом же сборнике Н.Н. Гурина не употребляет термин «эпоха раннего металла», а пишет о каменных лабиринтах, что «они должны датироваться эпохой бронзы или раннего железа» [Гурина 1947в: 93]. Таким образом, с одной стороны, из текстов ясно, что в 1941 г. понятие еще не устоявшееся и употребляется вместе с «поздним неолитом», «бронзой» и «ранним железом». С другой стороны, автор использует термин без объяснений, как вполне понятный коллегам.

Причина, из-за которой понадобилось новое понятие, была вполне убедительной – это серия памятников в Прионежье, раскопанных А.Я. Брюсовым и Н.Н. Гуриной в 1930-е годы, в которых позднеполи-

тическая, как тогда считалось, керамика сочеталась с одновременным производством железа и бронзы. Сам А.Я. Брюсов первоначально избегал употребления этого термина. В его книге 1940 г. «История древней Карелии» он употреблен лишь один раз во фразе «неолитические и раннеметаллические археологические культуры» [Брюсов 1940: 13].

Идея, вероятно, восходит к В.И. Равдоникасу, у которого в статье, написанной в 1928 г., используются «период металла», «эпоха металла», «ранняя пора металла», «ранний металл», «эпоха палеометалла», «палеометалл» [Равдоникас 1931]. Употребление этих терминов у него возникает в контексте противопоставления хорошей изученности каменного периода Карелии плохой изученности периода металла, в первую очередь, «памятников поздне-железной культуры» [Равдоникас 1931: 54].

К концу 1940-х первоначальное обоснование понятия исчезло, термин прижился, а понятие приобрело совсем другой смысл. Одно из современных определений для Северной Европы – ЭРМ – «это период, в течение которого изделия из металла становятся хорошо известны древнему населению, однако действительно массовое их распространение еще не имело места» [Тарасов 2013: 172].

Вопрос в том, как ЭРМ, или «палеометалл», вписывается в систему трех веков? Получается, что система раздваивается в неолите и затем соединяется в век железа. Ничего плохого, как и хорошего, в этом самом по себе нет. Однако хотелось бы в этом разобраться, поскольку археологическая систематика есть концентрированное и наиболее осязаемое выражение эволюции человеческого общества.

Работа выполнена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0002

ЛИТЕРАТУРА

- Брюсов А.Я. 1940. История древней Карелии. ГИМ. М. 320 с.
- Гурина Н.Н. 1947а. Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района // Археологический сборник. ГИ КФССР. Петрозаводск. С. 59–74.
- Гурина Н.Н. 1947б. Поселение эпохи раннего металла на северо-восточном берегу Онежского озера // Археологический сборник. ГИ КФССР. Петрозаводск. С. 75–85.
- Гурина Н.Н. 1947в. К вопросу о лабиринтах Беломорья // Археологический сборник. ГИ КФССР. Петрозаводск. С. 86–93.
- Гурина Н.Н. 1947. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // КСИА. XXI. С. 55–57.
- Равдоникас В.И. 1931. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии // Карелия: Ежегодник Карельского Государственного музея за 1928 г. Петрозаводск. С. 53–69.
- Тарасов А.Ю. 2013. Эпоха раннего металла – время максимального усложнения каменной индустрии (на примере Карелии) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб.: Скифия-принт. С. 172–175.

«EARLY METAL AGE»?

Eugen Kolpakov

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg

The «Early Metal Age» is a generally accepted concept of archeology in Northern Europe and an established term that approximately covers the end of the Neolithic, Bronze Age and Early Iron of the Three-Age System. Everyone thinks, including our colleagues from neighboring northern countries, that this concept was introduced by Nina Gurina in the post-war years. In her works, this term first appears in three articles published in 1947. This concept finds its roots in the ideas of Vladislav Raudonikas and Alexander Bryusov. The reason for which a new concept was needed was

quite convincing – this was a series of sites in the Prionezhie, excavated by Bryusov and Gurina in the 1930s, in which, as it was then believed, Late Neolithic ceramics were combined with the simultaneous production of iron and bronze. By the end of the 1940s, the original rationale for the concept had disappeared and it has a completely different meaning. The question is, how does the «Early Metal Age», or «Paleometal», fit into the Three-Age System? It turns out that the system forks in the Neolithic and then connects in the Iron Age.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-40-41

ОТ НЕОЛИТА К ЭНЕОЛИТУ
(ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ)

А.И. Королев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Переход от неолита к энеолиту в лесостепном Поволжье связан с памятниками самарской и затем хвалынской культуры. Результатом контактов между их носителями стали материалы ивановского типа (второго этапа самарской культуры). Эти культуры отнесены к энеолиту, а их памятники изучены на рр. Самара, Сок, Безенчук, и др. [Васильев, Матвеева 1979; Васильев 1981; Васильев, Синюк 1985; Агапов и др. 1990; Моргунова 1995, 2011; История Самарского Поволжья 2000; Королев и др. 2015, 2019; Турганикское поселение 2017]. Отличительные маркеры энеолита региона: керамика с примесью раковины и воротничковым венчиком; крупные пластины

из кремня и кварцита; подвижное животноводство (мелкий и крупный рогатый скот); костяные фигурки и кости лошадей на жертвенных площадках; новая погребальная обрядность (скипетры, престижный инвентарь, охра); расширение ассортимента изделий из камня и кости, появление изделий из меди.

Другие культурные типы среднего и позднего энеолита не содержат столь полного набора признаков энеолита или совсем их не содержат. Очевидно, протекавшие процессы взаимодействия пришлого и местного населения имели многолинейный характер. Есть различия в материалах энеолита р. Самары и р. Сок. В бассейне р. Самары располагались Съезжен-

ский и Ивановский могильники, шире представлены ранние материалы самарской культуры. Видимо, неолитическое население южных районов находилось под более сильным самарским и хвалынским влиянием, что иллюстрируется токским и турганикским типами. Это подтверждается и материалами могильника Екатериновский мыс, расположенного на р. Безенчук на юге лесостепи.

На р. Сок доминирующая линия развития также связана с самарской и хвалынской культурами. В позднем энеолите ее продолжил тип керамики с «внутренним ребром» (вторая половина IV тыс. до н.э.). На поселении Лебяжинка VI в жилище найден медный шлак, кости крупного и мелкого рогатого скота [Korolev et al. 2018]. Т.е. имеются основания для отнесения этого типа к энеолиту.

Вторая линия развязана с поселением Лебяжинка III. Поселок со стационарным жилищем содержит воротничковую керамику с примесью раковины и пера птиц, орудия на кремневых и кварцитовых отщепках, кости диких видов животных. Продолжением лебяжинского типа стали материалы Гундоровского поселения. Хозяйство осталось присваивающим, нет данных об использовании меди, нет и вещей, которые могли бы отразить социальные изменения. Носители средневожской культуры под влиянием самар-

ского населения стали делать сосуды с воротничком, расширили ассортимент каменного инвентаря, но сохранили неолитическое охотничье-рыболовецкое хозяйство. Хронология лебяжинского типа включает IV тыс. до н.э.

Третья линия представлена керамикой многослойных стоянок Большая Раковка II, Чесноковка, Чекалино IV, Лебяжинка VI, и др. Посуда стоянок несколько различается, но основные черты близки. Сосуды, в основном, баночной или котловидной формы с примесью раковины, прямыми и слабо отогнутыми венчиками часто с небольшими утолщениями. Орнамент выполнен в основном гребенчатыми штампами, есть ямчатые и веревочные вдавления. Керамика имеет «неолитоидный» облик, что объясняется продолжением традиций средневожской культуры. Эти материалы отражают наиболее устойчивую местную неолитическую линию развития на всем протяжении IV тыс. до н.э., без существенных внешних заимствований.

Таким образом, в лесостепном Поволжье выделяются три линии развития, отразившие степень вовлечения местного неолитического субстрата в орбиту влияния пришлых ранних скотоводов с воротничковой керамикой со второй половины V до конца IV тыс. до н.э.

Работа выполнена при поддержке госзадания № 33.1907.2017/пч

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т. 159 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. С. 147-166.
- Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ. 128 с.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ. 118 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Л.В.Кузнецова, А.А.Ластовский, А.Е.Мамонов, А.А.Выборнов, И.Б.Васильев, Н.В.Овчинникова, А.А.Хохлов: гл. ред. П.С.Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. 223 с.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2015. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. Т. 17, № 3 (2). С. 514-517.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2019. Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013-2016 гг.) // ПА. № 1(27). С. 18-32.
- Моргунова Н.Л. 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, ОГПИ. 222 с.
- Моргунова Н.Л. 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 220 с.
- Турганикское поселение в Оренбургской области. 2017 / Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова и др. : под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ОГАУ. 300 с.
- Korolev A., Kulkova M., Platonov V., Rosljikova N., Shalpinin A., Yanish E. 2018. Archaeological materials of eneolithic settlements in forest-steppe zone of the Volga region: a source for diet and chronology. Radiocarbon, Vol 60, Nr 5. P. 1587-1596.

THE PROBLEM OF THE TRANSITIONAL PERIOD BETWEEN THE NEOLITHIC
AND THE ENEOLITHIC IN THE VOLGA REGION FOREST-STEPPE

Arkadii Korolev

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

The period which demonstrates the transition between the Neolithic and the Eneolithic in the forest-steppe Volga region is associated with the formation of the Samara culture and with the spread of the Khvalyn culture. These processes have their own specifics on the Samara river and the Sok river. Signs of the occurrence of the Eneolithic with some variations are presented in the materials of the Samara and Khvalyn cultures. This line of development in the Late Eneolithic on the Sok river was represented by ceramics with an «inner edge» from the Lebyazhinka VI site. A dwelling with the a copper slag, bones of cattle and small cattle was found here. The second line is connected with Lebyazhinka III settlement of the Sok river. Most of the vessels have a rim thickening. Only wild species were identified. These

materials turned out to be close to the materials of the Gundorovsky settlement. The local Neolithic population was under the influence of migrants from the steppe Volga region. It can be evidences through appearance of pottery with a collar. The materials of Lebyazhinka and Gundorovka are dated to the IV millennium BC. The third line is represented by materials of multilayered sites: Bolshaya Rakovka II, Chekalino IV, Lebyazhinka VI and others. It can be characterized by particular pottery which bears lots of Neolithic traits. This is due to its origin from the ceramics of the Middle Volga culture. Apparently, these materials reflect the most stable local Neolithic line of development throughout the 4th millennium BC, without any significant borrowings from the culture of the newcomers.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-41-43

**О ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ ПАМЯТНИКАМИ ЭПОХ МЕЗОЛИТА
И РАННЕГО НЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ОЗ. ВОЖЕ**

Н.В. Косорукова*, В.А. Лукинцева*, С.А. Воронков, Т.С. Гринина***

** Череповецкий государственный университет, Череповец*

*** Череповецкое музейное объединение, Череповец*

Памятники каменного века в бассейне озера Воже (Вологодская обл.) изучались М.Е. Арсаковой в 1920-е гг., А.Я. Брюсовым в 1930–50-е гг. [Брюсов 1951: 7–76], С.В. Ошибкиной в 1970-е гг. [Ошибкина 1978]. С 2002 г. здесь работает экспедиция Череповецкого госуниверситета и Череповецкого музейного объединения под руководством Н.В. Косоруковой. В настоящее время в бассейне оз. Воже известны единичные памятники эпох мезолита – раннего неолита и довольно многочисленные памятники эпох позднего неолита и раннего металла. Среди мезолитических памятников наиболее полно исследована и представлена торфяниковая стоянка Погостище 15 на р. Модлоне [Косорукова и др. 2017: 67–83], которая датируется по данным радиоуглеродного анализа 7800–7100 кал. лет до н.э. Материалы эпохи раннего неолита выявлены пока только на одном торфяниковом памятнике Караваиха 4 на р. Еломе [Косорукова и др. 2018: 78–86], датированном по С14 6390–4624 кал. лет до н.э. Учитывая большой разброс дат, наличие наконечников стрел на пластинах, а также

то обстоятельство, что даты, которые удалось пока получить по керамическому нагару, относятся ко времени 5642–4700 кал. лет до н.э., хронология памятника Караваиха 4 определяется в пределах финального мезолита – раннего неолита.

Сопоставление каменного и костяного инвентаря памятников Погостище 15 и Караваиха 4 показывает множество отличий, которые особенно выразительны при сравнении кремневой индустрии. На Погостище 15 в качестве сырья использовался, в основном, галечный кремь низкого качества серого и черного цвета; изделия из кремня хорошего качества единичны. Среди кремневого инвентаря довольно многочисленны нуклеусы, нуклеидные обломки, обломки кремня со следами снятий, а также скребки. Нуклеусы, в основном, не имеют правильной формы, с них сделаны одно или несколько снятий неправильных, не широких, относительно коротких пластин или отщепов. Преобладают одноплощадочные нуклеусы, представлены также двуплощадочные и торцовые (рис. 1: 1–6). Единичны формы, когда с

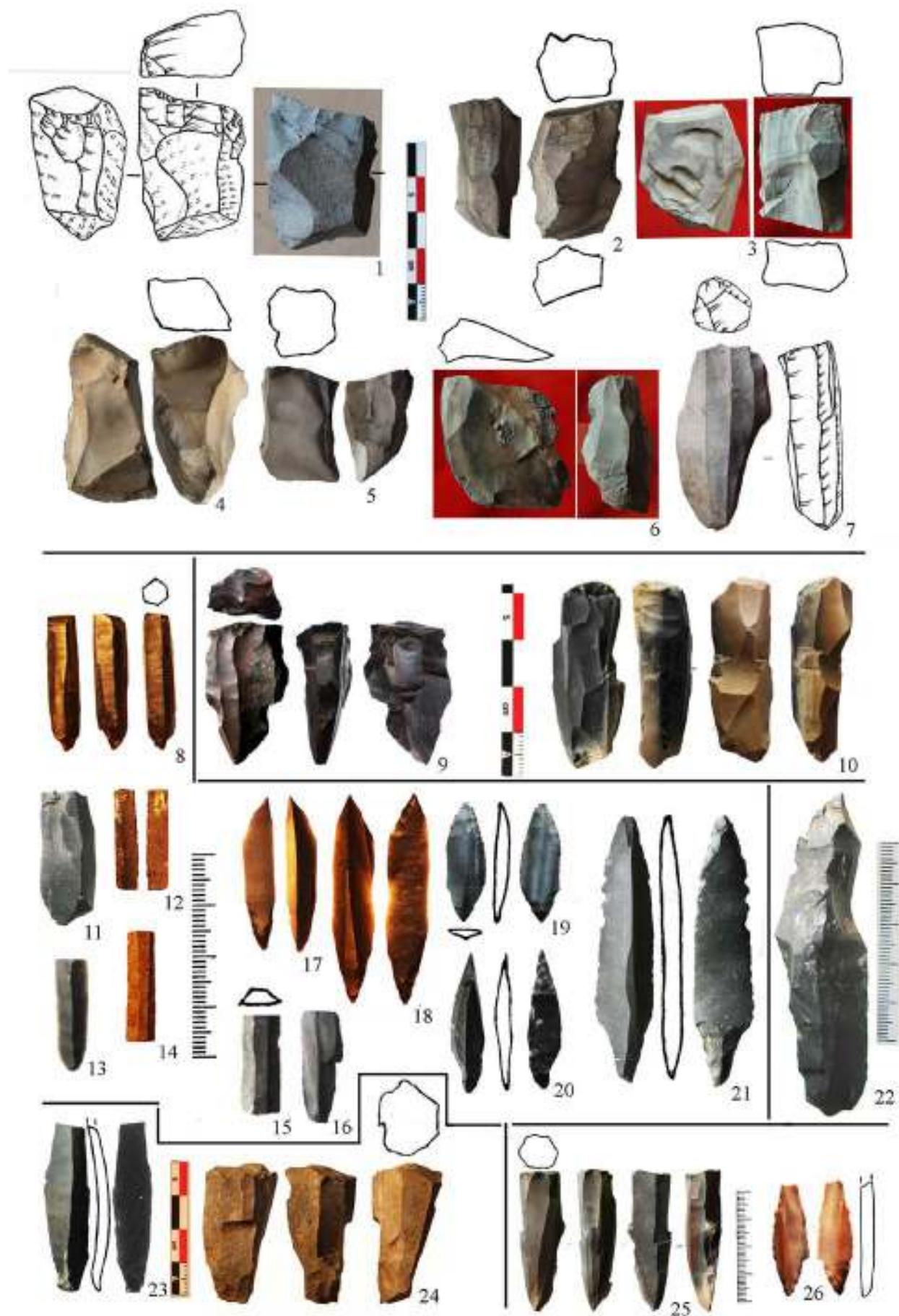

Рис. 1. Кремневый инвентарь памятников эпохи мезолита – раннего неолита в бассейне оз. Воже. 1–7 – Погостище 15; 8–24 – Каравайха 4; 25–26 – Каравайха 3 (1–10, 24, 25 – нуклеусы, 11, 16 – пластинки, 12–15 – микропластинки и вкладыши из них, 17–21, 26 – наконечники стрел на пластинах, 22 – ребристый скол, 23 – резец на пластине).

одного фронта произведено несколько снятий относительно коротких микропластин. Не представлены совершенно нуклеусы правильные типа карандашевидных с замкнутым скалыванием, единичны нуклеусы, приближающиеся к конусовидным (рис. 1: 7). Количество пластин относительно невелико, и среди них преобладают изделия средней ширины с нерегулярной огранкой спинки, микропластины единичны. Совершенно не представлены наконечники стрел на пластинах, длинные пластины, преобладают орудия из отщепов, имеются единичные формы, напоминающие орудия с перехватом.

На памятнике Караваиха 4 довольно представительны изделия из черного кремня хорошего качества, в т.ч. серия наконечников стрел на пластинах с минимальной обработкой ретушью острия и насада (рис. 1: 17–21), микропластины и вкладыши из них (рис. 1: 12–15), пластины (рис. 1: 11, 16), в т.ч. с ретушью, единичные резцы (рис. 1: 23), трапеции, скребки. Нуклеусы немногочисленны, среди них представлены экземпляры с негативами от пластин, в т.ч. с почти замкнутым скалыванием, также имеется полностью сработанный карандашевидный нуклеус из черного кремня с замкнутым скалыванием, негативами от микропластин и диаметром площадки всего 5 мм (рис. 1: 8–10). Важно отметить наличие довольно длинных и крупных пластин (8,0–11,5 см

длинной), свидетельствующих о том, что изначально нуклеусы были довольно большой длины (рис. 1: 22).

Сравнение кремневых индустрий двух данных памятников приводит к выводу, что техника расщепления на них была совершенно различна, и что индустрия памятника Караваиха 4 не может представлять собой продолжение в финальном мезолите – раннем неолите индустрии Погостище 15. В таком случае встает вопрос об истоках раннего неолита в бассейне оз. Воже. Возможно, это могла быть миграция древнего населения, которое принесло с собой и знания об изготовлении керамики. Либо в эпоху мезолита здесь могли существовать разные традиции скалывания кремня, и Погостище 15 представляет собой одну из них. Можно предполагать наличие мезолитического населения с другой традицией скалывания – использованием подконусовидных и карандашевидных нуклеусов замкнутого скалывания для пластин, наконечников стрел на пластинах. Такие материалы выявлены, в частности, среди подъемного материала многокомплексного суходольного памятника Караваиха 3 (рис. 1: 25, 26), расположенного в 50 м вверх по течению от памятника Караваиха 4. Также, предположительно, подобный кремневый инвентарь характерен для стоянки Пустая 4 на р. Пустая, которая была открыта и исследована Н.В. Косоруковой разведочным шурфом в 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов А.Я. 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20. М.–Л. С. 7–76.
Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Сапелько Т.В. 2017. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести. Вып. 23. СПб: ИИМК РАН. С. 67–83.

Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пищонка Х. 2018. Хронология раннего неолита бассейна озера Воже // Уральский исторический вестник. № 3 (60). Екатеринбург. С. 78–86.
Ошибкина С.В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М: Наука. 230 с.

THE ISSUE OF CONTINUITY BETWEEN MESOLITHIC AND EARLY NEOLITHIC SITES IN THE VOZHE LAKE BASIN

Natalia Kosorukova*, Valeria Lykintseva*, Stanislav Voronkov, Tatyana Grinina***

* Cherepovets state university, Cherepovets

** Cherepovets Museum Association, Cherepovets

The peat-bog site Pogostishe 15 was researched in the most comprehensive way among other Mesolithic sites of the Vozhe Lake Basin (Vologda region). It dates back to 7800–7100 BC according to the C14 date. Flint industry is characterized by using of black and gray low quality flint, large number of irregularly shaped cores, sporadic flakes and irregular blades, small number of blades, the lack of long blades. Final Mesolithic – Early Neolithic materials were discovered on the peat-

bog site Karavaikha 4 that dates back to 6390–4624 BC according to the C14 dates. Flint inventory is represented by products made of black flint with high quality such as several cores and blades, large number of various arrowheads made from blades, microblades-inserts and long blades. The comparison of the flint industries of the sites lead to the conclusion that splitting technique was absolutely different and that industry of Karavaikha 4 site cannot be regarded as a continuation

of the Pogostishe 15 industry in the final Mesolithic – Early Neolithic. That raises a question of origins of the Early Neolithic. There are two possible explanations. Either Karavaikha 4 site was left by incoming population or there were different traditions of flint splitting in

the Vozhe Lake Basin in Mesolithic and the industry of Karavaikha 4 was developed on another base. The existence of another Mesolithic industry (different from Pogostishe 15) is evidences by several finds from Karavaikha 3 site and Pustaya 4 site.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-43-46

ВЕРХНЕВОЛЖСКАЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

Е.Л. Костылева

Ивановский государственный университет, Иваново

Верхневолжская раннеолитическая культура была выделена Д.А. Крайновым при участии Н.А. Хотинского в 1972 г. на ряде памятников Верхнего Поволжья, среди которых как эталонные были представлены торфяниковые стоянки Ярославской, Калининской и Ивановской областей, отличавшиеся четкой стратиграфией [Крайнов 1973: 69; Крайнов и др. 1973]. В последующие годы рассмотрением тех или иных аспектов этой культуры, кроме ее первооткрывателей занимались в той или иной степени многие археологи, привлекавшие также по ряду направлений изучения и представителей естественнонаучных дисциплин, как советских/российских, так и зарубежных. Результатами были: публикация материалов, рассмотрение вопросов происхождения культуры, ее хронологии, природного окружения, технологии изготовления керамики и орудий и проч. (Жилин М.Г., Уткин А.В., Костылева Е.Л., Цетлин Ю.Б., Сидоров В.В., Энговатова А.В., Кравцов А.Е., Раушенбах В.М., Сорокин А.Н., Лозовские В.М. и О.В., Гиря Е.Ю., Цветкова Н.А., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Спиридонова Е.А., Зайцева Г.И., Зарецкая Н.Е., Кулькова М.А., Выборнов А.А., Дж. Медоуз, Т. Тербергер, З. Хартц, Х. Пиецонка, Любке Х., Крэг О. и др.).

Выделение раннеолитического пласта в неолите Верхнего Поволжья в 1970-е годы было подготовлено исследованиями предшествующего времени, в ходе которых выявлялась «особая» керамика, дискутировался вопрос о ее культурно-хронологической принадлежности, рассматривались направления возможных миграций. В связи с этим необходимо упомянуть имена, прежде всего, Б.С. Жукова, а также Н.Н. Гуриной, М.Е. Фосс, В.М. Раушенбах, П.Н. Третьякова, А.Х. Халикова и др. [Жуков 1929: 64, 68–69, 72; Гурина 1940: 35; Фосс 1952: 154–156; Раушенбах 1969: 89, 93; Третьяков 1966: 26; Халиков 1969: 67].

В 1970-е годы Н.Н. Гурина вплотную подошла к выделению новой раннеолитической культуры в Верхневолжском регионе. Д.А. Крайнов рассказывал нам, как в один из его приездов в Ленинград Н.Н. Гурина показала ему материалы со стоянок Котчище II и Щепочник (Калининская/Тверская обл.). При этом она сказала, что не знает, как их атрибутировать (дословно: «не знаю, куда девать»). И тогда Д.А. Крайнов, опасаясь, что его опередят, поспешил заявить об открытии верхневолжской культуры, поскольку на исследованных им памятниках в слоях, расположенных под слоями льяловской культуры, были найдены материалы, явно перекликавшиеся с показанными ему Н.Н. Гуриной. Прежде всего, была схожа керамика с разрезанным орнаментом из тычковых вдавлений. В 1973 г. в «Вестнике Академии наук СССР» появилась краткая публикация с представлением вновь открытой культуры и фотографией тычково-накольчатой керамики [Крайнов и др. 1973]. А затем в «Советской археологии» была напечатана большая статья, посвященная основным характеристикам вновь открытой культуры [Крайнов, Хотинский 1977].

Н.Н. Гурина отнесла «памятники котчищенского типа», выделенные Д.А. Крайновым в западный вариант верхневолжской культуры, также к раннему неолиту Верхнего Поволжья [Гурина 1975], соотнеся их впоследствии с раннеолитическим этапом валдайской культуры [Гурина 1996].

Важно отметить, что изначально в представлении Д.А. Крайнова верхневолжская культура связывалась с керамикой с тычково-накольчатой орнаментацией. Уже в ежегоднике «Археологические открытия 1972 года» он писал, что на стоянке Ивановская III найдена керамика в четких стратиграфических условиях, аналогичная керамике со стоянок Шадрино IV, Кухмарь I и др. [Крайнов 1973: 69]. Обратим внимание на то, что на Шадрине IV присутствовала лишь

тычково-накольчатая керамика, а на Кухмаре I она абсолютно преобладала (85 %) над прочими видами верхневолжской керамики [Крайнов, Костылева 1988; Костылева, Уткин 2011: 62]. На фотографии в «Вестнике АН СССР» также представлена лишь тычково-накольчатая керамика [Крайнов и др. 1973: 82]. Исследователь отмечал, что основным элементом орнамента верхневолжской керамики является тычково-накольчатый, в том числе и нанесенный в технике отступающей лопаточки. Он писал, что «Этот орнамент встречается главным образом в нижних горизонтах раннеолитических слоев стоянок» [Крайнов, Хотинский 1977: 50, 52]. Это положение Д.А. Крайнова было подтверждено и нашими с ним дальнейшими исследованиями на Ивановском и Сахтышском торфяниках в Ярославской и Ивановской областях [Костылева 1984: 49; 1986: 142]. В нашем представлении керамика, орнаментированная тычковыми наколами, или вовсе лишенная орнамента, соответствовала первому этапу развития верхневолжской культуры [Костылева 1994: 53–55; Крайнов 1996: 169].

Однако Ю.Б. Цетлин при изучении технологии верхневолжской керамики выявил две традиции в ее изготовлении, одну из которых связал с керами-

кой неясной культурной принадлежности [Цетлин 1980; 1982: 11]. Затем им была выделена волго-окская раннеолитическая культура [Цетлин 1996]. Исследователь считал ее местной, носители которой были вскоре ассимилированы пришлыми представителями верхневолжской культуры [Цетлин 1996: 161]. Впоследствии он определил хронологические особенности орнаментации керамики волго-окской культуры, ведущим элементом которой был накольчатый (или она вовсе была лишена орнаментации), а также представил абсолютную хронологию выделенных четырех этапов развития культуры [Цетлин 2008а; 2008б].

В литературе уже отмечалось, что выделение волго-окской культуры в раннем неолите Верхнего Поволжья недостаточно обосновано и не получило признания [Жилин и др. 2002: 41; Ошибкина 2006: 250; Цветкова 2011: 176]. Ю.Б. Цетлин также отмечал, что «большинство исследователей лесного неолита по-прежнему относят эти материалы к раннему этапу верхневолжской культуры» [Цетлин 2008б: 37]. И мы еще раз должны подчеркнуть, что в представлении самого Д.А. Крайнова тычково-накольчатая керамика связывалась с ранним этапом развития именно верхневолжской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н.Н. 1940. Неолитические поселения на северном берегу Онежского озера // КСИИМК. Вып. VII. С. 28–36.
- Гурина Н.Н. 1975. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. С. 84–94.
- Гурина Н.Н. 1996. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 184–193.
- Жуков Б.С. 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. № 1. С. 54–77.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгватова А.В. 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 246 с.
- Костылева Е.Л. 1984. Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. Вып. 177. С. 47–52.
- Костылева Е.Л. 1986. Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. С. 138–151.
- Костылева Е.Л. 1994. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Тверь. Вып. 1. С. 53–57.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. 2011. Раннесредневековое селище и стоянка эпохи первобытности Кухмарь I на Плещеевом озере // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.-СПб.: Нестор-История. Вып. 3. С. 53–68.
- Крайнов Д.А. 1973. Исследования Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука. С. 68–69.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М. 1973. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР. № 5. С. 80–84.
- Крайнов Д.А., Хотинский, Н.А. 1977. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. № 3. С. 42–66.
- Крайнов Д.А. 1996. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 166–173.
- Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. 1988. Раннеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. С. 56–60.
- Ошибкина С.В. 2006. О раннем неолите в лесной зоне // ТАС. Тверь. Вып. 6. Т. 1. С. 248–253.
- Раушенбах В.М. 1969. Стоянка Николо-Перевоз II на реке Дубне в Московской области // Экспедиции ГИМ. М. С. 80–93.
- Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука. 306 с.
- Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. № 29. 278 с.
- Халиков А.Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 396 с.
- Цветкова Н.А. 2011. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // РАЕ. № 1. С. 148–182.
- Цетлин Ю.Б. 1980. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. № 4. С. 9–15.

Цетлин Ю.Б. 1982. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА. Вып. 169. С. 7–13.
Цетлин Ю.Б. 1996. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 155–163.
Цетлин Ю.Б. 2008а. Периодизация волго-окской ран-

неолитической культуры // Человек, адаптация, культура. М. С. 314–326.
Цетлин Ю.Б. 2008б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула. 289 с.

EARLY NEOLITHIC UPPER-VOLGA CULTURE: TOWARD THE HISTORY OF THE STUDY

Elena Kostyleva

Ivanovo State University, Ivanovo

In 1972 at the center of the Russian Plain a new Early Neolithic Upper-Volga culture was discovered by D. A. Kraynov. According to dr. Kraynov, typical to the early stage of this culture is pottery decorated by drop-shaped indentations, or without any ornament is typical to the early stage of this culture. However, Y.B. Tsetlin, who studied ceramic manufacturing techniques, discovered the Volga-Oka culture and associated the

early stage of Upper-Volga culture pottery with the latter. Some scholars (Zhilin et al., Oshibkina, Tsvetkova) have already noticed that Volga-Oka culture at the early Neolithic period in the Upper Volga area is not sufficiently substantiated. Once again we have to emphasize that, according to dr. Kraynov, pottery ornamented by drop-shaped indentations was attributed to exactly the early evolution stage of the Upper Volga culture.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-46-48

КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС РАННЕГО НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО КЕРАМИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

А.С. Кудашов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Одним из важнейших вопросов изучения раннего неолита лесного Среднего Поволжья является его культурная атрибуция. Посуда представлена небольшими прямостенными банками с плоским дном, с залощенной внешней и заглаженной внутренней поверхностью. Большинство сосудов лишены орнамента. Оставшиеся орнаментированы наколами треугольной или округлой формы, композиции простые. Характерным является наличие горизонтального пояса ямочных вдавлений под срезом венчика. Одни специалисты включали марийские материалы в средневолжскую культуру [Васильев, Выборнов 1988: 33], другие сближали их с верхневолжскими [Никитин 2002: 295–302]. С выделением памятников луговского типа – второго этапа елшанской культуры [Выборнов 2009], было выявлено их типологическое сходство с наиболее архаичной группой керамики раннего неолита лесного Среднего Поволжья.

В.В. Никитин в современных работах выделяет самостоятельную дубовско-отарскую ранне-неолитическую культуру [Никитин 2013]. Обосновывая ее статус, исследователь приводит отличия, не позволя-

ющие включать марийские материалы в рамки средневолжской культуры. Во-первых, это отсутствие гребенчатых оттисков штампа на керамике марийских памятников. Во-вторых, отсутствие конических днищ. Однако гребенчатый штамп появляется на развитом этапе средневолжской культуры, а посуда с накольчатым орнаментом вся плоскодонная [Выборнов 2009].

Что касается культур сопредельных регионов, то керамика марийских памятников имеет сходные черты с карамышевской культурой. Различия же заключаются в наличии у карамышевской посуды приостренных днищ, профилированных сосудов, присутствии расчесов, низком проценте треугольных наколов. Кроме выборочных признаков сходства отсутствуют системные показатели сходства и с керамикой среднедонской культуры. Посуда раннего этапа верхневолжской культуры в большей степени близка средневолжской керамике (плоскодонность, слабая орнаментированность, ряд ямок под венчиком, овальные наколы). Но с развитого этапа отличия между ними становятся существенными.

В большей степени фиксируются признаки сходства марийских материалов с керамикой средневожской культуры. Аналогична форма и обработка поверхностей сосудов, формы днищ, низкая степень заполнения орнаментальной поверхности. Совпадают формы наколов и техника их нанесения, элементы и мотивы орнамента. Стоит учесть и относительную территориальную близость – речные пути в неолите были объединяющим фактором. На пути из лесостепи в лесную зону есть памятники, на которых присутствуют схожие признаки. Они есть в Ульяновском Поволжье и далее в Приказанском (II Щербетская и

IV Тетюшская стоянки). Объединяет их и единая технологическая традиция изготовления керамики [Васильева, Выборнов 2015]. Важным аргументом могут служить совпадающие даты для раннего (луговского) и более позднего (накольчатого) типов керамики в обоих регионах [Выборнов 2009]. Различия могут объясняться механизмами местной адаптации.

Таким образом, на наш взгляд, ранне-неолитические марийские памятники можно рассматривать как северную периферию поздней елшанской и ранней средневожской керамических традиций.

Работа подготовлена по проекту № 33.1907.2017/ПЧ

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., Выборнов А.А. 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ. 112 с.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. 2015. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола. С. 68–98.
Выборнов А.А. 2009. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук.

Ижевск. 44 с.
Никитин В.В. 2002. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // ТАС. Вып. 5. Тверь. С. 295–302.
Никитин В.В. 2013. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. № 2. С. 11–17.

CULTURAL STATUS OF THE EARLY NEOLITHIC OF THE MARI VOLGA REGION (BASED ON CERAMIC MATERIALS)

Alexander Kudashov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Nearly half a century has been research of the Early Neolithic sites of the Mari Volga region. The same long is the discussion about the cultural status of these materials. The article analyzes the opinions of specialists on this topic. The characteristic of the Early Neolithic ceramics from the main sites is presented. A comparative analysis is carried out between the Mari

complexes and the cultures of adjacent regions (Upper Volga, Middle Volga, Karamyshevsk and Middle Don). The question has been considered whether it is possible to attribute Mari Early Neolithic materials to one of the above-mentioned cultures as its peripheral part, or to independent archaeological cultures of the forest Middle Volga region.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-48-49

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БАССЕЙНЕ Р. ВОРОНЕЖ В ПРЕДЕЛАХ МИЧУРИНСКОГО РАЙОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2017 Г.)

А.А. Куличков*, Р.В. Смольянинов, Е.С. Юркина****

* *Межпоселенческий координационно-методический центр Грязинского муниципального района Липецкой области, Липецк*

** *Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк*

В 2017 г. было проведено археологическое обследование бассейна р. Воронеж в пределах Мичуринского района Тамбовской области (рис. 1: 1). Первые исследования здесь были проведены еще в

1927 г. краеведом Н.Н. Деминым. Позже в 1952 г. экспедицией ГИМ под руководством М.Е. Фосс был обследован участок р. Воронеж от с. Устье до с. Старое Тарбеево. В 1953 г. ею были произведены раскопки

неолитических стоянок Подзорово у села Старое Тарбеево и Глинище на правом берегу р. Воронеж. На Подзоровской стоянке было исследовано более 200 кв.м, а на стоянке Глинище – около 25 кв.м. Был получен богатый археологический материал эпох неолита – бронзы [Фосс 1959].

В 1999 г. обследование этой территории проводилось С.И. Андреевым, им были изменены нумерация памятников и названия (по ближайшему населенному пункту – Старое Тарбеево). Мы продолжаем его нумерацию [Андреев 1999].

В результате разведки 2017 г. нами на этом участке были обследованы 11 памятников, из них пять обнаружены впервые. На трех памятниках получены материалы эпох неолита и энеолита [Куличков 2018].

Поселение Старое Тарбеево 1 (по нумерации М.Е. Фосс Подзорово 1). В настоящее время практически уничтожено земснарядом, в отвале которого собраны единичные фрагменты льяловской и среднедонской культур.

Поселение Старое Тарбеево 10. В отвале земснаряда найдено 2 фрагмента венчика от одного сосуда диаметром 34 см, 8 стенок толщиной 5–7 мм среднедонской неолитической культуры (рис. 1: 17–23). Горшки украшены рядами наколов, расположенных горизонтально или диагонально, один фрагмент украшен горизонтальными рядами спаренных наколов. Два черепка украшены гребенкой, на одном присутствуют ямки. Один из фрагментов среднедонской керамики имеет пропилены по бокам и, скорее всего, был грузилом (рис. 1: 20). Также были найдены два фрагмента гребенчато-ямочной раннельяловской керамики. На поверхности памятника были собраны один венчик диаметром 36 см и 19 стенок ямочно-гребенчатой керамики толщиной 6–7 мм (рис. 1: 24–29). Накольчато-ямочная керамика представлена одним венчиком диаметром 42 мм и семью стенками толщиной 5–7 мм (рис. 1: 30–32). Кроме того, было найдено четыре венчика диаметром 28–36 см и 26 стенок толщиной 4–6 мм среднестоговской культуры, украшенные гребенчатыми, накольчатými, ямочными и ямчатыми вдавлениями различной формы и размера (рис. 1: 33–34). В отвалах земснаряда были найдены тесло (рис. 1: 36) и ложило (рис. 1: 35).

В сохранившейся части памятника была произведена зачистка размером 2 кв.м, в которой были найдены кости рыб и животных, два венчика, днища и четыре стенки сосудов среднестоговской куль-

туры. Из второго пласта по кости млекопитающего получена дата – 4457±65 BP (Spb–2470), что соответствует времени бытования на территории бассейна Верхнего Дона племен среднестоговской культуры. Особенностью участка является то, что в культурном слое сохраняются деревянные предметы. По куску дерева из культурного слоя, перекрывающего энеолитические наслоения, получена дата – 944±25 BP (Spb–2771).

Поселение Старое Тарбеево 11. Часть поселения разрушена работой строительной техники. На поверхности памятника найден один фрагмент венчика диаметром 32 см, 8 стенок толщиной 5–7 мм среднедонской неолитической культуры, украшенных рядами наколов, расположенных горизонтально или диагонально, и горизонтальными рядами гребенки. Также были найдены семь фрагментов гребенчато-ямочной раннельяловской керамики (рис. 1: 5), один венчик диаметром 24 см и 30 стенок ямочно-гребенчатой керамики толщиной 6–7 мм (рис. 1: 2). Накольчато-ямочная керамика представлена двумя стенками толщиной 5–7 мм. Кроме того, было найдено десять венчиков диаметром 26–38 см и 36 стенок толщиной 6–8 мм среднестоговской культуры, украшенные гребенчатыми, накольчатыми, плюсневыми, ямочными и ямчатыми вдавлениями различной формы и размера (рис. 1: 3–4, 7–11). Один из фрагментов среднестоговской керамики является керамическим грузилом (рис. 1: 9). Репинская культура представлена двумя венчиками диаметрами 26 и 24 см, а также 34 стенками толщиной 6–10 мм, для ornamentации применялись в основном ямчатые и гребенчатые вдавления (рис. 1: 12–14). Один из фрагментов репинской керамики имеет пропилены по бокам и является керамическим грузилом (рис. 1: 13). Кроме того, были найдены кремневый отщеп (рис. 1: 16), костяной гарпун (рис. 1: 15) и 36 костей животных и птиц.

На памятнике был заложен шурф площадью 2 кв.м. В первом пласте находок найдено не было, во втором пласте было найдено пять фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, один венчик и девять стенок репинской культуры. В третьем пласте найдены один венчик и 11 стенок ямочно-гребенчатой керамики, один фрагмент накольчато-ямочной керамики, один фрагмент среднестоговской керамики, один венчик, два днища и 11 стенок репинской культуры, терочный камень. В четвертом пласте найден один фрагмент среднедонской неолитической керамики, один фрагмент накольчато-ямоч-

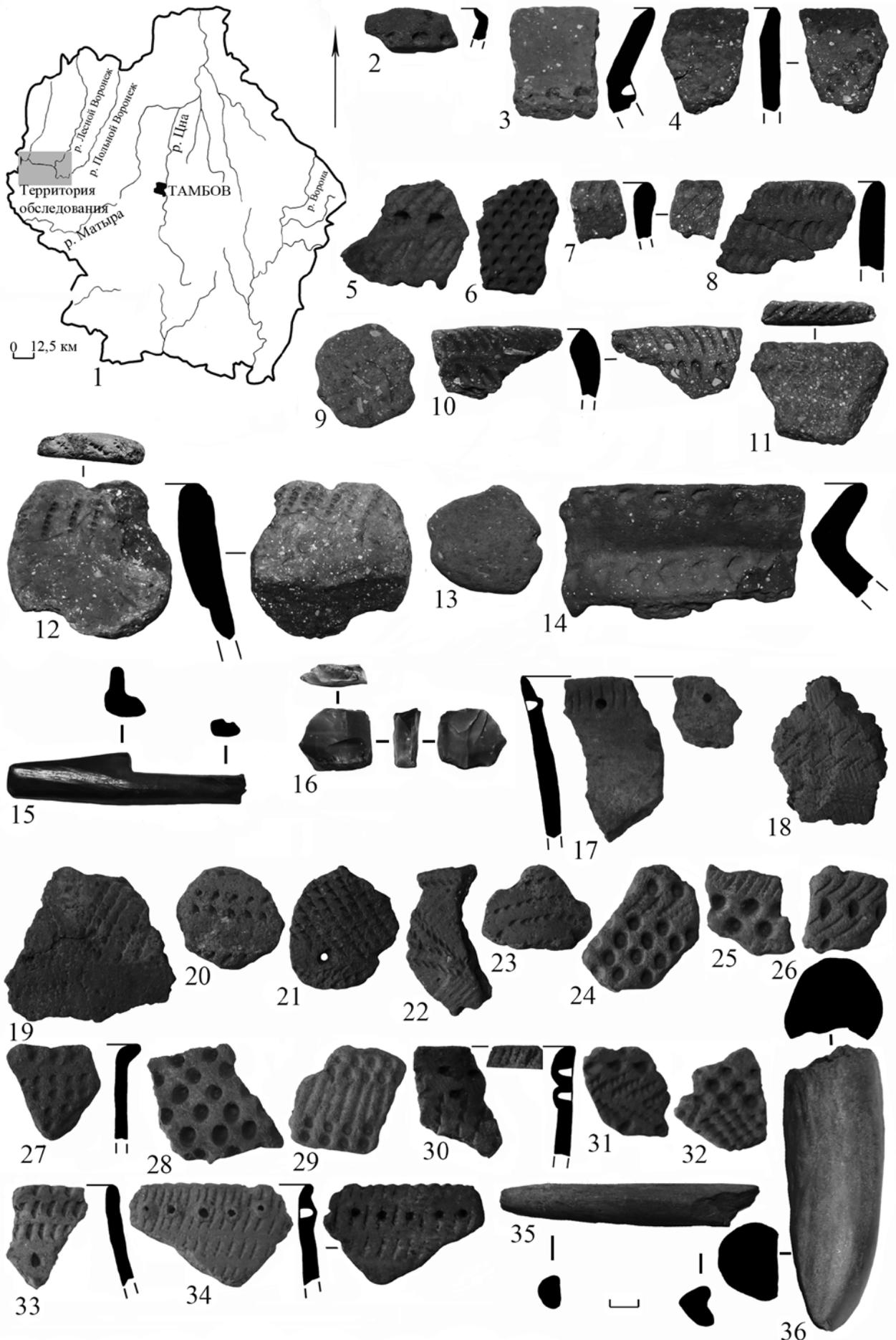

Рис. 1. 1 – карта Тамбовской области с обозначением места обследования; 2–16 – материалы с поселения Старое Тарбеево 11, 17–36 – материалы с поселения Старое Тарбеево 10.

ной керамики, два фрагмента среднестоговской керамики. Во всех пластах было обнаружено большое количество костей животных, птиц, рыб и остатков дерева. Из третьего пласта получена дата по кости

млекопитающего – 3967±60 BP (Spb–2469), видимо, отражающая время существования на этом месте и стоянки эпохи бронзы.

Работа написана при поддержке гранта РФФИ проект 18-49-480004 p_a.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев С.И. 1999. Отчет о проведении разведочных работ по р. Воронеж в пределах Липецкого и Добровского районов Липецкой обл. и Мичуринского р-на Тамбовской обл. (1999 г.) // Архив ИА РАН. Р–1, № 23213.
Куличков А.А. 2018. Отчет о разведочных исследованиях в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского рай-

она Липецкой области, Мичуринского района Липецкой области в 2017 году // Архив ИА РАН.
Фосс М.Е. 1959. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году // КСИИМК. Вып. 75. М. С. 19–25.

NEW MATERIALS OF THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC ERAS IN THE UPPER DON (ACCORDING TO THE RESULTS OF PROSPECTIONS IN THE VORONEZH RIVER BASIN WITHIN THE MICHURINSKY DISTRICT OF THE TAMBOV REGION IN 2017)

Alexey Kulichkov*, Roman Smolyaninov, Elizaveta Yurkina****

* «Intersettlement Coordination and Methodological Center» Gryazinsky district Lipetsk region, Lipetsk

** Lipetsk State Pedagogical University named after PP Semenova-Tyan-Shansky, Lipetsk

This publication is devoted to the the results of prospections in the Voronezh River within the Michurinsky District of the Tambov region in 2017. In the course of the work, 11 archaeological settlements were surveyed, materials from the Neolithic and Eneolithic periods were obtained in three of them. There

were identified cultural layers that contain bone and wood artifacts. Materials of the Middle Kama Neolithic culture, ceramics of the early and late stages of the Lyalovo culture, as well as materials of the Sredniy Stog and Repinskaya cultures were found dispersed.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-50-52

О ТРЕХ ФАЗАХ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ, РАДИОУГЛЕРОДНЫМ И ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Г.М. Левковская*, Г.И. Зайцева*, А.Н. Боголюбова**

* Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

** Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург

Обобщены опубликованные и неопубликованные данные по разрезам стоянок Восточной Прибалтики, для которых имеются одновременно археологические и палинологические свидетельства неолитического земледелия и C14 датировки. Выделены три этапа неолитического земледелия, связанного с культурами: ранней неолитической цедмарской, гребенчато-ямчатой, шнуровой и другими. Ключевыми геоархеологическими районами являются: этап 1 – Цедмарская низина (Калининградская область России); этап 2 – Лубанская низина (Восточная Латвия) и север Эстонии; этап 3 – Цедмарская низина и приморский район Швянтойи (Литва).

Посвящается светлой памяти В.И. Тимофеева

Этап 1: конец АТ2. Возраст начала земледелия около 5100 л.н. [Левковская, Тимофеев 2004]. Этап связан с заселением низины носителями цедмарской ранней неолитической культуры около 5400–4800 л.н. Возраст этого этапа определен на основе 24 C14 датировок¹ (без учета датировок гиттий и рога) из стоянок Цедмар А и Цедмар Д от 5440±90 (древесный уголь из основания слоя) до 4810±100 л.н. По нагарам на керамике из стоянки Цедмар Д получены 6 дат от 5180±100 до 4840±100 л.н. (керамика с при-

¹ В статье приведены некалиброванные датировки. Результаты их калибровок и лабораторные номера опубликованы [Timofeev et al. 1994]

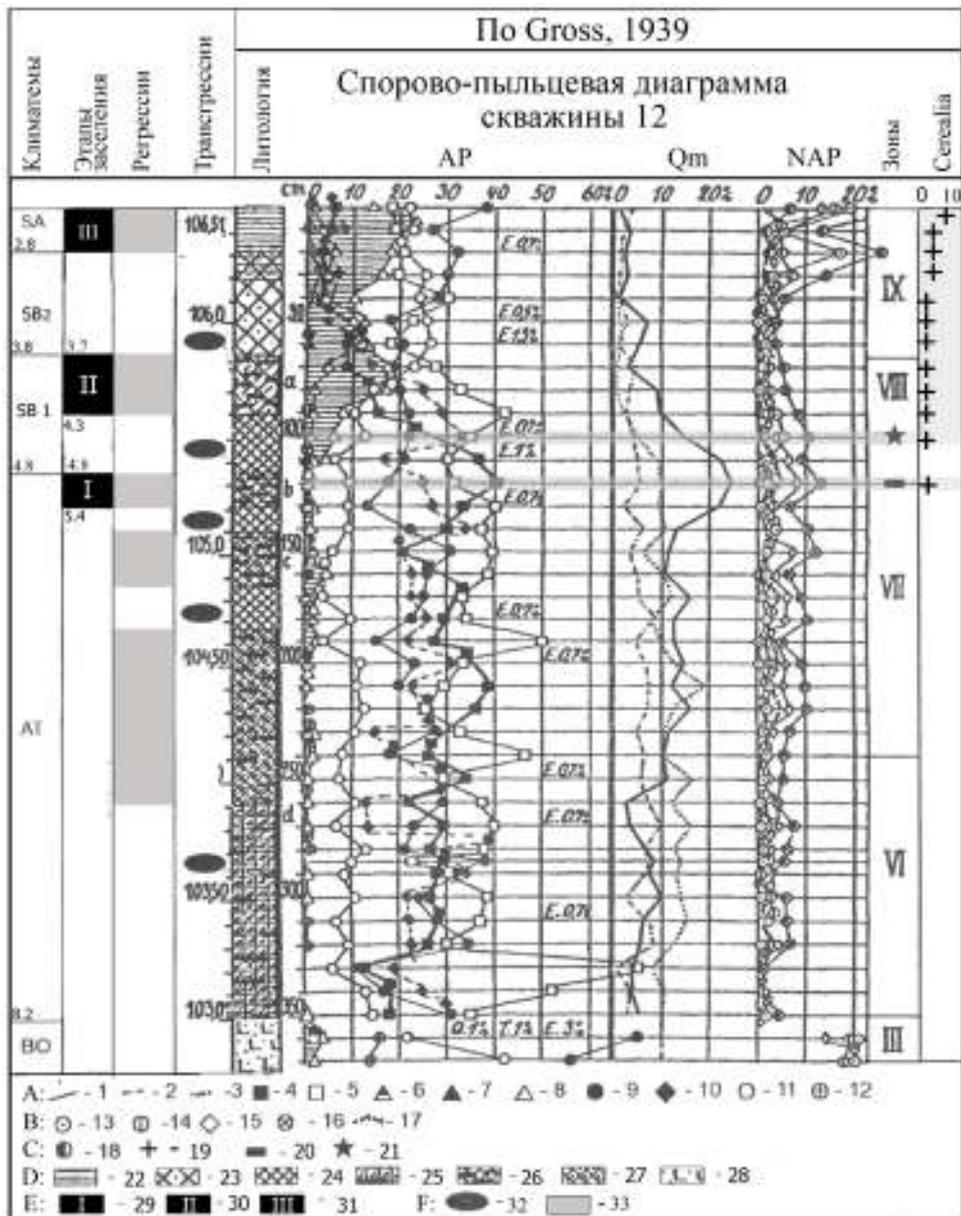

Рис. 1. Спорво-пыльцевая диаграмма [по: Gross 1939] отложений наиболее полного разреза Цедмарской низины и ее корреляция (по Г.М. Левковской) с событиями голоцена.

I. Условные обозначения к спорво-пыльцевой диаграмме.

A. Пыльца древесных пород и кустарников (AP): 1 – дуба (*Quercus sp.*); 2 – липы (*Tilia sp.*); 3 – вяза (*Ulmus sp.*); 4 – сумма пыльцы широколиственных древесных пород – Qm (*Quercus + Tilia + Ulmus*); 5 – ольхи (*Alnus sp.*); 6 – граба (*Carpinus sp.*); 7 – бука (*Fagus sp.*); 8 – ели (*Picea sp.*); 9 – сосны (*Pinus sp.*); 10 – орешника (*Corylus sp.*); 11 – березы (*Betula sp.*); 12 – ивы (*Salix sp.*).

B. Пыльца травяно-кустарничковых растений (NAP) и споры: 13 – пыльца полукустарничков; 14 – злаковых; 15 – разнотравья; 16 – разных недревесных растений; 17 – споры папоротников.

C. Пыльца индикаторов земледелия: 18 – пыльца культурных злаков (*Cerealia*) на графике X. Гросса [Gross 1939] среди других травянистых растений (NAP); 19 – пыльца культурных злаков (*Cerealia*) – отдельная кривая; 20 – первое появление пыльцы культурных злаков (*Cerealia*) около 5100 л.н. (этап 1 неолитического земледелия, связанный с ранней цедмарской неолитической культурой); 21 – начало постоянного присутствия пыльцы культурных злаков (*Cerealia*) около 4300 л.н. (этап 3 неолитического земледелия, связанный с культурой шнуровой керамики).

D. Литология: 22 – осоковый торф; 23 – грубая торфянистая гиттия; 24 – тонкая гиттия; 25 – известковая гиттия; 26 – опесчаненные отложения с находками углей; 27 – гиттия с примесью песка; 28 – алевроиты.

II. Корреляция спорво-пыльцевой диаграммы [Gross 1939] с событиями конца AT и с SB1.

E. Этапы заселения Цедмарской низины и их корреляция: 29 – уровень времени заселения стоянок носителями ранней неолитической цедмарской культуры в 5400 – 4800 л.н. (этап 1 неолитического земледелия 5100 – 4800 л.н.); 30 – уровень времени заселения стоянок носителями культуры шнуровой керамики в SB1 (этап 3 неолитического земледелия 4300 – 3700 л.н.); 31 – уровень субатлантического этапа заселения низины.

F. Корреляция с голоценовыми трансгрессиями и регрессиями палеозера: 32 – трансгрессии; 33 – регрессии.

месью толченых раковин и растительных остатков) и 4 даты от 5360 ± 130 до 4810 ± 100 л.н. (керамика с минеральной примесью). Начало появления пыльцы культурных злаков (*Cerealia*) наиболее точно датировано на стоянке Цедмар А: 5120 ± 50 , 5100 ± 60 .

Археологические свидетельства земледелия.

В материальной культуре имеются свидетельства контактов с земледельческим населением, обитавшим к западу, и относившимся к культуре воронковидных кубков или группам лендъелской культуры [Timofeev 1991]. Имеются серии изделий «кирко-видной» и «Т-образной» формы, которые по данным трасологического анализа могли использоваться для рыхления почвы [Тимофеев 1981].

Палинологические свидетельства земледелия. Пыльца *Cerealia* найдена в пяти пунктах: в разрезах трех скважин, из 16 изученных [Gross 1939; BARPP-C...], и в отложениях культурных слоев стоянок Цедмар А и Цедмар Д с 24 радиоуглеродными датировками [Левковская, Тимофеев 2004].

Голоценовому максимуму пыльцы дуба и регрессии палеозера синхронны находки пыльцы *Cerealia* (рис. 1), связанные с отложениями ранней цедмарской культуры, в скважине 12 (разрез без лакун) и в разрезах стоянок Цедмар А и Дудка (Польша) [Gumiński 1995; Nalepka 1995]. Находки пыльцы *Cerealia*, связанные с максимумом дуба, найдены и в озерах Литвы [Kabaielene 1998].

Двумя палинологами в цедмарских разрезах найдены лишь единичные пыльцевые зерна *Cerealia* – ячменя и пшеницы. В пробах современных полей сумма пыльцы *Cerealia* и пашенных сорняков не превышает 3% [Vuorela 1973]. Лишь начиная с посевов ржи в IX–X веках на диаграммах появляются резкие максимумы *Cerealia* [Kondratiene 1993]. Единичны находки пашенных сорняков и кремневого инвентаря для земледелия, что связано с пойменным типом земледелия [Levkovskaya 2011], т.к. в почвах только что освободившихся от воды сорняков еще нет, а обработка рыхлых пойменных почв возможна изделиями из рога.

Этап 2: начало SB1, начало этапа около 4800 л.н. Средний неолит. Пыльца *Cerealia* на севере Эстонии [Kriiska 2003] найдена в отложениях озер или стоянок с гребенчато-ямочной керамикой, а на Лубан-

ской низине – в слое стоянки Звидзе с чистым комплексом гребенчато-ямочной керамики [Лозе 1998; Loze, Liiva 2004] и датировкой 4750 ± 60 л.н. для палинозоны Lu 3b (*Alnus-Picea-Qm*) [Jakubovska 1997]. Опубликованы [Левковская 1987: 71, рис. 25] СЭМ-микрографии диатомовой водоросли – индикатора использования поймы под посевы [Levkovskaya 2011] и фрагмента пыльцевого зерна льна, который в публикации назван «фрагментом культурного слоя».

Этап 3: SB1. Начало этапа около 4350 л.н. Поздний неолит – ранняя бронза. Находки *Cerealia* связаны с отложениями озер или стоянок времени шнуровой керамики. Они найдены в районах: Западном Южнолитовском, Восточном Южнолитовском, Вильнюсском, Швянотойи, Лубанской низины, Ниды и реки Меркис [Kriiska 2003]. На Цедмарской низине культура шнуровой керамики появилась на втором этапе ее заселения [Тимофеев 2003], возраст которого в Цедмар Д определен на основании 11 С14 датировок от 4350 ± 80 до 3870 ± 290 л.н. С этого времени пыльца *Cerealia* постоянно встречается на диаграмме полного разреза скважины без лакун (рис. 1). Для слоев с зерновками проса в приморском районе Литвы на стоянке нарвской культуры Швянотойи 6 с находкой остатков деревянного рала, и археологическими свидетельствами контактов с земледельческой культурой шаровидных амфор, получены датировки 4100 ± 70 и 4070 ± 100 [Rimantienė 1980; 1999], для стоянок Эйни и Абора 1 Лубанской низины – 4000 ± 60 и 3870 ± 70 , а для стоянки Лагажа с тигельками для выплавки бронзы – 3685 ± 80 и 3640 ± 70 л.н. [Лозе 1979]. Нами пыльца *Cerealia* и пашенных сорняков найдена в слоях позднего неолита – ранней бронзы на стоянках Цедмар Д, Эйни, Звидзе, Абора 1, Лагажа, и Швянотойи 6 [Долуханов и др. 1969; Долуханов и др. 1975; Левковская 1987].

Ранее в Литве были выделены ранние фазы земледелия лишь на основе палинологических данных [Савукинене, Сейбутис 1976]. В данной работе впервые обоснованы три фазы неолитического земледелия Восточной Прибалтике на основе и палинологических и археологических данных, начало которых около 5100, 4800 и 4300 л.н. Установлена связь фаз земледелия с озерными регрессиями.

ЛИТЕРАТУРА

Долуханов П.М., Левковская Г.М., Романова Е.Н., Семенов А.А. 1969. О колебаниях уровня озер на северо-западе Европейской части ССР в среднем и позднем голоцене // Доклады АН СССР. Т. 188, № 3. С. 403–406.

Долуханов П.М., Левковская Г.М., Тимофеев В.И. 1975. Стоянка Цедмар Д в Калининградской области // КСИА. 1975. Вып. 141. С. 76–85.
Левковская Г.М. 1987. Природа и человек в среднем

- голоцене Лубанской низины (Восточная Латвия). Рига: Зинатне. 94 с.
- Левковская Г.М., Тимофеев В.И. 2004.* К хронологии и экологии начала земледелия Восточной Прибалтики (о признаках неолитического земледелия в районе Цедмарских торфяниковых стоянок в Калининградской области) // В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб: ИИМК РАН. С. 88–105.
- Лоце И.А. 1979.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне. 204 с.
- Лоце И.А. 1998.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне. 211 с.
- Савукинене Н.П., Сейбутис А.А. 1976.* Основные фазы развития земледелия в Литве по палинологическим данным // Палинология в континентальных и морских геологических исследованиях. Рига: Зинатне. С. 91–101.
- Тимофеев В.И. 1981.* Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. Вып. 165. М.: Наука. С. 115–119.
- Тимофеев В.И. 2003.* Памятники культуры шнуровой керамики восточной части Калининградской области: (По материалам исследований 1970–1980-х гг.) // Древности Подвinya: Исторический аспект. СПб. С. 119–134. ВАРПП-С – Банк палеоботанических и палинологических данных из неолитических археологических памятников территории бывшего СССР. <http://www.gml.spb.ru>
- Gross H. 1939.* Moorgeologische Untersuchung der Vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // Prussia. Bd. 33. Königsberg. S. 100–168.
- Guminski W. 1995.* Environment, Economy and Habitation during the Mesolithic at Dudka, Great Mazurian Lakeland, NE Poland // *Przegląd Archeologiczny*. Vol. 43. P. 5–46.
- Jakubovska I. 1997.* Early anthropogenic activities in Eastern Latvian lowlands – new pollen analysis from Zvidze, Lake Lubana region // *ISKOS*. Vol. 11. Helsinki. P. 152–158.
- Kabaielene M. 1998.* Vegetational history and climate changes in Lithuania during the Late Glacial and Holocene according to pollen and diatom data // *Environmental history and Quaternary stratigraphy of Lithuania*. PACT 54. Belgium. P. 13–30.
- Kondratiene O. 1993.* Palinological investigations of cultural layers in Gediminas Hill and its foot // *Natural and human interference on environment during Late Glacial and Holocene*. Vilnius.
- Kriiska A. 2003.* From hunter-fisher-gatherer to farmer. Changes in the Neolithic economy and settlement on Estonia territory // *Archaeologia Lithuania*. Iss. 4. Vilnius. P. 11–26.
- Levkovskaya G. 2011.* The flood terrace model of the Neolithic phase of the agriculture of two East Baltic lowlands // Abstracts of XVII annual meeting of the European Association of Archaeologists. 14 – 18 September 2011. Oslo. Norway. P. 15.
- Loze I., Liiva A. 2004.* Radiocarbon chronology and environment of the Stone Age multi-layer settlement Zvidze in the Lake Lubāns wetland (Latvia) // В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб: ИИМК РАН. С. 165–167.
- Nalepka D. 1995.* Palynological Investigation of an Archaeological site at Dudka (profile D1–26) // *Przegląd Archeologiczny*. Vol. 43. P. 61–64.
- Rimantienė R. 1980.* *Šventoji*. Pamarių kultūros gyvenvietės. Vilnius: Mokslas. 88p.
- Rimantienė R. 1999.* Traces of agricultural activity in the Stone Age settlements of Lithuania // *Environmental and cultural history of Eastern Baltic region*. PACT 57. Belgium.
- Timofeev V. 1991.* Neolithic sites of the Zedmar type in the South-East Baltic area. Regions and reflections: in honour of Märta Strömberg. Lund. P. 15–26.
- Timofeev V., Zaitseva G., Possnert G. 1994.* The radiocarbon chronology of Zedmar Neolithic culture in SE Baltic area // *Swiatowit*. XXXIX. Warszawa. P. 125–134.
- Vuorela I. 1973.* Relative pollen rain around cultivated fields // *Acta Bot. Fenn*. Vol. 102. P. 1–27.

THREE PHASES OF NEOLITHIC AGRICULTURE IN EASTERN BALTICS (BY ARCHAEOLOGICAL, RADIOCARBON AND POLLEN DATA)

Galina Levkovskaya*, Ganna Zaitseva*, Anastasia Bogolyubova**

* *Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg*

** *Komarov Botanical Institute RAS, Saint-Petersburg*

Literature and author's unpublished data on Eastern Baltic sites with archaeological and pollen evidences of Neolithic agriculture and about 100 C14 dating were generalized. The identified stages of Neolithic agriculture correspond to lake and Baltic regressions:

Stage 1 – beginning c. 5100 BP: Zedmar Neolithic culture with evidences of contacts with Funnel Beaker culture or groups of Lengyel culture corresponds to Holocene maximum of *Quercus* (fig. 1) – Zedmar lowland (Kaliningrad region);

Stage 2 – beginning c. 4800 BP: Pit-Comb Ware culture – Lubana lowland (Eastern Latvia) and Northern Estonia;

Stage 3 – beginning c. 4350 BP: Corded Ware cultures – common for different regions of Eastern Baltic;

– beginning c. 4100 BP: Narva culture with evidences of contacts with Globular Amphora cultures – Šventoji coastal area (North-Western Lithuania).

The confirmed floodplain agriculture model [Levkovskaya 2011] typical for all stages explains rarity of fieldweeds and flint farming artefacts.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-52-56

МЕСТО НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ ВОЛГО-КАМЬЯ

Е.Л. Лычагина*, А.А. Выборнов**, О.В. Жукова***

* *Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь*

** *Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара*

*** *Пермский краевой краеведческий музей, Пермь*

Из многочисленных аспектов, которым посвящены изыскания М.Е. Фосс, особое внимание уделялось керамике и периодизации. Именно эти вопросы актуальны и для изучения новоильинской культуры. Она выделена О.Н. Бадером в Среднем Прикамье в 1950-е гг. и отнесена к раннему бронзовому веку [Бадер 1961]. В настоящее время известно около 60 памятников в бассейне Камы и Вятки.

Сосуды характеризуются полуяйцевидной формой с прямым или открытым горлом. Они орнаментированы средним и коротким гребенчатым штампом, прямоугольной, овальной или изогнутой формы, ямчатыми вдавлениями различной формы. По сравнению с предшествующей керамикой камской неолитической культуры, орнаментальное поле становится разреженным, а оттиски штампа более глубокими. Среди композиций преобладают наклонные, горизонтальные, вертикальные линии, зигзаг. Реже встречаются более сложные узоры в виде ромбов, треугольников, «флажков», «решеток». «Шагающая гребенка», характерная для неолита, на новоильинских памятниках практически не встречается. Исследователи предполагали отнесение материалов данного типа к энеолиту [Наговицын 1993; Лычагина, Выборнов 2009]. Технико-технологический анализ керамики показывает ее двукомпонентность и определенное сходство с посудой камской культуры [Батуева, Андреева 2018]. В то же время, часть новоильинской посуды содержит органическую примесь, что позволяет конкретизировать ее периодизацию. Таким образом, можно рассматривать керамику новоильинской культуры как продолжение камской традиции с некоторыми новациями.

Медные изделия и следы меднолитейного производства известны только на тех памятниках, где присутствует поздний энеолитический слой, относящийся к гаринской культуре [Бадер 1961]. Иначе говоря, по данному показателю можно допустить, что новоильинская культура занимает более раннюю, чем энеолитическую, позицию.

Наиболее валидные даты позволяют предполагать ее хроноинтервал в пределах последней четверти V тыс. – первой половины IV тыс. до н.э. [Лычагина 2018]. Учитывая все аспекты, новоильинскую культуру допустимо рассматривать как постнеолитическую.

Типологически близкими новоильинской культуре выглядят комплексы красномостовского типа в лесном Среднем Поволжье [Никитин 1984], что позволяет специалистам рассматривать их как локальный вариант первой [Наговицын 1993]. Сходна и технология изготовления керамики. Наиболее значимое отличие проявляется в большем удельном весе компонентов ямочно-гребенчатой керамики в красномостовской посуде. К востоку наиболее близкими последним можно считать комплексы стоянок Сауз I–II и Кочуровское IV. На красномостовских стоянках отсутствуют следы металлообработки, а, судя по датам, их хроноинтервал укладывается в последнюю четверть V тыс. до н.э.

Таким образом, можно предполагать, что в финальном неолите Волго-Камья происходят близкие, но не тождественные процессы развития сходных культур.

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 18-39-00059, № 18-09-00040

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. 1961. Поселения у Бойцова и вопрос периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Во-

ттинской) Археологической Экспедиции. Вып. 2. М.: ИА АН СССР. С. 110–272.

Батуева Н.С., Андреева (Ересько) О.В. 2018. Традиции изготовления керамической посуды эпох позднего неолита – раннего энеолита Верхнего и Среднего Прикамья // Актуальная археология. 4. Комплексные исследования в археологии. СПб. С. 128–132.
Лычагина Е.Л. 2018. Хронологические рамки неолитических и постнеолитических культур Среднего Предуралья // Уральский исторический вестник. № 3. С. 87–96.
Лычагина Е.Л., Выборнов А.А. 2009. К вопросу о про-

исхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. № 2. С. 33–37.
Наговицын Л.А. 1993. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // ВАН. Вып. 21. Екатеринбург: УрГУ. С. 59–76.
Никитин В.В. 1984. Красноостовские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск. С. 31–43.

PLACE OF THE NOVOIL'INSKAYA CULTURE IN THE NEOLITHIC-ENEOLITHIC OF THE VOLGA-KAMA REGION

Evgenia Lychagina*, Alexander Vybornov, Olga Zhukova*****

* Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

** Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

*** Perm Regional Museum of Local Lore, Perm

Novoil'inskaya culture was distinguished by O.N. Bader in the 1950s. There are about 60 sites located in the basin of the Kama and Vyatka River..

For the Novoil'inskaya culture, the vessels of a semi-ovoid shape with a straight or open necks are typical. They are ornamented with a medium and short, rectangular, oval or curved comb stamp impressions, with pit-like depressions of various shapes.

No reliable evidence was found for the development of copper metallurgy in the settlements of the Novoilinskaya culture. The

chronological framework of culture is within the end of the 5th millennium – the first half of the 4th millennium BC. The Novoil'inskaya culture can be regarded as Postneolithic.

Typologically analogue of the Novoil'inskaya culture can be considered within Krasny most type in the Middle Volga forest region. No metalwork traces were found. It is dated to the last quarter of the 5th millennium BC.

We assume that similar processes of cultures development occurred in the final Neolithic in the Volga-Kama region.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-56-58

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ 6 ТЫС. ДО Н.Э. СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

А.Н. Мазуркевич¹, Е.В. Долбунова^{1,2}, О.В. Лозовская³, М.А. Кулькова⁴, Дж. Медоус⁵

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

² Британский музей, Лондон, Великобритания

³ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

⁴ РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

⁵ Центр Балтийской и Скандинавской археологии, Шлезвиг, Германия

Керамический комплекс стоянки Замостье II – один из самых многочисленных раннеэнеолитических керамических комплексов в лесной зоне Восточной Европы. Весь комплекс раннеэнеолитической керамики, полученной в ходе раскопок, составляет около 18300 фрагментов [Лозовский 2003]. Он включает «классические» три этапа керамики ВВК (рис. 1), среди которых можно выделить специфические типы посуды.

В материалах памятника хорошо представлена довольно редкая группа керамики для ВВК – неорнаментированная. Для неорнаментированного

комплекса было выделено несколько типов и групп сосудов [Мазуркевич и др. 2013]. Выделенные технологические группы не могут быть выстроены в одну эволюционную линию. Скорее, можно наметить как минимум две группы культурных традиций: наиболее архаичная представлена сосудами цилиндрической формы или чуть закрытой с остро-выпуклым/плоским краем венчика и диаметром сосудов 18–20 см, выполненных с помощью лент, соединенных встык (технологические цепочки типа № 4, 7). Как часть и/или продолжение этой культурной традиции предлагается рассматривать технологические цепочки

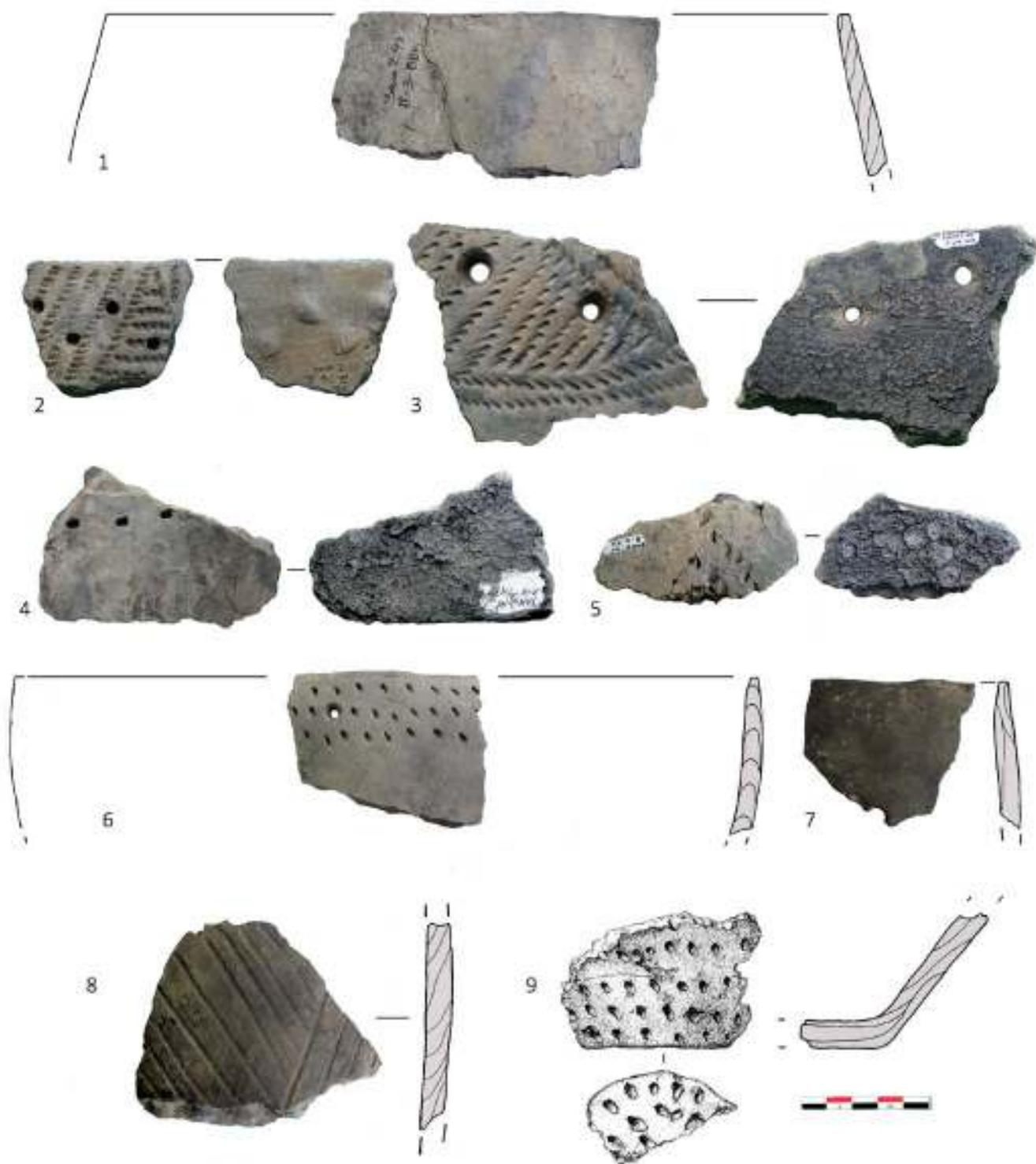

Рис. 1. Глиняная посуда верхневолжской культуры стоянки Замостье 2.

типа № 3, 6 и 10. Главное отличие состоит в выборе исходного сырья, формовочной массе, способах обработки поверхностей. Другая «линия развития» представлена закрытыми сосудами в форме сходящегося конуса, подцилиндрической формы, открытых мисок, S-видных сосудов, сосудов с отогнутым наружу венчиком. Для лепки этих сосудов характерно растягивание лент или применение лоскутного способа лепки, использование формовочной массы

с примесью раковины и очень специфическая обработка поверхности, при которой внутренняя и внешняя поверхности сосудов заглажены, скорее всего, галькой [Мазуркевич и др. 2013].

Основной массив орнаментированной посуды памятника I и II этапов был сделан с использованием ленточного способа лепки с сильным растягиванием лент N-крепления, высота лент достигает 3 см, стенки сосудов заглажены с обеих сторон, часто ло-

шение. Сосуды прямостенные, S-видного профиля, можно предположить существование закрытых сосудов диаметром от 17 до 38 см, биконической формы. Это в основном плоскодонные сосуды, в коллекции известно несколько острых и округлых днищ.

Судя по сохранившимся фрагментам венчиков выделяется серия небольших мисок с диаметром венчика 14–12 см. От них происходят, по-видимому, тонкостенные плоскодонные днища диаметром 2–6 см с углами расхождения 36–65°. В ходе визуального анализа было выделено несколько групп формовочной массы, что было подтверждено данными петрографического анализа.

1. Керамика, изготовленная из «тощих» глин гидрослюдистого состава с большим содержанием слюд или из «жирных» глин смектитового состава. Отощитель: алевроит (10%)+шамот (20%) (дробленая керамика того же состава).

2а. Керамика, изготовленная из «жирных» глин гидрослюдистого состава или гидрослюдисто-монтмориллонитового состава. Отощитель: крупнозернистый песок (7%)+шамот (25%) (дробленая керамика другого состава, 3-4 разновидности)+дробленая кость (2%).

2б. Керамика, изготовленная из «жирных» глин гидрослюдисто-смектитового состава. Отощитель: крупнозернистый песок (7%)+шамот (25%) (дробленая керамика другого состава, 3-4 разновидности).

3. Керамика, изготовленная из «жирных» глин гидрослюдисто-карбонатного состава, содержащих водную органику и включения раковин. Отощитель:

крупнозернистый песок (7%)+шамот (15%) (дробленая керамика другого состава).

4. Керамика, изготовленная из 2-х типов глин (жирных и тощих) монтмориллонит-смектит-гидрослюдистого состава. Отощитель не использовался.

5. Керамика, изготовленная из «тощих» глин 2-х типов гидрослюдистого и каолинового составов. Отощитель: крупнозернистый песок (7%).

К категории импортных образцов можно отнести фрагменты трех сосудов. Это керамика, изготовленная из алевроитовых суглинков, с включениями диатомовых водорослей. Отощитель: шамот (10%) (дробленая керамика того же состава). Еще один сосуд, изготовлен из «жирных» глин монтмориллонитового состава. Отощитель: алевроит (10%) – породы основного состава, состоящие из лабрадорита, оливина, происходящих из другого региона.

Пока самые ранние датировки глиняной посуды на п. Замостье 2 относятся к около 5700 л. до н.э. [Лозовская, Лозовский 2016]. Однако необходимо отметить отсутствие датировок по типологически самой ранней керамике. Особый вопрос касается соотношения выделенных типов с другими керамическими комплексами верхневолжской и валдайской культур, а также с другими археологическими культурами. Так, отдельная группа сосудов, орнаментированная в технике «отступающей лопаточки», с подцилиндрическими отверстиями под венчиком, находит аналогии в материалах среднедонской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Лозовская О.В., Лозовский В.М. 2016. Глава 12. Стоянка Замостье 2 в эпоху неолита. Радиоуглеродная хронология // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н.э. / А.Н. Мазуркевич, М.А. Кулькова, Е.В. Долбунова (ред.). СПб.-Смоленск: Свиток. С. 179–202.

Лозовский В.М. 2003. Переход от мезолита к неолиту в Волго-окском междуречье по материалам стоянки За-

мостье-2: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. 2013. Ранненеолитические керамические комплексы памятника Замостье 2: технология, типология, хронология // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Лозовский В.М., Лозовская О.В., Клементе-Конте И. (ред.). М. С. 158–181.

POTTERY TYPOLOGY OF THE 6TH MILL BC OF THE ZAMOSTJE 2 SITE

A.N. Mazurkevich¹, E.V. Dolbunova^{1,2}, O.V. Lozovskaya³, M.A. Kulkova⁴, J. Meadows⁵

¹ The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg

² The British Museum, London, UK

³ Institute for the history of material culture RAS, Saint-Petersburg

⁴ Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg

⁵ Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology, Schleswig, Germany

Ceramic assemblage of the site Zamostje 2 is one of the most numerous early Neolithic complexes in the forest zone of Eastern Europe. It includes three «classical» stages of the Upper Volga culture, within which several specific types and pottery groups can be distinguished. Pottery complex at site Zamostje 2 attributed to early Neolithic stage represents a diversity of pottery types that can be probably explained by non-contemporaneity of the materials found in one layer. Even

within undecorated pottery assemblage two completely different technological and morphological traditions were distinguished, which might have originated in different territories. Such diversity of cultural ways represented through appearance of the earliest pottery all reassembled at one site is interesting to view through pottery function, which finally can reflect some cultural differences traced along in different constituents of «chaînes opératoires», morphology and decor.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-58-60

**КОЛЬСКИЙ ОЛЕНЕОСТРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК:
СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАЛЛА**

А.А. Малютина*, А.И. Мурашкин**

* *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

** *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

В рамках комплексного исследования костяного и рогового инвентаря Северной Фенноскандии [Мурашкин, Киселева 2018; Мурашкин и др. в печати;] особое внимание было уделено экспериментально-трасологическому изучению материалов Кольского Оленеостровского могильника (КОМ) – уникального памятника, датированного 1500–1100 calBC. Раскопки могильника проводились трижды: экспедициями под руководством А.В. Шмидта в 1928 г. (11 захоронений), Н.Н. Гуриной в 1947–1948 гг. (10 захоронений), В.Я. Шумкина в 2001–2004 гг. (22 захоронения) [Шмидт 1930; Гурина 1953; Шумкин и др. 2006; Murashkin et al. 2016].

Основной задачей экспериментально-трасологического анализа изделий из кости, рога, зубов было выявление приемов их изготовления и особенностей использования. Всего исследовано 243 предмета, которые находятся на хранении в МАЭ РАН (колл. №№ 4082, 6152) МОКМ (колл. №№ 364, 3133, 850), ГИКМ г. Полярный – весь костяной и роговой инвентарь КОМ, включая мелкие фрагменты и обломки. Сразу следует отметить, что на 142 предметах оригинальная поверхность в результате поспедепозитарного воздействия корней растений и механического пере-

мещения в грунте (?) не сохранилась. В трех случаях (2 крупных отростка рога северного оленя и одна проколка из метаподии северного оленя) внешняя поверхность сохранилась полностью. У 98 предметов поверхность сохранилась частично, в некоторых случаях участки сохранившейся поверхности имеют размер менее 1 см (рис. 1: 1, 5). На 101 предмете были определены следы таких технологических операций как строгание, абразивная шлифовка, резание, рубка, сверление, полировка. Однако не всегда можно достоверно определить, каким инструментом производились такие технологические операции как строгание и резание. Тем не менее, на 57 из 101 предмета следы строгания и резания оставлены металлическим инструментом (рис. 1: 2, 5). На факт использования металлических инструментов при обработке костяного и рогового инвентаря КОМ ранее обратила внимание Г.Н. Поплевко. Она писала о таком косвенном (при отсутствии самих технологических следов – прим. А. Малютиной) свидетельстве, как способ оформления шипов у наконечников стрел, когда шип имеет четкие прямоугольные грани, а прорезь, отделяющая его от тела наконечника очень узка [Поплевко 2007: 223].

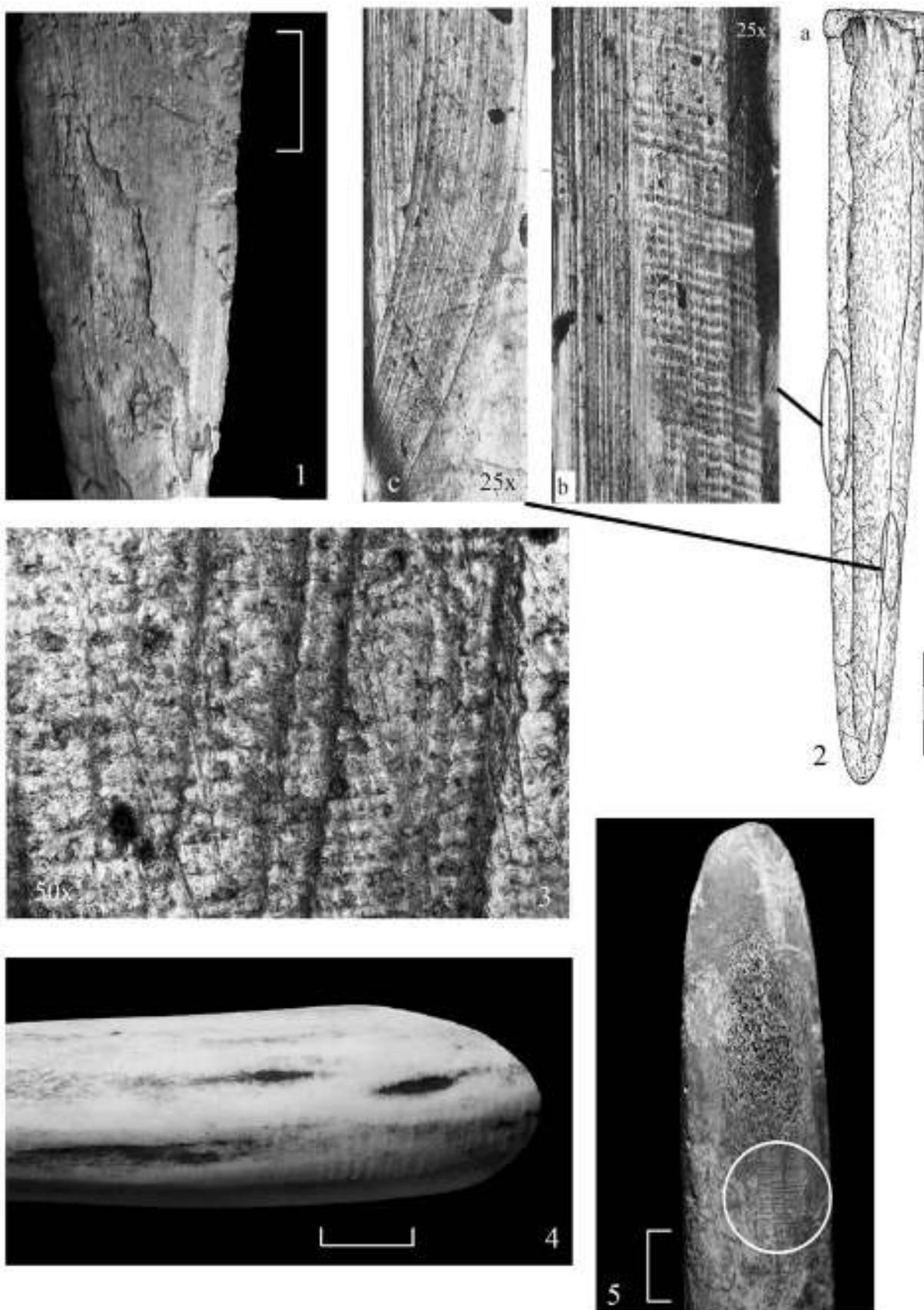

Рис. 1. 1 — Кольский Оленеостровский могильник, кинжал, пример сохранившейся поверхности со следами строгания металлическим инструментом; 2 (a, b, c) — КОМ, кинжал: b, c — микрофотографии следов строгания металлическим инструментом на гранях кинжала (ув. X25); 3 — микрофотография следов строгания (эффект шабрения) металлическим (сталь) ножом на экспериментальном орудии из кости (ув. X50); 4 — макрофотография следов строгания (гофрированность поверхности) металлическим (сталь) ножом на экспериментальном орудии (тесло) из рога; 5 — КОМ, тесло (рог), пример макроследов строгания металлическим инструментом (гофрированность поверхности). (Рис. и фото. Малютиной А. А.)

В развитие и дополнение этих наблюдений нами были осуществлены эксперименты по изготовлению изделий из кости и рога с использованием режущих металлических инструментов (бронза, сталь) (рис. 1: 3, 4). Стоит отметить, что сами металлические изделия (бронзовые) на памятниках раннего металла Кольского полуострова очень редки. Так, в КОМ были обнаружены: в погребении VIII – маленький кинжал, в погребении № 15 – фрагмент бронзовой пластины, в отвале раскопок 1947–1948 гг. – фрагмент льячки с каплей металла [Шмидт 1930: 146, табл. V-7; Murashkin et al. 2016: 195, fig. 8]. Однако большое количество костяных изделий со следами обработки металлическими орудиями можно рассматривать

как свидетельство широкого распространения и использования бронзы в Северной Фенноскандии как минимум в середине – второй половине II тыс. до н.э.

Интересен и другой момент. Из всех предметов из кости и рога, на которых так или иначе сохранилась оригинальная поверхность (101 экз.), только 12 (!) изделий несут следы износа; в некоторых случаях утилитарного (работа со шкурами, древесиной, износ на гарпунах), в других – неутилитарного (контакт с руками, трение от одежды в результате носки). Можно предположить, что большинство изделий ремонтировалось, затачивалось, подправлялось (а возможно и специально изготавливалось) перед погребением.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-31-01070

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. 1953. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Окладников А.П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. МИА. № 39. С. 347–407.
Мурашкин А.И., Киселева А.М. 2018. Динамика развития костяного инвентаря Северной Фенноскандии (неолит – эпоха раннего металла) // Федорова Н.В. (ред.). Археология Арктики. ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Вып. 5. С. 107–119.
Мурашкин А.И., Малутина А.А., Киселева А.М. In press. Костяной и роговой инвентарь неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: типология, технология, трасология // Записки ИИМК РАН, СПб.
Поплевко Г.Н. 2007. Трасологическое исследование изделий из кости и рога из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря (предварительные наблюдения) // Шаяхметова Л.Г. (ред.). Кольский сборник.

СПб: Изд-во ИИМК РАН. С. 221–227.

Шмидт А.В. 1930. Древний могильник на Кольском заливе // Золотарев Д.А. (ред.). Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Л.: Изд-во Академии наук. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. С. 119–169.

Шумкин В.Я., Мурашкин А.И., Колпаков Е.М. 2006. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Записки ИИМК РАН. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 42–52.

Murashkin A.I., Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya., Khartanovich V.I., Moiseyev V.G. 2016. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // New Sites, New Methods. Proceedings of the 14th Finnish-Russian Archaeological Symposium (Helsinki, 19–20 November 2014). Helsinki: The Finnish Antiquarian Society. Iskos 21. P. 185–199.

THE KOLA OLENEOSTROVSKY GRAVE FIELD: EVIDENCE METAL USE

Anna Malyutina*, Anton Murashkin**

* *Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg*

** *Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg*

The Kola Oleneostrovsky grave field (Murmansk Region) is a unique archaeological site dated back to 1500–1100 calBC. As a result of excavation anthropological materials and various burial finds, including two bronze items and fragments of crucible with metal drops were received. Items made of bone, antler and teeth of animals became a subject of our research. Thanks to the carried-out techno-functional

analysis results about wide use of metal tools in various technological operations were identified. Metal tools from the Early Metal Age sites of the Kola Peninsula were unknown. Development and specification of observations of previous years, creation of experimental base, a technique of definition and the description of technological traces left by metal tools on the surface of bone and antler items is result of our work.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-60-63

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ НЕОЛИТА К ЭНЕОЛИТУ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ: КРИТЕРИИ И ХРОНОЛОГИЯ

Н.Л. Моргунова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

Проблема выделения энеолитических культур на территории степной и лесостепной зон Волго-Уральского междуречья впервые была поставлена в 70-е годы XX в. после открытия таких выдающихся памятников, как Съезжинский и Хвалынский могильники [Васильев 1981]. На протяжении последующих десятилетий памятники эпохи энеолита открывались и исследовались в Оренбургской области, в Башкортостане, в Саратовской области, в Северном Прикаспии, в Самарской области [Моргунова 2011].

Ранее А.Т. Синюк выделил энеолитическую нижнедонскую культуру, ранний этап которой синхронизировал с мариупольскими памятниками [Синюк 1971; 1980]. Открытие Съезжинского могильника в Поволжье поддержало концепцию А.Т. Синюка. В итоге была выделена мариупольская КИО раннего энеолита, объединившая такие культуры, как самарская, прикаспийская и азово-днепровская [Васильев 1981; Васильев, Синюк 1985].

Несмотря на уже достаточно длительное время изучения энеолита в Волго-Уралье, проблема энеолитизации волго-уральского региона постоянно находится в центре внимания исследователей, поскольку она затрагивает множество важных вопросов, связанных с реконструкциями историко-культурных процессов всей степной зоны от Поднепровья до Южной Сибири.

К наиболее дискуссионным относится проблема эпохальной принадлежности культур мариупольской общности, в том числе самарской и прикаспийской культур, которые рядом исследователей, начиная с Д.Я. Телегина, считаются неолитическими на основании отсутствия здесь металлических изделий [Котова 2002; Рындина 1998].

По мнению оппонентов точки зрения о принадлежности мариупольских древностей к неолиту, следует учитывать и другие показатели культур степного населения данного периода, соответствующего раннему Триполью. Очевидно, что в культурах мариупольской общности произошли существенные изменения в сравнении с неолитом, как в хозяйственной

сфере, так и в духовной жизни именно под влиянием этих древних металлургических центров. Поэтому в степной и лесостепной зонах начало энеолита определяется не только наличием медных изделий, но и таким комплексом археологических признаков, которые отражают новые эпохальные явления, связанные с использованием меди – переоценка видов труда и самих орудий труда, новые культовые представления и обряды, новые формы межплеменных и межэтнических контактов и их переориентация [Мерперт 1981; Васильев, Синюк 1985; Моргунова 2011]. Исследователи подчеркивают, что при фиксации начала энеолита на определенных территориях следует иметь в виду как первичные центры производства – очаги металлургии и металлообработки, так и области сбыта и распространения изделий из этих центров. Как правило, на раннем этапе металлопроизводства высокая ценность металла и возможность его вторичной переработки определяет редкость его находок в культурных слоях археологических памятников, в том числе и в известных для этого времени центрах Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП).

При этом, важное значение приобретает проблема хронологии самарской и прикаспийской культур и ее синхронизации с хронологией Триполья. Ранее путем типологических сопоставлений разных материалов, во-первых, была установлена синхронность съезжинского этапа самарской культуры и материалов мариупольского типа, соответствующих Триполью А–ВІ, а во-вторых, показан активный характер взаимодействия восточных степных культур с культурами в западном ареале земледельческих культур и Балкано-Карпатского металлургического центра (БКМЦ) [Васильев 1981; Васильев, Синюк 1985; Моргунова 2011: 39–53]. Подкрепление эти выводы нашли в данных радиоуглеродного датирования прикаспийских и самарских памятников в сравнении с аналогичными данными памятников мариупольского типа и трипольской культуры [Моргунова и др. 2010; Моргунова 2011: 54–60].

Работа выполнена при поддержке Госзадания Министерства образования и науки РФ № 33.1389.2017/ПЧ, а также при поддержке гранта РФФИ № 40031 Древности.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ. 127 с.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ. 118 с.
- Котова Н.С. 1994. Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Изд-во «Вежа». 167 с.
- Мерперт Н.Я. 1981. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи / А.Д. Пряхин (науч. ред.). Воронеж: ВГУ. С. 4–21.
- Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. 2010. Хронологическое соотношение энеолитических культур волго-уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. № 4. С. 18–27.
- Моргунова Н.Л. 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 220 с.
- Рындина Н.В. 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.
- Синюк А.Т. 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Канд. диссертация. М., 1971 // Архив ИА РАН. Р–2. № 2100.
- Синюк А.Т. 1980. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы / Н.Я. Мерперт (отв. ред.). Куйбышев: КГПИ. С. 53–72.

THE TRANSITION PERIOD FROM THE NEOLITHIC TO THE BRONZE AGE
IN THE VOLGA-URALS: CRITERIA AND CHRONOLOGY

Nina Morgunova

Orenburg State Pedagogical University (OGPU), Orenburg

The Mariupol cultural community of the Early Eneolithic was distinguished in the steppe Volga, Don and Dnieper regions, uniting the Samara, Caspian and Azov-Dnieper cultures [Vasilyev 1981; Vasilyev, Sinyuk 1985]. A number of researchers believe that these cultures belong to the Neolithic [Kotova 1994; Rundina 1998].

According to the author, in the steppe and forest-steppe zones the beginning of the Eneolithic is determined not only by the presence of copper products in the cultural layer [Morgunova 2011]. Finds of copper

products on the sites are rare because of their import nature. However, in the cultures of Mariupol community there were significant changes in comparison with the Neolithic, both in the economic sphere and in spiritual life, precisely under the influence of ancient metallurgical centers in the Balkans. Therefore, such sites as the burial ground at the village Syezheye in the Samara region should be attributed to the Early Eneolithic. According to the archaeological data and radiocarbon dates these sites are synchronized with Tripolye A–B1.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-63-64

НОВОИЛЬИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ:
АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛЬЗУ ФИНАЛЬНОНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА КУЛЬТУРЫ

В.В. Морозов

Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казань

Новоильинская культура лесного Прикамья была выделена О.Н. Бадером на Средней Каме, время ее существования было отнесено исследователем к поздним этапам турбинской (гаринско-борской) культуры [Бадер 1961: 60–74]. Последующие исследования позволили расширить ареал культуры на всю р. Каму и ее притоки [Габяшев 1978; Выборнов и др. 1984]. К началу 90-х гг. XX в. Л.А. Наговицын выдвинул принципиально новую концепцию развития новоильинской культуры. Он обосновывал иную хронологическую схему, в которой новоильинской культуре отводилось пространство между поздним камским неолитом и поздним энеолитом [Наговицын 1993].

С появлением радиоуглеродных датировок было уточнено место новоильинских древностей на абсолютной хронологической шкале. Ранние памятники новоильинской культуры были синхронизированы с поздним неолитом региона, а поздние – с памятниками гаринской культуры, тем самым гипотеза Л.А. Наговицына была подтверждена естественно-научными методами [Лычагина, Выборнов 2009].

Радиоуглеродным методом было установлено, что новоильинская керамика датируется от последней четверти V тыс. cal BC до конца IV тыс. cal BC [Лычагина, Выборнов 2009]. Такой длительный (более тысячи лет) промежуток функционирования переход-

ных памятников от неолита к эре ранних металлов ставится в настоящее время под сомнение [Мельничук 2011; Денисов, Мельничук 2014; Лычагина 2018] и валидными признаются наиболее древние даты, которые соприкасаются с финалом неолитических древностей камской культуры.

Анализ материальной культуры новоильинских памятников Нижнего Прикамья: Дубовогривской II, Игимской, Татарско-Азибейского II, Русско-Азибейской, Сауз I–II, Давлекановского стоянок/поселений и Старонагаевского могильника, позволил выявить некоторые особенности в керамике, которые не характерны для соседних регионов. Для них присущи классическая неолитоидная закрытость некоторых сосудов, наплывы с внутренней стороны части венчиков, пояски ямочно-жемчужных вдавлений на некоторых венчиках и орнаментальный мотив в виде «шагающей гребенки». Эти особенности, видимо, являются левшинскими реминисценциями, которые не характерны для Среднего и Верхнего Прикамья и если это так, то формирование новоильинской куль-

туры могло происходить на территории Нижнего Прикамья, т.е. на границе леса и лесостепи.

Особенности материальной культуры новоильинских памятников, для которых характерна типологическая близость керамики с посудой камской культуры позднего неолита, радиоуглеродные даты, отсутствие признаков примитивной металлообработки, позволяют предположить, что функционирование новоильинских памятников в Нижнем Прикамье происходило на грани наступления эры ранних металлов.

Таким образом, в настоящее время нет никаких убедительных доказательств кардинальной перемены и переоценки видов трудовой деятельности и культурной переориентации населения, оставившего памятники новоильинского культурного типа. Эти данные не согласуются с мнением некоторых исследователей, отмечающих все же наличие металлообработки у носителей новоильинской культуры Икско-Бельского междуречья [Шипилов 2012].

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н.* 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М: АН СССР. 199 с.
- Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* 1984. Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев. С. 3–21.
- Габяшев Р.С.* 1978. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань. С. 22–39.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* 2014. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (24). Пермь. С. 44–59.
- Лычагина Е.Л.* 2018. Хронологические рамки неолитических и постнеолитических культур Среднего Предуралья // Уральский исторический вестник. Вып. 3 (60). Екатеринбург. С. 87–96.
- Лычагина Е.Л., Выборнов А.А.* 2009. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Казань. Вып. 2. С. 33–36.
- Мельничук А.Ф.* 2011. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (15). Пермь. С. 22–36.
- Наговицын Л.А.* 1993. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // ВАН: Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ. С. 59–76.
- Шипилов А.В.* 2012. Энеолит Икско-Бельского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань. 19 с.

SETTLEMENTS OF THE NOVOIL'INSKAYA CULTURE IN THE LOWER KAMA: IN FAVOR OF THE FINAL NEOLITHIC DATES

Victor Morozov

Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

Analysis of materials of the Novoil'inskaya culture from the Lower Kama region (settlements Dubogrievskaya II, Igimskaya, Tatrsko-Azibeyskaya II, Russko-Azibeyskaya II, Sauz I-II, Davlekanskoe, and burial Staronagaevskiy) allowed us to identify some features in ceramic, which are not characteristic to the neighboring regions. They include some typical «Neolithic» closed vessels, overlaps on the inner side

of the rims, lines of pit-pearls imprints on some of the vessels and comb impressions in a retreating technique. These features may be interpreted as Levshinskaya pottery 'reminiscence', which are not characteristic to the Middle and Upper Kama region. And, if so, the emergence of the Novoil'inskaya culture could take place on the territory of Lower Kama region, i.e. on the border between forest and forest-steppe zones.

Some factors may testify that Novoil'inskaya culture was formed before the Early Metal age. They include typological similarity with ceramics of the Late Neolithic Kama culture, C14 dates, and absence of marks of the metalworking.

Nowadays there are no evidence of radical changes, reevaluation of economical system, or cultural refocusing of the population, which left the Novoil'inskaya culture settlements.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-65-66

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В.С. Мосин

Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск

В археологической литературе понятию археологическая культура, в котором ключевым выступает определение схожести и группировка по этому признаку артефактов разного уровня, уделяли внимание многие авторы. По сути, археологическая культура отражает знание об остатках материальной культуры, но, по данным социальной (культурной) антропологии, не может быть соотнесена ни с какой формой существования человеческих коллективов в древности. В археологии эпохи камня идентичность социума, т.е. его своеобразии на фоне других, можно выявить по сочетанию в этом социуме разных традиций, которые доступны нам в артефактах: технологических, морфологических, орнаментальных (технология и типология изделий из камня, технология и орнаментация керамической посуды, своеобразии поселенческой архитектуры и погребального обряда).

В раннем неолите Зауралья мы фиксируем две основные традиции декорирования керамики: кошкинскую и козловскую с несколькими вариантами – кокшаровско-юрьинским, евстюнихским и собственно козловским. Различие вариантов козловской традиции заключается в преобладании тех или иных технических приемов декорирования, хотя этих приемов очень немного: отступающий накол, прочерчивание «палочкой», «лопаточкой», «двузубым штампом». Кошкинская традиция также неоднородна, в ней есть сосуды с круглыми и плоскими днищами (в единичных экземплярах), неорнаментированные и с декором, выполненным в отступающе-накольчатой технике, с различной стилистикой декора. У посуды обеих традиций общая технологическая основа – использование илестых глин в сочетании с органическим раствором. Оба типа посуды имеют много общего в технических приемах декорирования и стилистике декора: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными ли-

ниями, взаимопроникающие треугольники. Посуда обеих традиций часто залегает совместно в культурных слоях памятников, а в конце раннего неолита на памятниках лесостепного Притоболья различить посуду обеих традиций, выполненную с использованием отступающе-накольчатой техники, практически невозможно. Также очень близки технологические основы изготовления орудий из камня. В позднем неолите обе традиции сливаются в одну – полуденскую.

Картографирование комплексов материальной культуры указанных традиций позволяет выявить социокультурное пространство зауральского населения раннего неолита. Полученные 77 радиоуглеродных дат для более чем 60 памятников этого времени показывают, что эти традиции сосуществовали около 6400–5400 cal BC, т.е. почти тысячу лет. При этом, каждое поселение в пределах этой территории, будет отличаться от другого (даже если они одновременны) по соотношению указанных признаков, поскольку каждая община имела свои социальные связи, и направления этих связей определяли облик коллекции предметов материальной культуры поселения. Обозначенные условные границы существования зауральских традиций оттеняются культурным фоном населения с отличными «незауральскими» традициями, характеризующими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях. При этом часто образуется пространство, занятое социумами, в которых в той или иной степени сочетаются зауральские и иные традиции.

Обозначенное физическое и культурное пространство синхронно и диахронно взаимосвязанных традиций, ограниченное «другими» традициями-идентичностями, мы можем рассматривать как социокультурное пространство зауральского населения. Понятие «социокультурное пространство» можно использовать как комплексную детерминанту иден-

тичности расположенных в этом пространстве социумов и в качестве основы в реконструкциях и моделировании исторической составляющей археологии, обуславливая связанность, непрерывность, организованность социально-исторического процесса. Со-

циокультурное пространство – это пространство, в котором социальные процессы культурно опосредованы и доступны нам в артефактах, как опредмеченных социальных потребностях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00040

NEOLITHIC CULTURES OF TRANSURALS: SOCIOCULTURAL CONTENT

Vadim Mosin

Institute of History and Archaeology, Urals Branch of RAS, Chelyabinsk

Many authors have paid attention to the concept of archaeological culture, in which the key indicator includes similarity and grouping artifacts of different levels. Archaeological culture reflects knowledge of material culture remnants, but cannot be correlated with any form of existence of human groups in the Past. Using the example of the Neolithic of Transurals, it can be seen that the population of the Koshkino and Kozlovo cultures used fundamentally the same technology for

the manufacture of stone tools and ceramics, similar ornamentation systems. For a long time this population occupied one territory and sometimes coexisted in the same settlements. It can be assumed that the population of the Early Neolithic Transurals consisted of a certain number of communities, who had two or three large ornamental and technological traditions. A set of societies with different traditions existed as one sociocultural space.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-66-67

ЭПОХА БРОНЗЫ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

А.И. Мурашкин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Прямых свидетельств металлургии (металлических орудий, льячек, литейных форм, шлаков и т.д.) очень мало не только на памятниках Кольского полуострова, но и в целом в лесной зоне Восточной и Северной Европы. В связи с этим одни авторы писали о пережиточном, долго длящемся на Севере неолите, другие, подразумевая эпизодическое использование меди и бронзы, использовали термин «эпоха раннего металла». Однако имеются косвенные свидетельства, позволяющие скорректировать наши представления об использовании металла населением лесной зоны.

К настоящему моменту в памятниках позднего неолита – эпохи раннего металла Кольского полуострова найдено три металлических предмета – трубочка-пронизка, небольшой кинжал, пластинка (Харловка 1–6 и Кольский Оленеостровский могильник – далее КОМ) [Колпаков 2017: рис. 6. 48–1; Шмидт 1930: табл. 5–7; Murashkin et al. 2016: fig.

8–4, 5], две литейные формы из стеатита – для топора и ножа (наконечника?) (Маяк 2, Стрельна) [Гурина 1997: рис. 35–1; Никитин 1970: 4], два керамических тигля (Ловозеро I, КОМ) [Титов 1971: рис. 16; Murashkin et al. 2016: fig. 8–1–3] и, возможно, два тигля из стеатита (Маяк 2) [Гурина 1997: рис. 35–13, 14]. Изображений или непротиворечивой информации об упомянутых в работах Н.Н. Гуриной литейных формах топора и ножей из памятников Пялица, Маяк 2 и Востра [Гурина 1982: 65; Гурина 1997: 75], в архивных материалах не обнаружено. Сами предметы в музейных хранилищах также не обнаружены.

Датировка имеющихся артефактов возможна по радиоуглеродным датам из замкнутых и незамкнутых комплексов – погребений и жилищ. Наиболее ранняя находка – трубочка-пронизка из жилища Харловка 1–6 датируется 2500–2300 calBC. Кинжал, пластинка и тигель из КОМ относятся к периоду 1500–1100 calBC. Химический состав тру-

бочки-пронизки из Харловки 1–6 – чистая медь – находит аналогии среди медных изделий энеолита / позднего неолита Карелии и Финляндии [Чистякова 1991: табл. 3, 4; Ikaheimo 2014: tau. 2]. Бронзовые вещи и капля металла на тигле из КОМ содержат 10–16% олова; такой химический состав характерен для бронз Южной Швеции [Ling et al. 2012: table 2; 2014: table 2; Murashkin et al. 2016: 197].

Многочисленные косвенные свидетельства распространения металла на Кольском полуострове в период 1500–1100 calBC получены при трасологическом исследовании костяных и роговых изделий из КОМ. Установлено, что большая их часть изготовлена с помощью металлических орудий [Малютина и др. 2018; Малютина, Мурашкин: в настоящем сборнике]. Следы использования металлических орудий выявлены также на одном костяном предмете из поселения Харловка 1–6 и нескольких орудиях из поселения Маяк 2 (проанализировано около 40 артефактов из коллекции, включающей 564 изделия

и 1272 предмета со следами обработки). Еще одно косвенное свидетельство – обнаруженная в погребении 16–1 КОМ рамочная рукоять с отверстиями для заклепок, в которой могло закрепляться несохранившееся металлическое лезвие. Но возможно в нем закреплялась имитация – шлифованное лезвие из сланца, подобное обнаруженным в Западной Норвегии [Hinsch 1957: fig. 1-с, 7-а, b, d].

Отсутствие металлических изделий в культурных слоях памятников Кольского полуострова может объясняться несколькими причинами: разрушением в кислой среде, спецификой депонирования, методикой раскопок. В такой ситуации на первое место выходят свидетельства косвенных источников, которые указывают на активное использование металлических орудий начиная со второго тысячелетия до н.э., и их влияние на развитие других компонентов материальной культуры, например, на обработку кремневых орудий [Тарасов 2002].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01070

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н.Н. 1982. Время врезанное в камень: из истории древних лапландцев. Мурманск: Мурманское книжное издательство. 120 с.
- Гурина Н.Н. 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение». 240 с.
- Колпаков Е.М. 2017. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области 2017 г. НА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 1.
- Малютина А.А., Мурашкин А.И., Киселева А.М. 2018. Костяной и роговой инвентарь Кольского полуострова: типология, технология, трасология // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского (Санкт-Петербург, 15–18 мая 2018 г.). / Лозовская О.В., Выборнов А.А., Долбунова Е.В. (ред.). СПб: ИИМК РАН. С. 120–123.
- Малютина А.А., Мурашкин А.И. Кольский Оленеостровский могильник: свидетельства использования металла // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. В печати.
- Никитин А.Л. 1970. Новые археологические находки на Терском берегу Кольского полуострова в 1969–1970 гг. Машинопись. Личный архив В.Я. Шумкина
- Тарасов А.Ю. 2002. Об использовании медных инструментов для обработки кремня на поселениях бронзового века в Карелии // Тверской археологический сборник. Вып.5. Т. 1. Тверь: ТГОМ. С. 388–392.
- Титов Ю.В. 1971. Альбом иллюстраций к отчету Кольской археологической экспедиции ИЯЛИ КарНЦ за 1971 г. Мурманский областной краеведческий музей. НФ, д. № 1008-Арх.
- Чистякова (Врублевская) Э.Л. 1991. Приложение 2. II. Структура медных находок с энеолитических поселений Карелии // Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР. С. 182–200.
- Шмидт А.В. 1930. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: изд-во Академии наук, 1930. С. 119–169.
- Hinsch E. 1957. 'Saging' av skifer // C. F. Meinander (ed.) *Studia Neolithica in honorem Aarne Äyräpää / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 58. Pp. 41–60.
- Ikaheimo J., 2014. Suomen kivikautisten kuparilöytöjen metallin alkuperästä // *Muinaistutkija*, 2/2014. Pp. 11–26.
- Ling J., Hjärthner-Holdar E., Grandin L., Billström K., Persson P.-O. 2012. Moving Metals or Indigenous Mining? Provenancing Scandinavian Bronze Age Artefacts by Lead Isotopes and Trace Elements // *Journal of Archaeological Science* 40 (1). P. 291–304.
- Ling J., Stos-Gale Z., Grandin L., Billström K., Hjärthner-Holdar E., Persson P.-O. 2014. Moving Metals II: Provenancing Scandinavian Bronze Age Artefacts by Lead Isotope and Elemental Analyses // *Journal of Archaeological Science* 41 (1). P. 106–132.
- Murashkin A.I., Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya., Khartanovich V.I., Moiseyev V.G. 2016. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // *New Sites, New Methods. Proceedings of the 14th Finnish-Russian Archaeological Symposium (Helsinki, 19–20 November 2014)*. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2016. *Iskos* 21. P. 185–199.

BRONZE AGE ON THE KOLA PENINSULA: DIRECT AND INDIRECT EVIDENCES

Anton Murashkin

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

To the recent time, three metal objects, two moulds made of steatite, four crucibles made of clay and steatite have been found in the Late Neolithic and Early Metal Age sites of the Kola Peninsula. Tubular spacer-bead from Kharlovka 1–6 site dated back to 2500–2300 calBC, small dagger, blade and crucible from Kola Oleneostrovsky grave field dated back to 1500–1100 calBC. The chemical composition of spacer-bead is pure copper, it is similar with copper finds from

Neolithic / Eneolithic sites of Finland and Karelia. Bronze items from KOG contain high concentration of tin from 10% to 16%. This chemical composition is typical for the Nordic bronze artefacts. Indirect evidences of metal use on the Kola Peninsula since 1500 calBC were obtained in result of use-wear analysis of bone and antler artefacts from Kola Oleneostrovsky grave field. The most part of them were produced with the metal (bronze?) tools.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-68-69

**МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ МАРИЙСКОГО ПОЛЕСЬЯ
(ЭВОЛЮЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР)**

В.В. Никитин

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории им. В.М. Васильева,
Йошкар-Ола*

В географическом отношении Марийское поле-сье представляет собой часть обширного Русского Полесья и занимает левобережную низинную часть Средней Волги от устья Дорогучи на западе до р. Казанки на юго-востоке, от р. Вятки на северо-востоке, ограниченной возвышенным правым берегом р. Волги. Зандровая песчаная почва дюнных гряд сильно изрезана речной системой, заполненной многочисленными протоками и старичными озерами. Дюны и останцы террас покрыты, в основном, сосновым и смешанным лесом. На данной территории работами МарАЭ, начиная со середины 50-х годов прошлого века, здесь выявлено более 500 памятников эпохи камня. Установлено, что эта территория была заселена в мезолите и первым изученным памятником была стоянка у д. Русская Луговая в устье р. Илети (исследователь А.Х. Халиков). После длительного перерыва (с 1982 г.) мезолитическая эпоха изучается В.В. Никитиным. Стационарными работами изучено более 20 памятников, часть изучена небольшими траншеями (12–16 кв.м), около 40 исследованы шурфами. В результате получены комплексы из 23 построек, еще на 10 поселениях выявлены отдельные конструкции (котлованы и отдельные ямы), представительные коллекции камня. Топография расселения и планиграфия поселков позволили автору выде-

лить оригинальную культуру (русско-луговскую), существовавшую в пределах рубежа бореала – атлантика (VII–V тыс. до н.э.), что подтверждается радиоуглеродной датой поселения Мукшум XVIII – 8240±220 л.н. [Никитин 2018]. Неолитическое время маркируется появлением керамики с накольчато-прочерченным орнаментом в начале VI тыс. до н.э. Комплексы ранней посуды изучались А.Х. Халиковым, который выделил две культуры: волго-камскую (с гребенчатым и накольчатый орнаментом) и балахнинскую (с ямочно-гребенчатым орнаментом).

С 1980 г. неолитические комплексы изучает В.В. Никитин. Разведками выявлено несколько сотен неолитических объектов, которые сгруппированы в четыре культуры. Ранне-неолитическая с плоскодонной посудой, украшенной в накольчато-резной технике. Раскопками изучено 18 поселений, выявлено 37 построек; траншеями и шурфами исследованы еще около 50 объектов. Своеобразие материальной культуры выделяет их на фоне подобных образований раннего неолита в Волжском бассейне. Это своеобразие позволило автору выделить особую (дубовскую) культуру, существовавшую в рамках VI–V тыс. до н.э. [Никитин 2011].

Практически синхронны посуде накольчатого комплекса памятники с посудой, украшенной гребенчатыми или зубчатыми штампами камского (по О.Н. Бадер) или волго-камского (по А.Х. Халикову) облика. Памятники этого круга в регионе малочисленны. Изучено раскопками всего несколько памятников по р. Илети и один в устье р. Дорогучи. Исследованы остатки двух построек. Время бытования первая четверть – середина V тыс. до н.э. [Выборнов 2008: 171, 245]. Материальные комплексы относятся к хуторскому этапу камской культуры и представляют периферию неолитической культуры Вятского бассейна.

Следующая культура развитого неолита представлена комплексами с гребенчато-ямочным орнаментом (балахнинская по А.Х. Халикову) или средневожский вариант носителей посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (по В.П. Третьякову). Появление их в Марийской низине связывается с продвижением балахнинских племен с Окского бассейна. Раскопками изучено около 30 памятников, на которых получены комплексы из 8 построек. Получено 9 дат по керамике из 5 поселений, указывающих на временные рамки 6130 ± 100 – 5430 ± 90 л.н. Оригинальность материалов, особенно посуды и ее орнаментации, технологии, форм, орнаментальных композиций и орнаментиров позволили автору выделить

своеобразный вариант культуры и назвать ее по наиболее мощному кусту у п. Юрино между рр. Дорогуча и Ветлуга юринской культурой [Никитин 2015].

В позднем неолите в результате активных многосторонних связей населения камской и юринской культур формируется новое культурное сообщество с населением, изготавливавшим посуду с признаками восточных и западных гончарных традиций (прото-волосовский этап). Раскопками изучено 6 памятников с материалами из 4 построек. Кроме этого, получены материалы из 10 памятников со смешанными слоями, датируемые по 6 датам в пределах 5130 ± 80 – 4650 ± 80 л.н. В дальнейшем эти комплексы развиваются в ранний этап волосовской культуры (по А.Х. Халикову). Изучено более 10 памятников этого периода, на которых исследованы остатки 15 построек. Оригинальность глиняной посуды (по технологии, формам, орнаменту), планиграфии поселений и кустовому расселению, существенные различия с собственно классическим «окским» волосовским образованием позволили автору выделить оригинальную майданскую культуру в системе волосовской историко-культурной общности. Время бытования комплексов ранней поры 4720 ± 80 л.н. На развитом этапе культуры появляются свидетельства освоения металла, открывающие эру эпохи меди [Никитин 2017].

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А. 2008. Неолит Волго-Камья. Самара. 490 с.
Никитин В.В. 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Том. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 470 с.
Никитин В.В. 2015. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Археология Поволжья и Урала. Вып. 3. Ка-

зань: ИИ АН РТ. 364 с.
Никитин В.В. 2017. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Археология Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола. МарГУ. 2017. 765 с.
Никитин В.В. 2018. Мезолит Марийского Полесья. Труды Марийской археологической экспедиции. Том X. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 264 с.

MESOLITHIC AND NEOLITHIC MARI WOODLANDS (EVOLUTION, PROBLEMS OF ISOLATION OF CULTURES)

Valery Nikitin

Mari Research Institute of Linguistics, Literature and History, Yoshkar-Ola

Mari woodland occupies the left bank of the Middle Volga River and interfluvium of Vetluga and Ilet Rivers. The material complexes of the Mesolithic Russian- Lugovskaya culture, which existed in the VII–V millennium BC, were obtained here. At the beginning of the VI mill BC population with ceramics, ornamented by slopes and notches appeared here (Dubovskaya culture), which mark the beginning of Neolithic here. Synchronous complexes of material

culture penetrated into the left bank of the Middle Volga River from the East (from the Vyatka basin). Cultural markers are vessels with a rounded or conical bottoms decorated with the comb impressions. The culture is dated to the beginning – middle of the 5th millennium BC. During the developed Neolithic population of the Pit-Comb ware culture (Balakhna inhabitants) penetrated from the West (from the Volga-Oka interfluvium). They represent a variant (Middle Volga according to V.P.

Tretyakov). The particularity of material culture allowed us to identify a culture (Yurino), which existed within 6130±100 – 5430±90 BP.

In the Late Neolithic period, as a result of active connections between population of Kama and Yurino cultures, a new cultural community was formed, which made ceramics within the traditions of the

Proto- Volosovo stage. Further on Maidan culture can be distinguished, which forms part of the Volosovo cultural and historical community. At a developed stage of the Maidan culture, there are traces of metal, which suggested the beginning of a new era – the era of the Metal. The chronological framework of the Late Neolithic is 5130±80 – 4650±80 BP.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-70-71

ОБРАЗ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Ю.Б. Сериков

*Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле),
Нижний Тагил*

Первая обобщающая работа об изображениях водоплавающей птицы в неолитическом искусстве представлена Н.Н. Гуриной в 1972 г. На основании многочисленных находок автор определяет их хронологию и территорию распространения, характеризует особенности изображений и предлагает реконструкцию общей картины мира. При этом Урал является самым восточным районом распространения изображений водоплавающей птицы, отмеченный лишь немногочисленными находками.

За прошедшие почти 50 лет рассмотренная Н.Н. Гуриной источниковая база сильно изменилась. В работе Н.Н. Гуриной Урал представлен только деревянной скульптурой (Горбуновский и Шигирский торфяники) [Гурина 1972: рис. 9, 4–10] и графическими изображениями птиц на керамических сосудах [Гурина 1972: рис. 10, 13–19; 11, 2–3, 6–8]. Скульптурные изображения птиц из камня, кости и глины на Урале еще не были известны.

К настоящему времени на территории Урала выявлено не менее 35 скульптурных изображений птиц из дерева. К находкам из Горбуновского и Шигирского торфяников добавились скульптуры с Кокшаковского (рис. 1: 5) и Карасьеозерского торфяников. Если каменная и костяная скульптура из-за единичности находок в работе Н.Н. Гуриной только упоминается, то сейчас на Урале известно 2 сланцевых фигурки птицы (рис. 1: 11), 6 глиняных изображений птиц (рис. 1: 8, 9), 14 скульптур из кремня (рис. 1: 6, 7, 14) и 10 – из кости (рис. 1: 10, 12, 13). Интерес представляют изображения большого крохала из рога (дно Шигирского озера) (рис. 1: 10), уточки, выточенной из фрагмента керамики (Шайтанское озе-

ро) (рис. 1: 8) и костяных уточек из неолитического погребения на р. Чусовой (грот на Камне Дождевом) (рис. 1: 12, 13).

Еще больше известно гравированных изображений птиц на керамических сосудах. Количество таких сосудов, в том числе и полностью реставрированных (рис. 1: 1, 2) уже превышает сотню. Особняком стоит глиняный ковшик в виде водоплавающей птицы с энеолитического поселения Атымья IV (рис. 1: 4).

Если в ранних статьях вопросы семантики изображений водоплавающих птиц вообще не затрагивались, то с увеличением источниковедческой базы количество работ, пытающихся объяснить семантику этих изображений, заметно возрастает.

Н.Н. Гурина в очень осторожной форме указала на возможную связь водоплавающей птицы с мифом о происхождении Вселенной из яйца утки [Гурина 1972: 44]. Современные исследователи считают, что образ птицы выступал в разных символических значениях. Водоплавающая птица выступала в качестве основного персонажа в творении мира; являлась посредником между мирами; считалась прародительницей рода; была связана с промысловым культом и с календарной символикой; являлась одной из душ человека [Викторова и др. 1997; Чаиркина 2005; Ковалева 2004; Сериков 2014]. Более актуальной представляется точка зрения, что «на сегодняшний день правильнее ограничиться констатацией фактов и осторожными предположениями, нежели перечислять всевозможные варианты» [Молодин, Чемякина 2010: 13].

Новые источники подтверждают предположение Н.Н. Гуриной, что территория распространения изо-

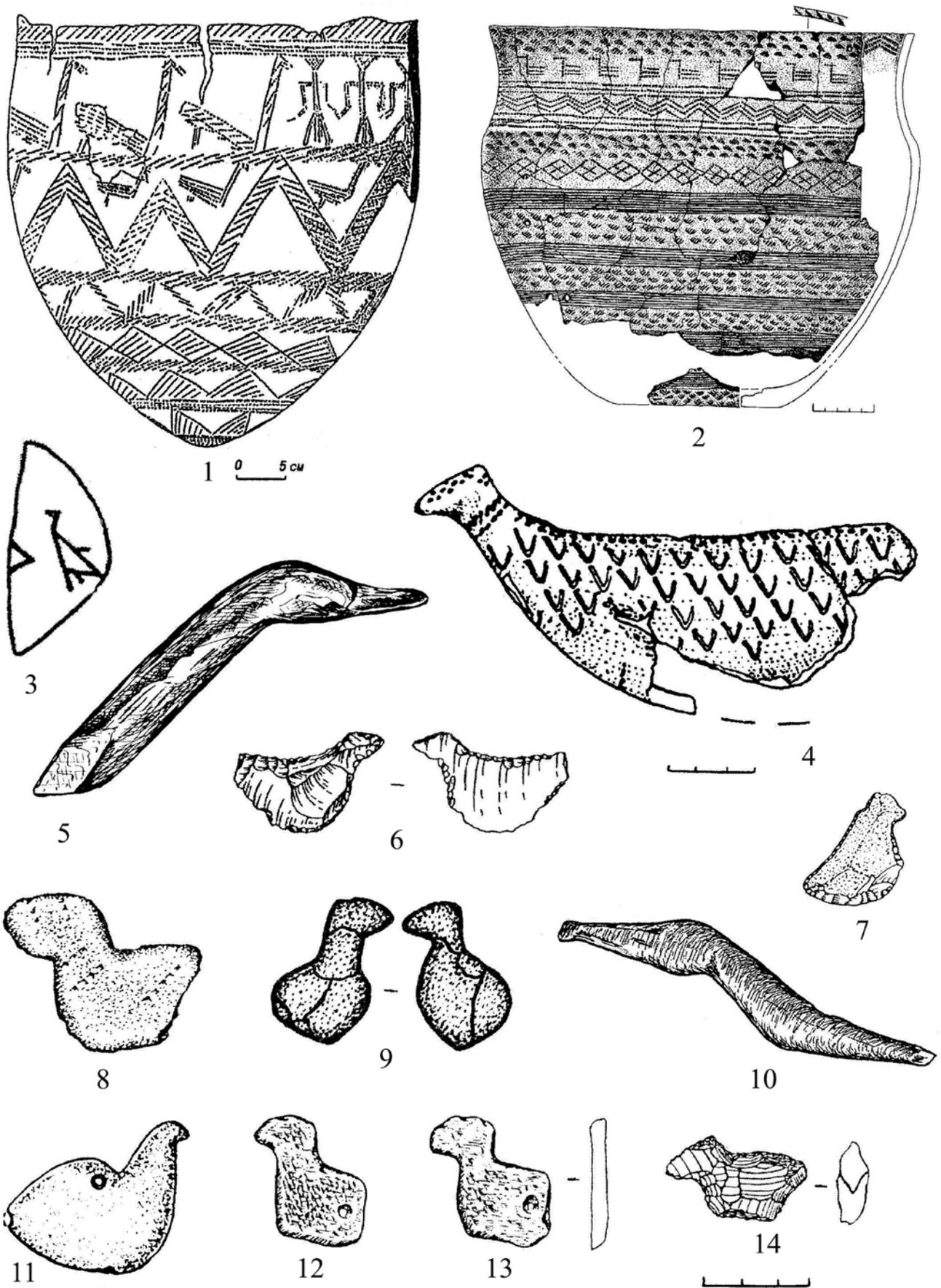

Рис. 1. Изображения водоплавающих птиц неолита (9, 12, 13), энеолита (1, 3, 4, 6–8, 10, 11, 14) и бронзы (2, 5). 1 – Палатки I; 2, 8 – Шайтанское озеро I; 3 – Сутырское; 5 – Кокшаровско-Юрьинская I; 6 – Юрьино IV; 7 – Аятское Правобережное; 9 – Пезмогты 3; 10 – Шигирское озеро; 11 – Кара-Якуповское; 12, 13 – грот на Камне Дождевом; 14 – Варжа; 1, 2, 4, 8, 9 – глина; 3, 6, 7, 11, 14 – камень; 5 – дерево; 10 – рог; 12, 13 – кость; 1, 2, 4–8, 10, 12, 13 – Свердловская обл.; 3 – Марий Эл; 9 – Коми; 11 – Башкортостан; 14 – Кировская обл.

бражений водоплавающей птицы совпадает с областью проживания населения финно-угорской языковой группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Викторова В.Д., Чауркина Н.М., Широков В.Н. 1997. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. С. 40–64.
- Гурина Н.Н. 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. Вып. 131. М.: Наука. С. 36–45.
- Ковалева В.Т. 2004. Образ мира населения аятской культуры (по орнаментах на сосудах) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург: «АКВА-ПРЕСС». С. 76–82.
- Молодин В.И., Чемякина М.А. 2010. Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. № 1. С. 5–14.
- Сериков Ю.Б. 2014. Очерки по первобытному искусству Урала. Н.Тагил: НТГСПА. 268 с.
- Чауркина Н.М. 2005. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН. 313 с.

IMAGE OF WATERFOWL IN ART OF THE NEO-ENEOLITHIC POPULATION OF THE URALS

Yuriy Serikov

Russia state professionally pedagogical University (Nizhniy Tagil branch), Nizhniy Tagil, Russia

The first generalizing work on images of waterfowl in the Neolithic art was presented by N.N. Gurina in 1972. Based on numerous findings the author defines their chronology and distribution area, characterizes the features of images and offers reconstruction of the overall picture of the world. At the same time the Ural Mountains is the easternmost distribution area of images of waterfowl marked by only a few finds.

Up to date, the situation presented by N.N. Gurina has changed a lot. On the territory of Ural dozens of

sculptural images of waterfowl made of stone, clay, bone, antler and wood were discovered. Even more known are the engraved images of birds on ceramic vessels. The analysis of the images show that the image of the bird appeared in different symbolic meanings: demiurge, ancestor, progenitor of the genus, one of human souls. The assumption of N.N. Gurina that the area of distribution of images of waterfowl coincides with the area of residence of the population of the Finno-Ugric language group is confirmed.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-72-74

ФИЛОСОФИЯ АРХЕОЛОГИИ

В.В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва

«Философия – это способ мыслить отчетливо» (М. Мамардашвили)

Как и любая зрелая наука, археология обладает философией в той мере, в какой предмет своего изучения – былую действительность – она отражает как целостность, системную связь. Это и позволяет ей соответствовать реальности. Именно системная связь позволяет реконструировать прошлое, а философия и есть выявление целостности Мира. Археология – метод реконструкции былой действительности по материальным следам, что свойственно не одной археологии. Астрономия, геология, биология, лингвистика – все имеют в качестве предмета прошлое. Этот метод применим к прошлому как результату стихийного или направленного действия совершив-

шихся процессов. Прошлое индивидуально, его невозможно воссоздать экспериментально. Другие же науки исследуют повторяющиеся процессы, воспроизводимые неограниченно.

Попытки выстраивать всеобъемлющие универсальные классификации раз за разом оказываются не работающими: они полны информационного шума, то есть сообщений без связи. Связать часть признаков может гипотеза, работающая не со всей базой данных, а только с ограниченным комплектом признаков. Для исследования другой гипотезы потребуется иной набор признаков и придание им иного веса.

Как у исторической дисциплины предметом археологии является социум. Жизнь и история социума – это системное переплетение разнообразных факторов, в том числе таких, которые не оставили материальных следов, читаемых современной наукой. О том, что они были, и действовали – нашей науке указывает этнография, хотя конкретные этнографические модели не тождественны былой действительности – они только модели, то есть количество задействованных в них факторов условно ограничено. Системная связь фиксируемых следов с теми следами, которые мы ищем, позволяет их учитывать, хотя и не восстанавливает конкретику.

Целостное восприятие былой действительности, несмотря на неполноту выявленных данных, позволяет говорить о философии археологии. Без выяснения системной связи фиксация как «объективных данных» превращается в конструирование действительности из известных элементов. Например, количественное соотношение разновременной керамики в комплексе памятника часто используется для оценки относительной интенсивности хозяйственной деятельности разновременных обществ. Но учитывать надо еще и разрушение керамики предшествовавших комплексов, а также зависимость этого разрушения от технических свойств черепка. Планировка поселений должна исследоваться при строгой синхронизации построек и с учетом развития рельефа. То же самое касается предположений о группировке поселений. Без строгой синхронизации мы получаем только показатель относительных предпочтений мест построек и поселений, но не реальные их планы. Статистический учет признаков должен вестись с учетом обоснования выделения единиц учета, иначе мы получаем только представления автора о предмете (как у Ю.Б. Цетлина).

Изменения действительности – результат процессов, которые мы пытаемся наблюдать по этим изменениям. Зафиксировав состояние предмета и проследив его развитие на коротком отрезке, мы экстраполируем наблюдаемое на предыдущее состояние (пока реконструкция не упирается в противоречия), определяем при этом тенденцию развития самих действующих факторов и пределы достоверности. На раннем этапе развития науки пытаются обходиться непосредственными наблюдениями, без изучения того, как со временем меняются действующие факторы.

Задачи, решаемые археологической наукой, могут быть конкретными реконструкциями отдельных частей былой действительности, но части существо-

вали как целое, были системно связаны. Верифицировать решения приходится – и это обязательно – данными другой науки. Никакая наука не может сама себя доказывать. Доказывает практика, и то только как частный случай, в пределах доступного. Другие науки, исследующие общество – этнология, социология, культурология, антропология, историческая лингвистика – могут проверять выводы археологии, но и сами ею проверяемы. Лингвистикой достоверно определяется степень родства языков, следы заимствований, последовательность лингвистических явлений, концепция праязыков позволяет реконструировать былое звучание слова и его контекст. Но безнадежно определение времени глоттохронологическими методами – сомнительность этих датировок показана и О.Н. Трубачевым.

Тематика конференции нацелена на определение действующих факторов. Но зрелость науки наступает, когда она обнаруживает изменчивость самих действующих факторов. По этому признаку историческая лингвистика, тоже выстраивающая картину лингвогенеза, отождествляя ее с картиной этногенеза, находится во младенчестве. Она опирается на интралингвистические факторы, которые небезразличны к условиям функционирования языка, но представления об этих условиях лингвисты, по-видимому, черпают пресловутого «из здравого смысла».

Экстралингвистические факторы – характер контактов, частоту и интенсивность их, сферу применения, избирательность связей, разделение труда они учесть не могут. Попытка привлечения археологии для датировки появления категорий инвентаря и материалов никакого отношения к истории языков не имеют: заимствование всегда комплексно, происходит вместе с терминами, свидетельствуя только о контакте. Языковой же пласт терминов усваивается далеко не в детстве и не относится к основному словарному составу. Он легко пересекает этнические границы. Языковые заимствования основного состава – результат бытового двуязычия, то есть межэтнических браков. А они включали не только соседей, но и отдаленные группы – так надежнее избегали инбридинга, блюли экзогамию. Но при этом языки контактирующих групп оставались взаимопонятны. Археологически же фиксируется параллельность развития не только ближних локальных вариантов, но и культур, включаемых в «культурную общность», то есть информация просачивалась на тысячи километров.

Попытки привязать последовательную смену археологических культур к ступеням распада праязыка

искусственны: они не сопровождаются выяснением масштаба культурной градации, условий трансформации культур, опираются на предположения о миграциях, строящихся на изменениях легко заимствуемых элементов или на случайных совпадениях. Лингвисты требуют от археологии миграций с дальним переселением, с разрывом родственных связей с материнской культурой. И археологи берут под козырек, говорят – «Есть!», и привязывают к ветвлению языкового древа археологическую периодизацию, трактуя смену археологических эпох, культур как следствие развития языков, культурных контактов и переселений, указанных лингвистами. В итоге – историческая лингвистика не выдерживает проверки историей. Историю языков лингвисты укладывают в считанные тысячелетия, предполагая их стремительные изменения, намного более быстрые, чем в эпоху, когда существует письменная их фиксация: 500 лет – и совершается распад праязыка. И это при том, что тверские карелы за 400 лет изолированного (от прионежских карел) существования сохранили исходные диалекты. А для лингвистов за пределами 4–5 тысяч лет начинается уже пространство неведомых языковых ветвей, полная свобода для лингвистических фантазий.

Миграции – не такое уж повседневное явление. Это перенос в новую природную и социальную среду культуры, которая к ним не адаптирована, и в результате или несет тяжелые потери, или быстро начинает меняться, заимствуя опыт другой культуры. Смена этнографического облика еще не есть смена этноса, если его основа – социальные связи. А родственные связи и безусловные обязательства не разрывает даже смена языка. Происходит ли в результате миграций разрыв с материнской культурой? Такие случаи возможны, но как исключение. Обычно связи не рвутся. Фатьяновская культура, вышедшая из среднеднепровской, продолжала развиваться параллельно ей на новой территории. Волосовская культура, распространившись по лесной зоне, тоже продолжала развиваться на этих территориях как часть единой общности. В одной последовательности появлялись новации в зарубинецкой культуре и в поздней дьяковской. Информационный обмен шел и через культурные границы. Земля не так уж велика, а общение – нормальное человеческое свойство.

Гипотеза миграции требует конкретного наполнения фактами, обстоятельствами, а не предположениями о цели миграции. Цели может не быть, но обязательно есть вполне материальные условия. Было

ли перенаселение на исходной территории? Как полно использован ресурс исходной территории? Важнейший вопрос – какова численность и половозрастной состав мигрировавшей группы? Располагала ли культура адаптирующими компонентами для освоения нового пространства? Существовали ли каналы связи с аборигенами до миграции, как они менялись во времени и пространстве? Насколько компактно располагается на новой территории мигрировавшая группа? Какова интенсивность связи с материнской культурой? Увы, на эти вопросы выдвигаются только предположения, хотя археология содержит источники, позволяющие их решать.

Археология нацелена на изучение социума, и тут мы вступаем на поля социологии и культурологии. Человек – животное общественное, и его как таковое изучает психология. Этология стайных животных показала, что характер эмоций, их проявление и реакция на них выходят далеко за пределы вида – архетипы поведения в основе биологичны. Социум существует объективно. Столь же объективно в нем идет циркуляция информации. Это просто свойство любого социума, не только человеческого. Разница с животными в том, что человек кодирует информацию в символы, что позволяет накапливать ее в гораздо больших количествах и более оперативно извлекать. У животных тоже существует символика, но в зачаточной форме, у человека же складывается иерархия символов, менее замкнутая на эмоции. Символы у зверя куда эмоциональнее и требуют больше энергии.

Палеоэкономические исследования как реконструкция условий существования могут вестись непосредственно на археологических источниках. Существующие работы, совмещающие естественно-научные исследования и археологию – интерпретация отдельных частных случаев. Накопление этих частных случаев превращает их в статистически достоверные. Определение численности и плотности населения, интенсивности контактов, а также размеров, типов и частоты использования угодий, длительность обитания – все это результаты наблюдений над археологическими реалиями, интерпретируемые естественными науками и этнографией. Поселение и его место в экосистеме – важнейший фактор палеоэкономической реконструкции. В нем экономика проявляется в интегрированном виде. Есть еще один источник, позволяющий оценить качество жизни – это антропология. Но серийность таких исследований невелика – фактически мы имеем дело с конкретными случаями выявления биологических особенно-

стей и экстраполируем их, предполагая закономерности, которые проявляются через частные случаи.

Исследуя древние технологии, распознать их удастся только тогда, когда они перестают быть секретами. С одной стороны – такое изучение позволяет описывать стереотипы навыков, а значит – добавляет деталей для чтения поведения. В эксперименте идет выработка языка описания наблюдаемых в археологии признаков и оформления навыка в виде элемента культуры. С другой стороны – эксперимент позволяет оценивать техническое оснащение, его эффективность, хотя в эффективности гораздо больше технической оснащённости важен ручной навык, тренированность. На точную оценку экономического значения каких-то новаций, замеряемую в ходе экспериментов, надеяться не стоит. И навыки, и среда слишком сильно изменились. Но самое главное – изменилась и само содержание экономики, она имеет совсем другие ценности. В связи с этим наивными представляются палеоэкономические дефиниции с использованием современной экономической проблематики. Поиски торговли в первобытности, вплоть до палеолита, контроль за рынками и тому подобное – никакого смысла не имеет при ином отношении к таким архетипическим категориям как время, социальные связи, престиж. О содержании их можно судить из этнографии, но архаичная этнография сама еще недавно использовала те же политэкономические шаблоны. В то же время поиски в этнографии аналогий наблюдаемому в археологии, иллюстрирование этнографией археологии, активно используемое в недавнем прошлом нашей науки, подменяет исследование конкретного явления моделью. Аналогия – это сопоставление моделей, а не доказательство тождества, она только повышает точность сравнения.

Деятельность общественного существа включает использование готовых решений, стереотипов, которые являются зафиксированным опытом других особей социума. Но это и есть культура как общественный опыт, то есть информация, полученная путем научения. И в социуме нарабатывается система накопления, фиксации и передачи опыта. Специфика информационных полей культуры связана с конкретной направленностью опыта и системной связью его элементов. Опыт может быть направлен на преобразование природной среды – и тогда это материальная культура, и на регуляцию социальной среды – это называется духовная культура. Культура вообще-то ни материальна, ни духовна – она имеет информационную природу.

В социуме возникает разделение труда, специализация как структурирование опыта, связанное с видами деятельности – развиваются субкультуры. Если приспособление к конкретной среде в животном мире происходит через видообразование, но начинается оно все же с вариативности поведения (это можно рассматривать как возвращение к Ламарку). Специализация касается поведения, и только потом – биологии, соматики, возможно с подключением фактора отбора, который есть частный случай изменчивости. Адаптация человека к еще более разнообразной среде, чем это доступно любому другому виду, идет через культуру. При этом, несмотря на миллионлетнюю изолированность популяций в разных концах Ойкумены, все они остались одним видом. И это – археологический факт, который осмысливать биологам.

Стереотипизированный опыт – это специализация не только отдельных групп в пределах социума, но и повторяемость ситуаций, группового поведения. Эти стандарты попутно обозначают распознавание «свой–чужой». Свой – значит понимающий твой опыт, а значит – тебя. И это сплачивает группу. Но чужой опыт – тоже апробированный кем-то, но его понимать надо учиться, то есть усвоение его ведет к расширению культуры. Он может быть запасным опытом, когда своих стереотипов не хватает. Общение с носителями другой культуры, с одной стороны, ведет к осознанию единства «своих», с другой – и очень существенно – создает адаптационный резерв и придает гибкость собственной культуре.

Один из способов закрепления опыта – формирование традиций. Это привычка, стереотип, но пропущенный через вербальную форму, способ двойного копирования. Перевод фиксации опыта из ручного навыка в вербальный делает его особо прочным, ставит под контроль общества, нагружает дополнительными смыслами. Традиция – не хорошо и не плохо – это просто форма сохранения информации.

Стандартная задача археологии – выявить следы общности как группы одной культуры, со своим набором привычек, со своим представлением о том, как эти привычки реализовать. Археологический тип и есть материализованный стереотип, включающий устойчивый перечень признаков, обязательных и желательных (факультативных). Он также отражает систему рабочих навыков, которые входят в состав культуры. Среди них есть признаки, диктуемые материалом, функцией, ситуацией, они малоинформативны для характеристики культур, хотя несут информацию об адаптации, экономике, экологии, быте.

Но и требования, предъявляемые к инструменту – это тоже элемент культуры.

Определение понятия «археологическая культура» через перечисление признаков, по которым она распознается, уходит от поиска сути явления. Археологическая культура – это и есть археологизированная культура. Именно культура как общий опыт и составляет суть этнического единства. Этнос – среда циркуляции информации. Именно культура – суть этноса. Циркуляция информации идет в пространстве – между группами, понимающими друг друга, и во времени – между поколениями. Значимость таких признаков как самоназвание, самосознание, национальный характер ситуационна – это следствие существования такого социума как этнос, а не причина. Наша задача – очистить информацию от случайных факторов и дистиллировать черты социума, уж какие сохранились. Найти следы контактов и следы преемственности. Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру разносторонне – слишком мало от нее сохраняется. Но выделить само единство, социум, можем. А значит можем и проследить этническую историю, взаимодействие разных культур, формирование субкультур. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследить историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой.

Сложности возникают из-за бедности источников реконструкции культуры – до нас доходят крайне узкие спектры былого опыта. К тому же ограниченность используемых источников для выделения археологических культур ведет к тому, что трансформация таких источников в связи с эволюцией технологий, хозяйства и навыков приводит к обрыву наблюдаемой на каком-то временном отрезке преемственности. Трансформация порождает также интеграция инородной культуры, которая порождает множественные заимствования. Но при этом, обрываясь в одних частностях, в других компонентах преемственность продолжается. Необходимо также помнить, что несмотря на фрагментарность археологического источника, мы имеем дело с древней этнографической реальностью, от которой зафиксирована лишь небольшая ее часть. Это – след жизни каких-то групп. Одна из задач исследования – реконструкция с максимальным приближением ее реалий, этнографического облика группы в конкретные моменты. Другая задача – исследование адаптации, связанных с ней особенностей поведения. Не исклю-

чая и адаптацию социальную. Ее содержание – характер взаимоотношений с соседними группами, а также внутри группы.

Социум не однороден. Половозрастное разделение труда создает древнейшие субкультуры – мужскую и женскую со своими социальными нормами, навыками, даже особым языком. Стремление к лидерству, восходящее к дочеловеческим сообществам, тоже создает свою субкультуру. Особенности психического типа – повышенная эмоциональность, в том числе эмоциональная память, по мере усложнения восприятия мира накапливает иррациональную культуру, строящуюся на закреплении эмоционального опыта. Специалисты по иррациональной культуре – колдуны, шаманы, волхвы, жрецы, но также и скальды. В какой-то момент объем иррациональной культуры начинает требовать обученных специалистов. Далее возникают субкультуры мастеров, корпоративные, включая специалистов по общению между социумами, а также воинская субкультура, которая легко переходит в межэтническую – здесь активно идет заимствование чужого опыта. Субкультуры обретают знаковые атрибуты, и по ним мы можем наблюдать в какой сфере идет межэтническое взаимодействие.

Статистика отражает количественный фактор концентрации признаков в социуме. Она требует формализации, определения единиц статистического учета как тождеств. Сопоставляются множества, сложенные из условно тождественных элементов. И тут самое слабое место – доказательство тождества признака. Использование очевидных и элементарных признаков мало полезно: элементарные признаки слишком неоднозначны по содержанию. Упрощение, обобщение признака для удобства его использования исследователем теряет существенные детали, делает малозаметными различия в осмыслении, ведет к потере информации, вплоть до фальсификации.

Мы можем увидеть в признаке вовсе не то, что видели люди иной культуры. Доказательством может быть только сложный признак, включающий, пусть и еще не распознанный, текст осмысления. Простой признак случаен, в разных культурах он имеет разные ассоциации (если вообще имеет), культурная специфика его недоказуема. Он имеет форму, но не содержание, или оно крайне неустойчиво. Количество возможных вариантов использования простых элементов невелико. Ямки в орнаменте, насечки, пояски, стандартные геометрические фигуры могут иметь десятки значений. Их устойчивые сочетания уже содержательней. А вот строго определенный набор ко-

стей, использовавшихся в орнаменте льяловской посуды, показывает, что нагружены ассоциациями были не любые кости, а именно этот набор. Использование зубов и челюстей как орнаментов в средневолжской и приуральской керамике – это тоже элемент культуры. Те же кости (челюсти) были в распоряжении льяловцев, но они никогда их не использовали для орнаментации. Это уже случай негативной корреляции. То, что здесь закодирован какой-то текст, почеркнуто тем фактом, что именно этот элемент не встречается в льяловской керамике, а контакты волго-камской культуры и льяловской были. Ямка в орнаменте может иметь множество разных смыслов в разных культурах, а потому она нейтральна, скорее, значимым может быть отсутствие ямок. Существенно не наличие ямок, а воздействие (или его след) на сосуд определенным предметом. В этом и заключалось магическое действие. Выполненная белемнитом ямка – это бесспорно элемент конкретной культуры, так как за ней стоит отдельный текст осмысления предмета, который мог существовать только в вербальной форме. Белемниты встречаются далеко не повсеместно, и их требуется издалека доставить на поселение, а заменять их на иные ямочные штампы стали только в финале льяловской культуры. Сложный признак предполагает наличие текста, материализацией которого он является. Сам текст мы можем не читать, но наличие его определяется (доказывается) по отрицательной корреляции.

Археология, занимаясь историей культур, не может не делать выводов об этногенезе. Реконструируя систему генетических связей и контактов, она непосредственно касается вопросов глоттогенеза. Мы не наблюдаем звучания языка, но видим, что существовало единство. Язык же – это существенная часть культуры. Условия его функционирования проявляются в археологических источниках и наша задача – выделить, опознать группу, которая находится в

родственных связях с другими группами. Реконструируя быт, хозяйство, систему связи, мы имеем дело с условиями функционирования языка.

Условия биологического существования человека – тоже поле археологии, которое дает непосредственные источники для осмысления антропологии. Антропология фиксирует биологическое родство. Лингвистика – фиксирует контакты, но и остальные гуманитарные науки это делают. По сути, все они выстраивают генеалогические древа, и нет оснований считать, что это не одно и то же древо.

Но и история природы – тоже входит непосредственно в круг интересов археологии. Она же дает основания и для относительной и абсолютной датировки, и для реконструкции адаптивных возможностей культуры. К тому же конкретика археологических наблюдений за формированием природной среды – режима рек и озер, седиментации осадков, характера изменений растительности и мира, наблюдаема при археологическом исследовании, значительно детальнее, чем это получают палеогеографы при изучении крупных регионов.

Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру столь же разносторонне, как ее наблюдает этнография – слишком мало от нее сохраняется. Но выделить единство, социум, можем. А значит – можем проследить этническую историю, взаимодействие разных культур. Это то, что археология может. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследить историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой. Исследование былой действительности завершается ее реконструкцией. В результате и проверяется системность выстроенной связи. Чем шире охват действительности, тем достовернее реконструкция, тем заметнее ее ошибки и недостоверные предположения.

PHILOSOPHY OF ARCHAEOLOGY

Vladimir Sidorov

Institute of Archaeology RAS, Moscow

Like any mature science, archaeology has philosophy in so far as the subject of own researching – ancient past – and reflects entirety, system connection. Archaeology is the method of reconstruction of the past based on the material traces, which peculiar not only for archaeology. Like in any historic discipline the subject of archaeology is society.

The activity of social creature includes the using of the prepared decisions, stereotypes, which are recorded experience of other individuals of society. But this is a culture as community experience, i.e. information, received by learning. System of the accumulation, recording and transfer of backgrounds collects inside of

the community. As a matter of fact culture is no material, no spiritual – she has an informational sphere.

Typical aim of archaeology is to found traces of the community as group of one culture, with hers selection of customs and presentation about how these customs could be realized. Archaeological type is materialized stereotype, which including stable list of features (necessary and eligible (facultative)).

Definition of the term «archaeological culture» by citations of features, upon which culture perceived, goes away from searching of the phenomenon's essence. Exactly culture as a common experience makes core of the ethnic unity. Ethnos is a sphere of the information circulation. In particular culture is an essence of ethnos.

Study of the past reality is stopped by her reconstruction. As a consequence the consistency of the organize connection is verified.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-74-79

ДИСКУССИЯ О СХОДСТВЕ/РАЗЛИЧИИ ВАЛДАЙСКОЙ И ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУР

Г.В. Сеницына*, А.В. Уткин**

* *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

** *Ивановский государственный университет, Иванов*

Длительная дискуссия о сходстве/различии соседних раннеэолитических валдайской и верхневолжской культур актуальна до сих пор. Рассмотрение проблемы путем сопоставления типов орудий затруднено из-за того, что ряд категорий инвентаря выходит за рамки верхневолжского бассейна, на что указывал и Д.А. Крайнов, объясняя это единой мезолитической подосновой [Крайнов 1996: 173].

Богатство инвентаря верхневолжской культуры объясняется тем, что ее геологические объекты расположены в шлейфах, тогда как стоянки валдайской культуры исследованы только на борových террасах, озах. Техничко-типологические характеристики верхневолжской культуры – каменного инвентаря, керамики, костяного инвентаря за счет их сохранности дают более полные представления о культуре, ее хронологии, в то время как памятники валдайской культуры достаточно часто имеют примесь более поздних эпох, что часто используют в своих аргументах против выделения валдайской культуры как отдельной единицы.

Валдайская культура, выделенная в 1958 году Н.Н. Гуриной [Гурина 1958; 1973; 1996], рассматривалась как культура, прошедшая в своем развитии этапы от мезолита до позднего неолита, принявшая инновации в виде керамического производства.

Своеобразие материалов валдайской культуры определено наличием богатейших выходов сырья, поскольку здесь, начиная с финального палеолита, существуют центры кремнеобработки. Ранцевые наборы (клады) мезолита и неолита являются ярким свидетельством обмена, транспортировки кремня в безкремневые зоны, наличия связей с кругом бал-

тийских культур. Разница в развитом неолите особенно наглядна: территорию верхневолжской занимает льяловская культура, а валдайская в развитом неолите продолжает свое развитие. Несмотря на значительные по площади раскопки, пока не найдено ни одного памятника льяловской культуры в валдайском поозерье.

При установлении сходства/различия между культурными единицами учитываются все составляющие – не только типы инвентаря, но и типы жилищ, являющиеся одним из основополагающих признаков сходства/различия. В верхневолжской культуре они представлены на стоянке Сахтыш VIII двумя жилищами округлыми в плане [Костылева 1986] и одним, по-видимому, подчетырёхугольной в плане формы на стоянке Малая Ламна I [Костылева др. 1986]. Жилища валдайской культуры, более многочисленные, расположены на борových террасах, в большинстве случаев подпрямоугольной формы с коридорообразным входом, который ориентирован под углом относительно водоема. Это стоянки финального мезолита – неолита: Котицы, Котицы V, Ланино I/V, Заболотье II, Зехново III, Свёклино, Залесье I, Торг [Гурина 1989, 1996; Верещагина и др. 1995; Верещагина 1997; Сеницына 1997; Тимофеев 1997]. Исследовано 16 жилищ, из них 14 имеют в плане прямоугольную или подквадратную форму пятен, разнообразные конструкции и количество очагов. На стоянке-мастерской Свёклино одно из трех жилищных пятен имело овальную в плане форму. Площадь жилищных пятен варьирует в пределах 10–50 кв. м. На стоянке Котицы внешний контур жилищного пят-

на равен 110 кв.м (11×10 м) и значительно больше внутреннего (8,0×6.5 м) [Верещагина 1997].

Несмотря на то, что выявлена разница в типах жилищ, результаты сопоставления не могут быть окончательно приняты из-за количественных данных для решения поставленной проблемы: выдержала ли «испытания временем» валдайская культура? Дискуссия о сходстве/различии культур валдайской

и верхневолжской может быть рассмотрена более плодотворно, когда будут на памятниках валдайской культуры исследованы геoarхеологические объекты, связанные со шлейфами, культуросодержащими органические материалы, а у носителей традиций верхневолжской – многочисленные жилища, расположенные на бортовых террасах.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0002

ЛИТЕРАТУРА

Верещагина И.В., Синицына Г.В., Тимофеев В.И., Тихомирова О.М., Шаяхметова Л.Г., Шумкин В.Я. 1995. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН ССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной. Вып. 1) // Материалы к археологической карте. Вып. 1 (Археологические изыскания. Вып. 27). СПб: ИИМК РАН. 114 с.

Верещагина И.В. 1997. Поселения южного побережья Селижаровского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона Вып. 2 (Археологические изыскания. Вып. 55) СПб: ИИМК РАН. С. 63–106.

Гурина Н.Н. 1958. Валдайская неолитическая культура // СА. № 3. С. 31–45.

Гурина Н.Н. 1973. Неолитические племена валдайской возвышенности // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. Л.:Наука. С. 159–168.

Гурина Н.Н. 1989. Мезолит верховьев Волги // Мезолит

СССР. М.: Наука. С. 63–67.

Гурина Н.Н. 1996. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 188–193.

Костылева Е.Л. 1986. Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. М.: Наука. С. 138–151.

Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Уткин А.В. 1986. Стоянка Малая Ламна I // КСИА. Вып. 185. М.: Наука. С. 71–78.

Крайнов Д.А. 1996. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 166–173.

Синицына Г.В. 1997. Ланино I – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона Вып.2 (Археологические изыскания. Вып. 55) СПб: ИИМК РАН. С. 5–62.

Тимофеев В.И. 1997. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2 (Археологические изыскания. Вып. 55) СПб: ИИМК РАН. С. 107–211.

THE DISCUSSION ABOUT THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE VALDAI AND UPPER VOLGA CULTURES

Galina Sinitsyna*, Aleksandr Utkin**

* *Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg, Russia*

** *Ivanovo State University, Ivanovo, Russia*

The old discussion about the similarities and differences between the Valdai and Upper Volga Neolithic cultures is still under way. The richness of the Upper Volga tool inventory can be explained by the fact that these geoarchaeological objects are confined to arpons, while those of the Valdai culture are situated on pine-forest terraces, osars. The similarities observed in pottery and stone artefact forms are superficial and could be found in some of the neighboring cultures, too. The difference can be seen in the shapes of dwelling

spots. The dwellings of the Upper Volga culture are round, while most of the Valdai culture dwellings are subrectangular and have a corridor-like entrance. However, this opposition may be not absolute, because only single dwelling spots of the Upper Volga culture have been studied by now. To make the discussion of the similarities and differences between the Valdai and Upper Volga cultures more fruitful one has to compare identical geoarchaeological objects.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-80-81

НАЧАЛО ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

А.М. Скоробогатов

ООО «Терра», Воронеж

История изучения раннего энеолита на Верхнем и Среднем Дону (в границах современной лесостепи) имеет полувековую историю [Скоробогатов 2011а: 182–186], и долгое время была связана с именем А.Т. Синюка. Культурно-хронологические разработки этого ученого по неолиту, энеолиту и эпохе бронзы Донской лесостепи актуальны и востребованы до сих пор [Проблемы ... 2016].

Традиционно начало энеолитической эпохи для данной территории связывают с нижнедонской культурой, население которой изготавливало своеобразную керамику, имеющую аналогии в верхних слоях поселения Ракушечный Яр. Переселенцы, появившись на новой для них территории, вступали в контакты с местным неолитическим населением, в результате чего появилась керамика черкасского типа. Сейчас данные процессы можно синхронизировать со вторым этапом среднедонской неолитической культуры [Скоробогатов и др. 2016: 246].

Долгое время определять хронологию раннего энеолита, а, соответственно, и начало эпохи палеометаллов региона приходилось по аналогиям с памятниками к западу и востоку от Подонья. Лишь в недавнее время [Смолянинов и др. 2011: 252; Смолянинов 2013: 238; Скоробогатов 2013: 273] появились в публикациях первые $C14$ даты для раннего

энеолита Донской лесостепи. Первые абсолютные даты были получены исключительно в Киевской лаборатории по фрагментам керамики (см. таблица 1, № 1–5). Затем к ним добавились две даты по одному воротничковому фрагменту, сделанные по внешнему нагару и внутренней органике из черепка [Андреев и др. 2016: 174], а также одна дата, сделанная по нагару с керамики черкасского типа [Скоробогатов и др. 2016: 246], выполненные в Хельсинкской лаборатории (AMS датирование). Этим пока ограничиваются абсолютные даты интересующего нас периода.

Вызывает интерес разница в датировках, выполненных по одному образцу с Черкасской–3 стоянки. Авторы публикации этих образцов считают, что дата, полученная по нагару, удревнена ввиду наличия резервуарного эффекта, и валидной считают более позднее значение по керамике [Андреев и др. 2016: 173]. Однако до получения дополнительных датировок по разным материалам с территории Донской лесостепи будем считать эту проблему открытой. Дата по керамике с Курино–1 значительно моложе остальных абсолютных значений, и если она валидна, то может маркировать финал воротничковой традиции для территории Верхнего Дона.

В целом, имеющиеся $14C$ датировки подтверждают предложенные нами ранее хронологические

Таблица 1. Радиоуглеродные даты раннего энеолита Донской лесостепи

№	$14C$ (BP)	Калиброванная дата (2σ) (CalBC)	Лабораторный индекс	Материал	$\delta 13C$	Памятник	Публикация
1	5930 ± 90	5040–4580	Ki – 16641	Керамика		Черкасская стоянка	Скоробогатов 2013
2	5710 ± 90	4730–4350	Ki – 16642	Керамика		Черкасская стоянка	Скоробогатов 2013
3	5920 ± 90	5030–4540	Ki – 13327	Керамика		Ксизово-6	Смолянинов и др. 2011
4	5170 ± 100	4250–3700	Ki – 16393	Керамика		Курино-1	Смолянинов и др. 2011
5	6170 ± 80	5310–4900	Ki – 16648	Керамика		Карамышево 19	Смолянинов 2013
6	6169 ± 26	5215–5040	Hela – 3734	Нагар	-30,0	Черкасская-3 стоянка	Андреев и др. 2016
7	5775 ± 25	4710–4540	Hela – 3735	Керамика	-28,2	Черкасская-3 стоянка	Андреев и др. 2016
8	5763 ± 32	4710–4535	Hela – 3884	Нагар	-30,3	Черкасская стоянка	Скоробогатов и др. 2016

границы начального периода энеолита региона – от 5350/5300 calBC с вероятностью бытования нижнедонской воротничковой традиции до 4350–4100 calBC [Скоробогатов 2011б: 12–13].

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К.М., Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г., Медоуз Д., ван дер Плихт Й., Филиппсен Б. 2016. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья // Известия СНЦ РАН. Т. 18. № 6. С. 170–177.
- Проблемы археологии Восточной Европы в работах профессора А.Т. Синюка (к изданию «Избранных трудов»): материалы межрегиональной научной конференции. 2016 / ответ. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. 84 с.
- Скоробогатов А.М. 2011а. История изучения раннего энеолита Донской лесостепи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. Тамбов: Грамота. С. 182–186.
- Скоробогатов А.М. 2011б. Энеолитические памятники Донской лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 23 с.
- Скоробогатов А.М. 2013. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // ТАС. Вып. 9. С. 264–278.
- Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В., Сурков А.В., Ойнонен М., Поснерт Г. 2016. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток. С. 244–260.
- Смольянинов Р.В., Свиридов А.А., Бессуднов А.Н. 2011. Материалы нижнедонской культуры на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 8. Том I. С. 234–253.
- Смольянинов Р.В. 2013. Поселение Карамышево 19 на Верхнем Дону // ТАС. Вып. 9. С. 232–248.

BEGINNING OF THE ENEOLITHIC ON THE FOREST-STEPPE DON

Andrey Skorobogatov

ООО «Terra», Voronezh

The article is devoted to the Early Eneolithic of the territory of the Middle and Upper Don. The era of the Early Metal begins with the migration into the territory of the forest-steppe Don of population of the Lower Don culture. All currently known absolute dates for the

Early Eneolithic (8 samples) are considered. The Early Eneolithic begins around 5350/5300 BC, the main dates refer to the end of the 6th mill BC – first half of the 5th mill BC.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-81-83

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЯРЛУКОВСКАЯ ПРОТОКА (ПУНКТ 222) НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Р.В. Смольянинов*, А.А. Куличков**, Е.С. Юркина*

* Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

** Межпоселенческий координационно-методический центр Грязинского муниципального района Липецкой области, Липецк

На территории Верхнего Дона известно 72 памятника раннеэнеолитической среднедонской культуры с керамикой украшенной преимущественно наколами треугольной формы. Для карамышевской раннеэнеолитической культуры известно 26 стоянок. Все они располагаются на берегах рек Воронеж и Дон на низко расположенных пойменных останцах.

Именно материалы двух этих культур получены на исследуемом поселении В.П. Левенком в 1963, 1964, 1967 и 1968 годах. Памятник находил-

ся в пойме р. Матыры (левый приток р. Воронеж, левый приток р. Дон).

Керамика карамышевской культуры (VI тыс. до н.э.) представлена венчиками и округлой формы днищами от 12 сосудов. Посуда преимущественно украшена мелкими овальными наколами или не имеет орнамента. В качестве исходного пластического сырья (далее ИПС) для изготовления всех сосудов использовалась илистая глина. Все сосуды изготавливались из ожелезненного сырья. Во всех 12 образцах в единичной концентрации встречены органические

остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей. Сырье всех карамышевских сосудов использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

Вся посуда данной группы была изготовлена способом скульптурной лепки из небольших лоскутков размеров от 1×1, 1,5×1,5 до 2×2 см, которые накладывались по траектории близкой к спиралевидной. Выявлено три способа обработки поверхностей: 1 – обе поверхности тщательно заглажены грубо выделанной кожей (5 обр.); 2 – обе поверхности расчесаны жестким гребенчатым штампом (2 обр.); 3 – внешняя тщательно заглажена грубо выделанной кожей, а внутренняя расчесана жестким гребенчатым штампом (5 обр.).

Керамика среднедонской культуры представлена венчиками и округлой формы днищами от 15 сосудов. Посуда преимущественно украшена мелкими треугольными наколами или мелкими гребенчатыми отпечатками. В качестве ИПС для изготовления использовалась средне- или слабозапесоченная илистая глина, 13 образцов было изготовлено из железненного, два из нежелезненного сырья. Во всех изломах, в единичной концентрации, встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев и стебельков растений, различных по форме и размеру. Сырье всех среднедонских сосудов использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

Сосуды изготавливались из небольших лоскутков размеров от 1×1 до 2×2 см, накладывались по горизонтальной траектории. Выявлено три способа обработки поверхностей: 1 – внешняя тщательно за-

глажена грубо выделанной кожей, внутренняя расчесана жестким гребенчатым штампом (4 обр.); 2 – обе поверхности тщательно заглажены грубо выделанной кожей (1 обр.); 3 – обе поверхности расчесаны жестким гребенчатым штампом (10 обр.).

По накольчатой керамике среднедонской культуры получена дата – 6774±120 ВР, или 5903–5484 ВС (SPb–1637).

По гребенчатой керамике среднедонской культуры получена дата – 5770±200 или 5207–4246 ВС (SPB–1288).

На момент исследования коллекции стоянки Ярлуковская Протока (пункт 222) обнаружено 304 единицы каменных артефактов. В качестве сырья использовался в основном цветной кремнь низкого качества, в меньшем количестве использовался кварцит и другие породы. Кремневая индустрия может быть охарактеризована как отщепово-пластинчатая. Выявлено 6 экземпляров нуклеусов преимущественно аморфной формы, из которых только один использовался для снятия пластин. В коллекции отмечено 10 пластин, две из которых кварцитовые, остальные из черного качественного кремня. Всего выявлено 34 орудия, кроме одного, все они изготовлены на отщепах различных размеров. Орудийный набор представлен скребками, перфораторами, выемчатыми орудиями, а также единичными резцами и небольшим количеством комбинированных и морфологически неопределимых орудий. На отдельно взятых экземплярах отходов производств были визуально отмечены следы шлифования и термической обработки. Памятник является смешанным комплексом, никаких стратиграфических и планиграфических наблюдений залегания каменного инвентаря сделать не удалось.

THE EARLY NEOLITHIC SITE OF YARLUKOVSKAYA PROTOKA (POINT 222)
OF THE UPPER DON RIVER REGION

Roman Smolyaninov*, Alexey Kulichkov, Elivazeta Yurkina***

* *Lipetsk State Pedagogical P.P. Semyonov-Tyan-Shansky University, Lipetsk*

** *«Intersettlement Coordination and Methodological Center» Gryazinsky district Lipetsk region, Lipetsk*

Located in the floodplain of the river Matyra, the settlement Yarlukovskaya Protoka was studied in 1963, 1964, 1967 and 1968 by Vsevolod Levenok. Materials of two Early Neolithic cultures of VI millennium BC were revealed here.

Ceramics of the Karamyshevo culture is represented by rims and rounded bottoms of 12 vessels. Pottery is predominantly decorated by

small oval pricks or was not decorated. Ceramics were made from silty clay.

Pottery of the Sredniy Don culture are represented by rims and rounded bottoms of the 15 vessels. They were decorated with triangular prick or small comb prints. Ceramics were made from silty clay.

At Yarlukovskaya Protoka site 304 flint artifacts were discovered. This industry could be described

as flake-blade. The settlement represents a mixed complex – stratigraphic and spatial readable observations of the location of stone inventory could not be done.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-83-84

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

А.В. Сомов, А.А. Шалапинин

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

М.Е. Фосс и А.Т. Синюк уделяли пристальное внимание вопросам периодизации каменного века лесостепного Волго-Донского междуречья. В последнее время ведется работа по установлению хронологических позиций неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья. В научный оборот введено около 170 дат [Выборнов и др. 2016: 83–96; Королев, Шалапинин 2014: 267–269]. В данной работе будут проанализированы даты по неолитическим и энеолитическим материалам, являющиеся на наш взгляд наиболее валидными, с целью выявления периодов их совместного бытования. Для калибровки дат использовалась программа OxCal 3.10.

По накольчатым материалам средневожской неолитической культуры с Ивановской стоянки получены даты 6100–5700 (68,2%) или 6100–5600 (95,4%). Однако основной массив дат данной керамической традиции укладывается в промежуток 5000–4600 BC при вероятности 68,2% или 5400–4500 BC при вероятности 95,4%.

В промежутке между 5750–5450 BC и 5400–5050 BC (68,2%) или 5850–4900 BC (95,4%) в лесостепном Поволжье распространяется посуда, украшенная ногтевидными насечками. Данному комплексу весьма близка керамика с зубчатым штампом, формирующаяся в данном регионе в пределах 5000–4450 BC (68,2%) и 5300–4350 BC (95,4%). В связи с чем можно предположить автохтонное появление зубчатого штампа из ногтевидных насечек, но не исключается, что формирование данной орнаментальной традиции связано с контактами с представителями западных областей.

Формирование традиции орнаментации гребенчатым штампом в лесостепном Поволжье приходится на период существования в регионе зубчато-накольчатой орнаментальной традиции с 5100 BC (68,2%) или 5300 BC (95,4%) и продолжает бытовать после ее исчезновения до 4000 BC (68,2%) или 3900 BC (95,4%).

На данный момент средневожской культуре синхронны съезжинский и ивановский этапы самарской энеолитической культуры, время существования которой приходится на 5050–4950 и 4900–4400 BC (68,2%) или 5250–4350 BC (95,4%). Совпадения хронологических границ наблюдаются и при сопоставлении средневожских материалов с хвалынской энеолитической культурой, существование которой в данном регионе приходится на 5010–4590 BC (68,2%) или 5250–4350 BC (95,4%), и с комплексами типа Лебяжинка III – 5000–4680 BC (68,2%) или 5250–4500 BC (95,4%).

Кроме этого, наблюдается частичное совпадение хронологических интервалов гребенчатых керамических комплексов средневожской культуры с определениями по позднеэнеолитическим комплексам лесостепного Поволжья: гундоровский тип – 4330–4040 BC (68,2%) или 4400–3700 BC (95,4%), керамика с внутренним ребром – 4320–4000 BC (68,2%) или 4450–3950 BC (95,4%), токский тип – 4800–4600 и 4100–3600 BC (68,2%) или 4900–4500 и 4300–3500 BC (95,4%), чекалинский тип – 4500–4400 и 4350–3700 BC (68,2%) или 4800–3600 BC (95,4%).

Таким образом, сравнение диапазонов радиоуглеродных дат средневожской неолитической культуры и энеолитических комплексов лесостепной зоны Среднего Поволжья выявило период их существования, который начинается со времени появления материалов эпохи раннего металла на данной территории (5050 BC (68,2%) или 5250 BC (95,4%)) и заканчивается 3900 BC (68,2%) или 4000 BC (95,4%). Средневожские неолитические комплексы находятся на одних хронологических позициях с самарской и хвалынской культурами, воротничковой керамикой типа Лебяжинка III. Наблюдается частичное совпадение интервалов радиоуглеродных дат неолитической керамики с наиболее ранними определениями токского и чекалинского типов.

ЛИТЕРАТУРА

- Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М. 2016. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток. С. 74–96.
- Королев А.И., Шалапинин А.А. 2014. К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т. 16. № 3. С. 266–275.

Работа подготовлена в рамках проекта № 33. 1907.2017/ПЧ.

CHRONOLOGICAL CORRELATION OF THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC COMPLEXES
FROM THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

Anatoly Somov, Anton Shalapinin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Radiocarbon dates of the Neolithic and Eneolithic complexes from the territory of the forest-steppe Volga region are analyzed in the paper. As a result of the study of C14 dates, the coexistence of Neolithic Middle Volga culture and Eneolithic complexes was revealed, which begins at 5050 sun at a probability of 68.2 % or 5250 BC at a probability of 95.4 % and ends at 3900 sun (68.2 %) or 4000 BC (95.4 %). Middle Volga Neolithic culture materials are contemporaneous with the Samara and Khvalyn cultures, collar ceramics type Lebyazhinka III. There is a partial coincidence of the intervals of radiocarbon dates of Neolithic complexes with the earliest dates of the Toksky and Chekalinsky pottery types.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-84-86

КОНЦЕПЦИЯ «ПЕРЕЖИТОЧНОГО НЕОЛИТА» А.Т. СИНЮКА

В.В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза

Концепция «пережиточного неолита» Среднего Подонья была представлена А.Т. Синюком в его кандидатской диссертации [Синюк 1971] и в дальнейшем не претерпела существенных изменений [Синюк 2014]. В ее основу были положены статистико-стратиграфические наблюдения, полученные по результатам раскопок стоянки Университетская 3, где было выделено три неолитических этапа и четвертый этап «пережиточного неолита», начало которого было связано с появлением на Среднем Дону населения нижнедонской энеолитической культуры, вступившего в контакт с племенами рыбноозерской культуры [Синюк 1971: 8–16].

Вывод о неолитическом характере рыбноозерской культуры базировался на предположении о сохранении ее носителями присваивающего хозяйства, основанного на охоте, при постепенно возрастающей роли рыбной ловли. Энеолитическая принадлежность нижнедонской культуры была аргументирована наличием близких аналогий в материалах Мариупольского могильника. Кроме того, было выдвинуто предположение, что основным занятием нижнедонского населе-

ния являлось скотоводство и в определенной степени земледелие [Синюк 1971: 20].

Впоследствии концепция была дополнена положением о том, что богатейшие экологические ресурсы лесостепи способствовали установлению относительно мирных отношений, что обусловило длительный период сосуществования в регионе населения с различными хозяйственными укладами: пережиточно-неолитическим (присваивающим) и энеолитическим (производящим) [Синюк 1980: 53–72]. Кроме того, А.Т. Синюк и И.Б. Васильев изменили подход к трактовке энеолитической эпохи, сделав упор на фиксацию тех изменений в экономике и социальном устройстве общества, которые должны были сопутствовать распространению металла. Начало эпохи они увязали с «комплексом археологических признаков, которые отражают явления, связанные с использованием меди: переоценка видов труда и самих изделий, новые культурные представления и ритуалы, культурные переориентации, новые формы межплеменных и межэтнических контактов» [Васильев, Синюк 1985: 5]. Обосновывая свой тезис, они исходили из положения,

что находки металла в культурах периферийного энеолита крайне редки и поэтому необходимы дополнительные критерии [Васильев, Синюк 1985: 30].

Однако, несмотря на солидное увеличение источниковой базы, находки золотой подвески и медных бусин из Никольского могильника до сих пор остаются единственным свидетельством знакомства с металлом [Ставицкий 2013]. Под большим вопросом находится и утверждение о скотоводческой (конеvodческой по А.Т. Синюку) специализации носителей нижнедонской культуры. Серьезные сомнения также существуют в обоснованности вывода о сосуществовании разных культур, основанные на статистико-стратиграфических наблюдениях. Поскольку для дюнных стоянок с песчаным слоем залегание разнокультурных материалов в одних и тех же литологических горизонтах весь-

ма распространенное явление, которое объясняется периодической сменой населения.

Таким образом, облик нижнедонской культуры не соответствует даже тем критериям, которые предложены А.Т. Синюком. Все эти признаки проявляются только с приходом на Средний Дон среднестоговского населения. Именно в это время происходит переоценка видов труда и самих изделий, о чем свидетельствует появление вещей, имеющих престижный характер (зооморфные скипетры, изделия из металла). Новые культурные представления и ритуалы находят отражение в распространении достаточно сложных форм погребального обряда. О культурной переориентации и новых формах межэтнических контактов свидетельствует налаживание регулярных связей с источниками получения металла – культурами Балкано-Карпатского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев. 118 с.

Синюк А.Т. 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: автореф. дис. ... канд ист. наук. Воронеж. 22 с.

Синюк А.Т. 1980. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит

Восточной Европы. Куйбышев. С. 53–72.

Синюк А.Т. 2014. Избранные труды. Воронеж: ВГПУ. 752 с.

Ставицкий В.В. 2013. К вопросу о выделении нео-энеолитической эпохи в Поволжье // Археологические источники и культурогенез. СПб. С. 31–33.

THE CONCEPT OF «VESTIGIAL NEOLITHIC» OF A.T. SINUK

Vladimir Stavitskiy

Penza State University, Penza

The concept of «vestigial Neolithic» was presented by A.T. Sinuk in his thesis (1971) and did not undergo any significant changes further. It was based on statistical and stratigraphic observations on the settlement of Universitetskaya 3. Three Neolithic stages and the fourth stage of «vestigial Neolithic» were distinguished here. Its beginning was connected with the appearance of the population of the Lower Don Eneolithic culture, which came into contact with the tribes of Rybnoozerskaya culture. The conclusions were based on the assumption that the economy of Rybnoozerskaya culture was

appropriating and the economy of the Lower Don culture was producing. The possibility of their coexistence was explained by the rich ecological resources of the forest-steppe of the Don River. New materials have not confirmed with the Eneolithic nature of the Lower Don culture. The beginning of the Eneolithic in the middle Don should be associated with the Sredniy Stog culture, the population of which displaced or was assimilated. Period of coexistence of Eneolithic and Neolithic (vestigial) culture cannot be identified.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-86-87

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В.В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза

Н.Н. Гурина и М.Е. Фосс большое внимание уделяли проблемам выделения неолитических культур. По мнению Н.Н. Гуриной [1973], неолитическая культура должна соответствовать группе родственных племен, проживающих на компактной территории, говорящих на одном языке, обладающих единством происхождения. М.Е. Фосс [1952] полагала, что показателем единства подобных племен являлись орнаментальные традиции керамической посуды. Однако, по наблюдениям В.А. Шнирельмана [2002], изучившего данный вопрос на примере ряда африканских племен, ареалы керамических стилей редко совпадают с реальными этническими границами. М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров [1955] пришли к выводу, что единство материальной культуры характерно для населения историко-культурной этнографической области, которая нередко имеет этнически неоднородную структуру, не связанную единством происхождения.

Таким образом, археологические культуры это территориальные образования, представляющие собой не столько единство, сколько сходство, основанное на диахронных связях. По-видимому, каждая неолитическая культура представляет собой своеобразный сгусток первобытной непрерывности, границы которых обусловлены природно-географическими условиями. Не случайно, что ряд культур получил название по речным бассейнам (камская, верхневолжская, средневолжская, волго-окская и др.), поскольку реки способствовали укреплению связей, а водоразделы их затрудняли. Не менее важную роль играли ландшафтные зоны, неолитическое население которых имело разную специализацию, что также осложняло контакты. При отсутствии резко очерченных природно-географических границ наблюдается сходство материальной культуры

сопредельных групп населения. Наглядный пример тому памятники верхневолжской и камской культур. Насколько подобное разделение памятников объективно – это достаточно сложный вопрос. Если бы верхневолжские памятники изучались не Д.А. Крайновым, а О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым, то они могли бы их отнести к камской культуре. Там где границы между ландшафтными зонами более четкие, исследователями обычно фиксируются контактные территории, своеобразии которых порой становится поводом для выделения новых культур.

Таким образом, если археологические культуры не являются отражением племенной структуры неолитического общества, а является отражением состояния первобытной непрерывности, тогда возникает необходимость в изменении методики их выделения. Необходимо фиксировать не культуры с четко очерченными границами, а ареалы керамических стилей. Соответственно следует выделять не дубово-отарскую культуру, а культуру плоскодонной накольчатой керамики Среднего Поволжья. Место карамышевской культуры, видимо, должна занять культура гребенчато-накольчатой керамики Верхнего Подонья. Памятники камской и верхневолжской культур следует рассматривать в рамках культуры гребенчатой керамики Волго-Камья. Верхневолжские поселения с накольчатой керамикой уже выделены Ю.Б. Цетлиным [Цетлин 2008: 48–55] в волго-окскую культуру.

Анализ материалов под данным углом зрения позволит перейти от изучения искусственных конструкций, которыми является ряд археологических культур, к выявлению границ реальных первобытных образований и их локальных вариантов [Ставицкий 2016; 2017].

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. 1973. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА. № 172. С. 7–24.
Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4. С. 3–17.
Ставицкий В.В. 2016. К вопросу о выделении локальных вариантов елшанской культуры // Самарский научный вестник. № 4 (17). С. 74–77.
Ставицкий В.В. 2017. О культурных границах елшанской керамической традиции // Самарский научный

вестник. Т. 6. № 3 (20). С. 100–104.
Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. № 29. 280 с.
Цетлин Ю.Б. 2008. Неолит центра Русской Равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула. 352 с.
Шнирельман В.А. 2002. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов) // Этнографо-археологические комплексы. Новосибирск. С. 19–38.

NEOLITHIC CULTURE CONCEPT'S CONTENT

Vladimir Stavitsky

Penza State University, Penza

According to N. N. Gurina, the Neolithic culture had to correspond to a group of related tribes living in a compact territory, speaking the same language, having the unity of origin. M.E. Foss believed that ornamental traditions were an indicator of the unity of these tribes. However, according to the observations of the African tribes' ceramic traditions, which were made by Shnirelman, the areas of ceramic styles rarely coincide with the ethnic boundaries. According to ethnographers, archaeological culture corresponds to the historical and cultural area, which often has an ethnically heterogeneous structure and is not connected by the unity of origin. Archaeological cultures are

territorial formations, the similarity of which is based on diachronic connections. Each Neolithic culture is a clot of primitive continuity, the boundaries of which are outlined by natural and geographical conditions. Therefore, it is necessary to fix not cultures, but areas of ceramic styles. Accordingly, we should not identify culture of flat-bottomed stroke-ornamented pottery of the Upper Volga region. The culture of the comb-stroke ornamented ceramics of the Upper Don must take place of Karamyshevskaya culture. In this view of the problem it will enable to pass from the study of artificial structures to identify the boundaries of the real primitive communities.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-87-89

СРЕДНЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

А.В. Сурков

ООО «Центр охранных археологических исследований», Воронеж

Среднедонская культура была выделена А.Т. Синюком на рубеже 60–70-х гг. XX века по материалам преимущественно нижневоронежских стоянок, а после масштабных раскопок неолитических памятников по р. Битюг и р. Тихая Сосна в первой половине 80-х гг. скорректирована ее периодизация и само материальное содержание [Синюк 1986].

Выделенная по материалам преимущественно стоянки Университетская 3, среднедонская культура была охарактеризована А.Т. Синюком как сочетание накольчатой керамики с пластинчатым каменным инвентарем, что впоследствии было подтверждено на более ранних памятниках культуры.

В ходе исследований последних лет удалось обнаружить ранние материалы памятников в бассейне р. Воронеж (карамышевская культура), выделить раннеолитические комплексы в Похоперье (Плутино 1, 2, 4) и в низовьях р. Битюг (Черкасская 5), получены абсолютные датировки.

Исходя из имеющихся абсолютных датировок (в калиброванных величинах) время бытования среднедонских памятников укладывается в широкий хронологический диапазон от рубежа VII–VI тыс. до н.э. до первой четверти IV тыс. до н.э. (рис. 1) [Скоробогатов

и др. 2016]. Наиболее ранние памятники культуры обнаружены в среднем Побитюжье (Монастырская 1 и Щучье 2). Керамика указанных памятников практически по всей поверхности орнаментировалась наколами различной формы.

Раннее появление такой керамики справедливо ставится под сомнение, ведь на сопредельных территориях Доно-Волжского бассейна в неолитической посуде прослежена тенденция развития от неорнаментированных и слабоорнаментированных сосудов к орнаментированной по всей поверхности.

Вместе с тем, отрицать ранний возраст среднедонской посуды нет достаточных оснований, остается только искать различные «центры неолитизации», культура которых напрямую проникла на территорию Среднего Дона (в качестве одного из таких центров чаще всего упоминают Западный Прикаспий и Приаралье). Вариант опосредованной передачи отдельных навыков изготовления посуды пока не имеет доказательств.

Обнаруженные более ранние материалы на стоянке Черкасская 5 трудно связать со среднедонской культурой, вопрос об их культурном статусе и их роли в неолитизации региона остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Синюк А.Т. 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж. 181 с.
- Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В., Сурков А.В., Ойнонен М., Поснерт Г. 2016. Хронология неолитических памятников лесостепного Дона / Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 244–260.

MIDDLE DON CULTURE: VECTORS OF THE EVOLUTION

Alexey Surkov

Center for Security archaeological research, Voronezh

Middle Don culture was distinguished by A.T. Sinyuk at the turn of the 1960-1970s, based mainly on the materials of lower Voronezh River sites. After large-scale excavations of Neolithic sites along the rivers Bitug and Tikhaya Sosna in the first half of the 1980s its periodization and typology of materials were corrected.

During the research of recent years, the early materials of the sites in the Voronezh basin (Karamyshevskaya culture), the Early Neolithic complexes in the Hoper River (Plautino 1, 2, 4) and in

the lower reach of the Bitug River (Cherkasskaya 5) were distinguished. Absolute dating were obtained.

At the same time, for the most part of the forest-steppe Don territory an approach of A.T. Sinyuk to the periodization of the Middle Don culture remains unchanged, and the correction of chronology is carried out only within the framework of general trends. Interesting that to the sites on the Voronezh River were included into the zone of distribution of the Middle Don culture at the second stage of the evolution of the local Karamyshevo culture.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-89-91

КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ: ЭПОХА КАМНЯ ИЛИ БРОНЗЫ?

Е.С. Ткач

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Изучение материалов культур шнуровой керамики (далее – КШК) было начато в 1870-х годах XIX века О. Тишлером на территории северо-восточной Пруссии. Сама культура была выделена немецким археологом А. Гётце в 1891 году (диссертация по преистории Германии «О формах горшков и орнаментации шнуровой керамики») [Götze 1891]. С начала XX века происходит выделение сразу нескольких культур в Центральной, Северной и Восточной Европе, которые исследователи связывают с КШК: фатьяновской, Злата, одиночных погребений. На данный момент выделено более 20 культур и их вариантов, которые относятся к КШК.

В большинстве случаев, отнесение КШК к эпохе бронзы основывается на наличии или отсутствии металлических изделий. Этот признак положен в основу описания КШК Европы (в том числе, в данной работе).

Фатьяновская культура (выделена В.А. Городцовым) была отнесена к эпохе бронзы. Автор

датировал ее II тыс. до н.э. [Городцов 1916]. Аналогичные выводы были сделаны для материалов среднеднепровской культуры [там же].

На территории Центральной Европы, в частности, Германии, для материалов КШК М. Мальмером была выделена отдельная эпоха, которую он назвал «молодым неолитом», поместив ее после позднего неолита и перед ранним бронзовым веком [Malmer 1962]. Среди материалов были металлические изделия, в связи с чем он не мог отнести культуру к позднему неолиту. С другой стороны, такие артефакты представляли собой единичные находки, поэтому отнесение к эпохе бронзы, по его мнению, было также ошибочно. Схожая картина также наблюдается в Скандинавии, где была распространена культура одиночных погребений.

Для территории Прибалтики материалы КШК ассоциируются с приморской (жуцевской) культурой [Machnik 1966]. Металлические изделия, которые могут быть точно соотнесены с КШК, не

Табл. 1. Абсолютные датировки культур шнуровой керамики [Furholt 2003 с дополнениями].

Культуры шнуровой керамики	Абсолютная датировка (cal BC)
КШК Голландии и Северной Германии	3360 – 2200
КШК на территории Центральной и Восточной Германии	3300 – 1900
КШК Швеции	3350 – 2020
КШК Прибалтики	3200 – 1800
КШК на территории Малой Польши	3090 – 2200
КШК Куявии	3090 – 2020
КШК Дании	2920 – 2020
КШК Финляндии	2900 – 2000
КШК Швейцарии	2800 – 2420
Культура Злота	2900 – 2600
КШК Южной Германии	2880 – 1740
КШК Эстонии	2800 – 2000
Среднеднепровская культура	2720 – 1800
КШК в Верхнем Подвинье	2600 – 1800
Фатьяновская культура	2600/2500 – 1600
Городокско-Здолбицкая культура	2400 – 1600
КШК Понеманья	2300 – 1700

обнаружены. Для шнуровых материалов Понеманья в Белоруссии известно одно медное шило, которое, возможно, связано с материальными остатками деятельности населения КШК [Лакіза 2008].

Для КШК Финляндии и Эстонии металлических изделий не выявлено [Kriiska 2000; Nordqvist, Näkälä 2014]. В регионе Верхнего Подвинья в культурных слоях памятников северо-белорусской культуры КШК обнаружен обломок изогнутого четырехгранного шила (слой А поселения Усвяты IV) [Микляев 1969: 30]. На местонахождении Белая Струга в Палкинском районе Псковской области, среди прочих изделий мезолита–неолита, также обнаружено медное шило, которое, предположительно, может быть связано с КШК.

Иная картина наблюдается для памятников южной части Восточной Европы: подкарпатская, городокско-здолбицкая культуры [Свешніков 1971]. Исследователи относят их к «постшнуровым» культурам. Начиная со второй половины III тыс. до н.э. на данных памятниках получают распространение медные изделия (кольца, гривны, серьги). Позднее появляются бронзовые топоры.

При сопоставлении хронологических диапазонов существования указанных выше культур можно отметить, что они не являются синхронными. Возникнув на рубеже IV–III тыс. до н.э., КШК развивались независимо друг от друга в различных

частях Европы. Наличие медных, а позднее бронзовых изделий на юге Восточной Европы можно объяснить близостью к источникам сырья и культуре, которую можно с уверенностью относить к бронзовому веку – ямной. Аналогичная картина прослеживается для среднеднепровской и фатьяновской культур. Однако следует отметить, что для фатьяновских материалов нередко встречаются бронзовые формы для изготовления бронзовых изделий на позднем этапе развития культуры. С другой стороны, при изучении материалов КШК «предфатьяновского» времени металлических изделий обнаружено не было [Кренке и др. 2013]. Для раннего этапа развития среднеднепровской культуры также не фиксируются медные изделия [Kryvaltsevich, Kalechyts 2000].

Обнаружение медных и бронзовых артефактов среди КШК Центральной и Северной Европы может быть результатом обменных отношений в позднем неолите и интерпретироваться в качестве «элитных» изделий.

Таким образом, на основании существующих материальных свидетельств наличия или отсутствия металлических изделий на памятниках КШК, а также с учетом абсолютных датировок (табл. 1), можно заключить, что культуры шнуровой керамики возникли в позднем неолите. Во многих регионах они продолжали существовать в течение

раннего бронзового века. Это, в первую очередь, фатьяновская и среднеднепровская культуры. По всей видимости, начало бронзового века также

связано с КШК на территории Верхнего Подвинья, Прибалтики, Германии и юга Восточной Европы.

Работа выполнена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0002.

ЛИТЕРАТУРА

- Городцов В.А. 1916. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет императорского Российского Исторического музея имп. Александра III в Москве за 1914 г. М.
- Кренке А.П., Ершов И.Н., Лазукин В.А., Войцик А.А., Раева В.А., Рожанская Н.И. 2013. Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 9. М. С. 14–29.
- Лакіза В.Л. 2008. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мінск: Беларуская навука. 343 с.
- Микляев А.М. 1969. Памятники Усвятского микрорегиона. Псковская область // Археологический сборник. Л. Вып. 11. С. 18–40.
- Свешніков І.К. 1974. Історія населення Предкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ: Наукова Думка. 207 с.
- Furholt M. 2003. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südkandinavien // UPA. Band 101. Bonn. 261 s.
- Kriiska A. 2000. Corded Ware Culture sites in North-Eastern Estonia // L. Jaanits, V. Lang (eds.). De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits (Muinasaja teadus, 8). Tallinn. P. 59–79.
- Kryvaltsevich M., Kalechyts A. 2000. Some «A-Horizon» components of the early Corded Ware Cultures in Western Belarus // Lietuvos Archeologija. Vol. 19. Vilnius. P. 167–174.
- Machnik J. 1966. Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Małopolsce. Wrocław–Warszawa–Kraków: Inst. Historii kultury materialnej Polskiej akad. nauk. 266 s.
- Malmer M.P. 1962. Jungneolithische Studien. Mit Beiträgen von U. Mohl u.a. (= Acta Archaeologica Lundensia, Ser. in 8, No. 2). Bonn: Lund, Gleerup / Rudolf Habelt. 959 s.
- Nordqvist K., Häkälä P. 2014. Distribution of Corded Ware in the Areas North of the Gulf of Finland – an Update // Estonian Journal of Archaeology. № 18. P. 3–29.

CORDED WARE CULTURE: STONE OR BRONZE AGE?

Evgeniia Tkach

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg

The paper discusses Corded Ware cultures from the territory of Northern, Central, Eastern Europe and the Baltic Coast. The presence of metal products was regarded as a basis of definition of the Bronze Age was taken the presence of metal products. They were found among the materials of Middle-Dnieper and Fatyanovo cultures during the middle – late periods of their existence, and also among the materials of Gorodoksko-Zdolbitckaya culture. The appearance of metal products on the territory of Central and Eastern Europe could be explained by trading connections and these materials could be interpreted as «elite» goods.

Based on the material evidence of the presence or absence of metal products and taking into account C14 dates we could conclude that Corded Ware cultures appeared during the Late Neolithic. In the most regions they continued to exist until the Early Bronze Age. Firstly, there are Middle-Dnieper and Fatyanovo cultures. Apparently early phases of Bronze Age also connected with Corded Ware cultures on the territory of Upper Dvina, Baltic Coast, Germany and the south part of the Eastern Europe.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-91-93

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЁМАНСКОЙ КЕРАМИКИ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ПОГОСТ-ЗАГОРОДСКОГО МИКРОРЕГИОНА

О.Ю. Ткачев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Долгое время исследователи рассматривали развитие нёманской керамики как последовательное развитие трех типов: Дубичай→Лысая Гора→Добрый Бор. Для территории Западного Полесья В.Ф. Исаенко выделял еще один этап – более ранний, который предшествовал дубичайскому и не встречается в бассейне Нёмана. Среди особенностей, которые характерны для западнополесского варианта, В.Ф. Исаенко выделяет: наличие в формовочном тесте примеси толченых раковин [Исаенко 1976: 42, 65, 76], присутствие сосудов с плоским дном [Исаенко 1976: 65, 76, рис. 42], наличие мискообразных сосудов или сосудов объемом до 0,5 л [Исаенко 1976: 76].

Данные выводы были сформированы в 70-е гг. XX в. В дальнейшем на территории Западного Полесья происходило только накопление археологического материала. Большинство исследователей полученные материалы механически вписывали в существующую модель развития керамики в регионе. Однако никто не отмечал наличие в регионе тех специфических черт, которые были выделены В.Ф. Исаенко. Единственный момент, на который исследователи обращали внимание, – на территории Западного Полесья практически не встречается керамика типа Лысая Гора [Калечиц 2002: 128; Калечиц, Обуховский 2004: 49; Ткачоў 2015: 158].

Исследования последних лет и пересмотр старых материалов позволяют говорить, что развитие нёманской керамики на территории Западного Полесья хоть и шло в общем русле неолитических традиций Западной Беларуси, но действительно имело свои особенности. Рассмотрим это на примере памятника Камень 8.

Многокультурный памятник Камень 8 выявлен в 1977 году. Исследовался В.Ф. Исаенко в 1977 и 1978 годах на площади 408 кв.м. Керамический материал, который связывается с культурами лесной зоны неолитического времени, представлен 217 фрагментами сосудов, хранящиеся в фондах Института истории НАН Беларуси.

Керамика с памятника Камень 8 имеет 11 рецептов формовочных масс. Из них:

- несмешанные двухкомпонентные
- вид 1 – Г+О – 66 фр. – 30%
- вид 2 – Г+П – 19 фр. – 8,5%
- вид 3 – Г+Д – 58 фр. – 27%
- вид 4 – Г+Ш – 5 фр. – 2,5%
- смешанные трехкомпонентные
- вид 5 – Г+О+П – 29 фр. – 13%
- вид 6 – Г+О+Д – 13 фр. – 6%
- вид 7 – Г+О+Ш – 16 фр. – 7,5%
- вид 8 – Г+П+Д – 8 фр. – 4%
- смешанные четырехкомпонентные
- вид 9 – Г+О+П+Ш – 1 фр. – 0,5%
- вид 10 – Г+К+Д+Ш – 1 фр. – 0,5%
- вид 11 – Г+П+Д+Ш – 1 фр. – 0,5%

Тип Дубичай представлен 97 фр., тип Лысая Гора – 10 фр.; тип Добрый Бор – 110 фр.

В качестве примеси органика присутствует во всех рецептурных массах дубичайской керамики. Для типа Лысая Гора наличие органической примеси отмечено только в смешанных трехкомпонентных формовочных массах, и составляет половину от всех фрагментов данного типа. В керамике типа Добрый Бор органическая примесь присутствует в 32 фрагментах (в смешанных трехкомпонентных и одном четырехкомпонентном рецепте), что составляет почти треть от общего количества данного типа.

Малое количество керамики типа Лысая Гора и наличие большого процента керамики типа Добрый Бор с органической примесью в формовочном тесте может свидетельствовать в пользу гипотезы, что комплексы с керамикой типа Лысая Гора являются территориальной группой раннего этапа нёманской керамики [Józwiak 2003: 72]. В то же время, к этому можно подходить как к двум локальным вариантам нёманской культуры на западе Беларуси – северо-восточному с преобладанием памятников типа Лысая Гора и юго-западному с наибольшим распространением памятников типа Добрый Бор [Чернявский 1971: 8].

ЛИТЕРАТУРА

Исаенко В.Ф. 1976. Неолит Припятского Полесья. Мн.: Наука и техника. 128 с.
Калечиц Е.Г., Обуховский В.С. 2004. Этапы заселения

Мотольского микрорегиона в каменном и бронзовом веках: по материалам поселения Мотоль-17 // Lietuvos archeologija. T. 25. P. 45–78.

Калечыц А.Г. 2002. Што паказалі археалагічныя досьледы на Заходнім Палессі (па матэрыялах Мотальскага мікрарэгіёна) // *Badania archeologiczne w Polsce północno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000-2001. Materiały z konferencji, Białystok 6–7 grudnia 2001 roku. Białystok. S. 123–133.*

Ткачоў А. 2015. Кераміка ляснога неаліту з тэрыторыі Беларускага Пабужжа // *Супольнасці каменнага і брон-*

завага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: Зборнік навуковых артыкулаў памяці Міхала Чарняўскага. Мн.: А.М. Янушкевіч. С. 143–164.

Чэрняўскі М.М. 1971. Неолит северо-западной Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн.

Жозвіак В. 2003. Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niżu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły. Poznań. 438 s.

THE MAIN FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF NIOMAN CERAMICS
OF THE WESTERN PALESSIE: THE EXAMPLE OF SETTLEMENTS
OF THE PAHOST-ZAHARODSKI MICROREGION

Aleh Tkachou

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

For a long time, researchers considered the development of Nioman ceramics as a consistent development of three types: Dubičiai → Lysaja Hara → Dobry Bor. For the territory of Western Palessie U.F. Isaenka singled out another stage – an earlier one. Most of the researchers obtained materials mechanically into the existing model. Studies of last years and the revision of old materials suggest that the development of Nioman ceramics in the territory of Western Palessie had its own characteristics.

A small percentage of Lysaja Hara ceramics and a large percentage of Dobry Bor ceramics with an organic temper can confirm the hypothesis that complexes with Lysaja Hara ceramics can be a territorial group of the early stage of Nioman culture.

In addition, this may indicate the existence in the west of Belarus of two local regions of Nioman culture – the northeastern one with a predominance of settlements such as Lysaja Hara and the southwest one with a predominance of settlements like Dobry Bor.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-93-95

КЕРАМИКА С ПРИМЕСЬЮ АСБЕСТА: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА

М.А. Холкина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского,
Санкт-Петербург*

Асбест – один из немногих видов примесей в древней керамике, для которого достоверно известны случаи импорта. Современные естественнонаучные анализы позволяют наметить пути перемещения асбеста – и, следовательно, расширить наше понимание механизмов импортов и контактов, а также роли традиции в керамической технологии, путей ее распространения, трансформации и постепенного размывания.

Первые исследования связаны с работами финских археологов начала XX в. В обобщающем труде К. Карпелана учтено не менее десяти типов асбестовой керамики, бытовавших от раннего неолита до эпохи раннего металла [Carpelan 1979]. В работах М. Лавенто и С. Хорнитского 1980–90-х гг. разработана методика подготовки и отчистки образцов и их последующего анализа [Lavento, Hornytzkyj 1996].

На территории Карелии и Карельского перешейка керамика с примесью асбеста изучалась А.Я. Брюсовым, Н.Н. Гуриной, Г.А. Панкрушевым. А.М. Жульниковым обобщены материалы чистых и замкнутых (жилищных) комплексов на территории Карелии и систематизированы имеющиеся данные о типологии и хронологии асбестовой керамики Карелии [Жульников 1999].

Для Ленинградской области М.А. Кульковой проведено анализ фрагментов керамики и образцов сырья с памятников в районе оз. Отрадное, Охта-1 и Подолье-1. По итогам исследования сделан вывод, что «асбест привезен из разных регионов Карелии и Финляндии» [Кулькова, Гусенцова 2012] и помимо асбеста как сырья импортировались также, вероятно, и целые сосуды.

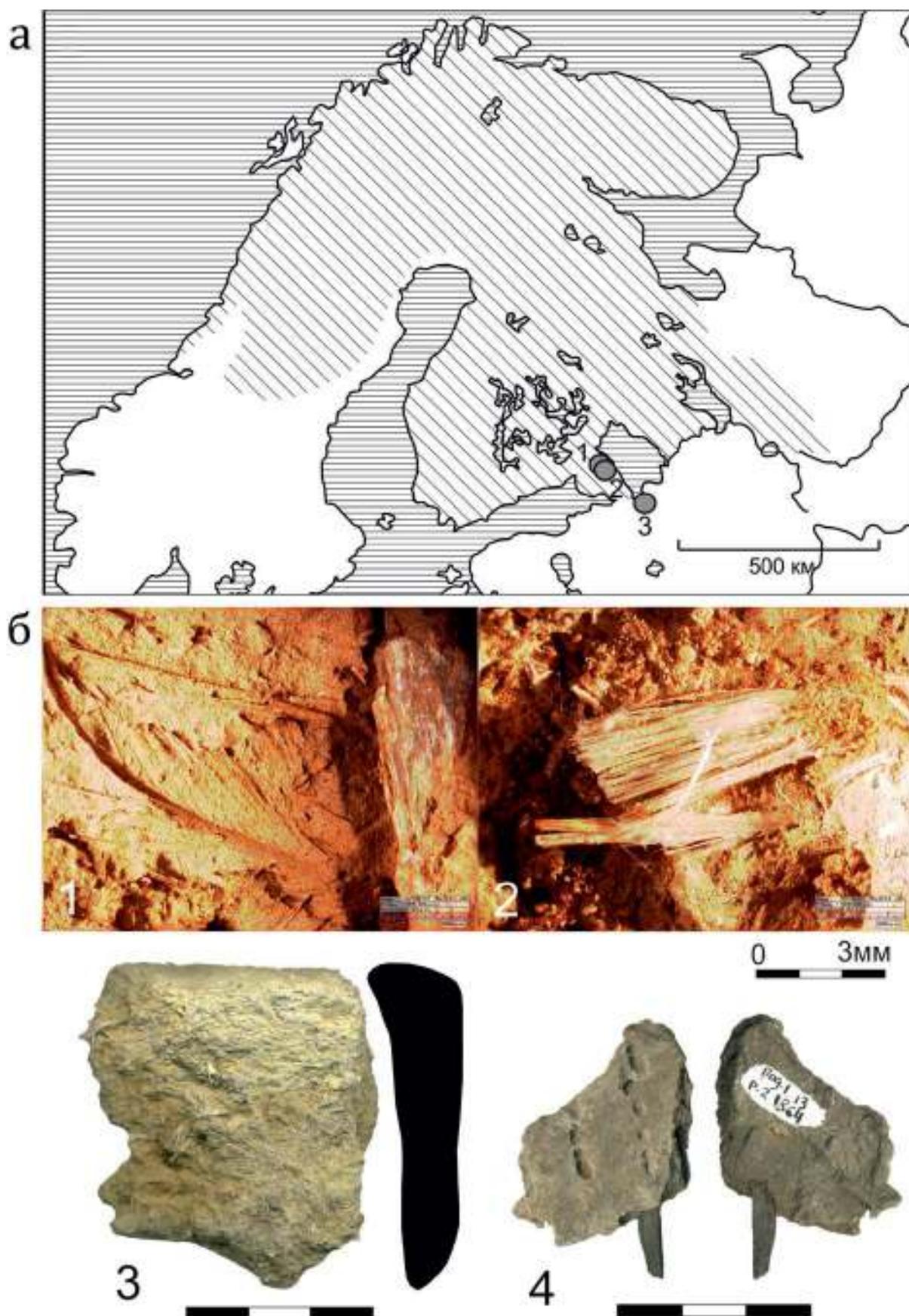

Рис. 1. Асбестовая керамика. а – ареал и упомянутые памятники: 1 – Новоселки-5, 2 – Комсомольское-3, 3 – Подолье-1 (по: Jørgensen, Olsen 1988: 4, fig. 1; Ошибкина 1966; Недомолкина 2007; Жульников 1999; 2005); б – фрагменты керамики: 1 – примесь асбеста и пера в керамике с памятника Новоселки-5, 2 – примесь асбеста в керамике с памятника Комсомольское-3 (микрофотографии выполнены в ресурсном центре СПбГУ «Геомодель»), 3 – фрагмент керамики с примесью асбеста с памятника Комсомольское-3, 4 – фрагмент керамики с крупным включением асбеста с памятника Подолье-1.

В Швеции и Норвегии выделены те же типы керамики, что и в северной Финляндии, но сама традиция здесь появляется лишь в конце неолита, сохраняясь при этом до IV–V вв. н.э. [Carpelan 1979]. На основании петрографического анализа керамика Швеции делится на «керамику с асбестом» (Asbestos pottery), в которой доля минерала составляет 50–60%, и «асбестовую керамику» (Asbestos Ware), где процент достигает 90 [Hulthen 1991]. В основу типологии керамики Кольского полуострова в настоящее время чаще всего берутся разработки, созданные для Ка-

релии, Финляндии и Северной Норвегии [Мурашкин, Карпелан 2013: 200].

Самая восточная группа памятников с асбестовой керамикой находится на территории Вологодской и на юго-западе Архангельской области. Это так называемые «памятники типа Модлона». Керамика этих памятников напоминает волосовскую керамику верхнего Поволжья, а примесь асбеста связывается здесь с контактами с территорией Карелии и Финляндии [Ошибкина 1966].

Работа М.А. Холкиной по картографированию границ распространения асбестовой керамики на территории Ленинградской области выполнена при поддержке РНФ, проект № 17-77-20041.

ЛИТЕРАТУРА

Жульников А.М. 1999. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. 187 с.
Жульников А.М. 2005. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет. 310 с.
Кулькова М.А., Гусенцова Т.М. 2012. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита – раннего металла на поселении Охта-1 в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб: изд. Лема. С. 200–206.
Недомолкина Н.Г. 2007. Неолит Верхней Сухоны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 23 с.
Мурашкин А.И., Карпелан К. 2013. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конфе-

ренции. СПб. С. 200–207.
Ошибкина С.В. 1966. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА. 4. С. 27–37.
Carpelan C. 1979. Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt. Museum. 85. Helsinki. P. 5–25.
Hulthen B. 1991. On Ceramic Ware in Northern Scandinavia During the Neolithic, Bronze and Early Iron Age. Archaeology and Environment 8. Umeå University: Department of Archaeology.
Jørgensen R., Olsen B. 1988. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge. 2100 f. Kr. – 100 e. Kr. // Tromsø Kulturhistorie, 13. Tromsø: Universitetet i Tromsø. 90 p.
Lavento M., Hornytzkij S. 1996. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia // Pithouses and potmakers in Eastern Finland: Reports of the Ancient Lake Saimaa Project // HPIA. 9. Helsinki. P. 41–70.

ASBESTOS-TEMPERED CERAMICS: SOURCES AND PROBLEMS

Margarita Kholkina

*Saint Petersburg State University,
A.P. Karpinsky Russian Geological Research Institute, Saint-Petersburg*

In ancient times asbestos as a temper in ceramics was imported hundreds of kilometers away. This gives us a unique opportunity to study cultural contacts among distant areas. In a hundred of years of study archaeologists of Finland, Sweden, Norway and northwestern regions of Russia worked out several detailed typological and chronological schemes for asbestos-tempered ceramics. Several research projects were also carried out to study the type of asbestos used

in different areas. Although the correlation between the distribution of asbestos deposits and the distribution of asbestos-tempered pottery in different periods of the past is still poorly studied and the conclusions are mostly relative. Asbestos-tempered pottery seems to be a unique phenomenon to study the cultural contacts according to the cases of import. Besides, such a rare case of imported temper may tell much about the role of tradition in ancient pottery manufacturing.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-95-97

РИЙГИКЮЛА I (ЭСТОНИЯ), ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ 65 ЛЕТ СПУСТЯ

И.Ю. Хрусталева*, А. Крийска**, М.А. Холкина***

* *Тартуский университет, Тарту, Эстония; Государственный Эрмитаж*

** *Тартуский университет, Тарту, Эстония*

*** *Санкт-Петербургский государственный университет*

В ходе работ Нарвской археологической экспедиции ЛОИИМК на левом берегу р. Нарвы в 7 км к северо-западу от г. Нарвы (Эстония), на территории бывшей деревни Рийгикюла были открыты три памятника каменного века [Гурина 1967]. Наибольший интерес представляет Рийгикюла I (Нарва I или Нарва-Рийгикюла I) с сохранившимися поселенческими объектами и захоронениями (рис. 1: а). Раскопки на нем Нина Николаевна Гурина проводила в 1951–1953 гг. [Гурина 1951; 1952; 1953]. В ходе работ было вскрыто 388 кв. м, мощность культурного слоя в среднем достигала 0,8 м. На площади поселения были открыты остатки двух углубленных жилищ (рис. 1: б), несколько очагов, а также два целых человеческих скелета и отдельные кости еще как минимум трех индивидов. Коллекция находок включала почти 13 тыс. единиц, представленных обломками глиняных сосудов, изделиями и отходами производства из кремня, кварца, кости, рога и пр. Н.Н. Гурина отметила, что все попытки выявить особенности вертикального распределения разных типов керамики на поселении не дали положительных результатов по причине: 1) многократного нарушения культурного слоя в результате сооружения жилых и хозяйственных конструкций и погребений в разные периоды или 2) из-за отсутствия заметного хронологического разрыва между этапами заселения этого места, связанными с разными типами керамики [Гурина 1967: 174].

Первоначально памятник был интерпретирован как долговременное поселение [Гурина 1955: 169], на котором можно проследить постепенную смену культур при переходе от неолита к эпохе бронзы [Гурина 1951: 36; Гурина 1955: 153]. Автором раскопок был сделан только один общий план поселения на уровне материкового песка, на который были наложены все объекты и находки культурного слоя, несмотря на его значительную мощность (рис. 1: г). Высотные отметки на плане, как и на стратиграфических разрезах, отсутствуют.

Со временем, при уточнении хронологии и культурной принадлежности материалов памятника, все яснее становилось, что это место не являлось единым поселением, существовавшим здесь на протя-

жении тысячелетия, а посещалось людьми в разные периоды каменного и бронзового веков для разных целей. Поэтому главной задачей для нас является выяснение стратиграфического распределения и относительной хронологии объектов культурного слоя, а также определение их абсолютного возраста с помощью AMS-датирования контекстных костяных или роговых находок. Основу методики в этом случае представляет трехмерное моделирование распределения объектов, основанное на сведениях всех стратиграфических разрезов с планом и фотографиями раскопа. Это позволит выделить в толще культурного слоя разновременные уровни, а также дополнить чертежи некоторыми не отмеченными на плане или не замеченными во время раскопок (например, возможное жилище № 3 [Kriiska 2002]) объектами и связать с объектами предметы с четкой культурной атрибуцией и датированными костями животных или костяными изделиями.

На настоящем этапе исследований культурный слой можно разделить на два пласта (верхний и нижний). Сама Н.Н. Гурина в полевом отчете указывала, что прослойка раковин в середине толщи культурного слоя являлась границей между более светлой верхней и более темной нижней его частями [Гурина 1951: 28], но это никак не отразилось ни на чертежах, ни на подписях к находкам. Мы можем выделить как минимум 3 уровня залегания разновременных объектов. К нижнему отделу культурного слоя относятся остатки жилищ с развалами сосудов гребенчатой керамики на уровне пола, к среднему отделу культурного слоя (под прослойками ракушняка) относятся захоронения, датированные (AMS, человеческие кости) бронзовым веком [Tõrv 2014; Tõrv, Meadows 2015], и очаги. В верхнем отделе культурного слоя (под насыпным грунтом) тоже выявлены очаги. Но первоначальный уровень поверхности, с которого были впущены постройки и погребения, еще не установлен.

Что касается культурной принадлежности находок, то на данный момент четко можно типологически разделить лишь фрагменты глиняных сосудов, в отличие от каменных или костяных изделий, которые в массе своей однотипны. В коллекции в МАЭ РАН (№ 6719) присутствуют фрагменты глиняных сосудов

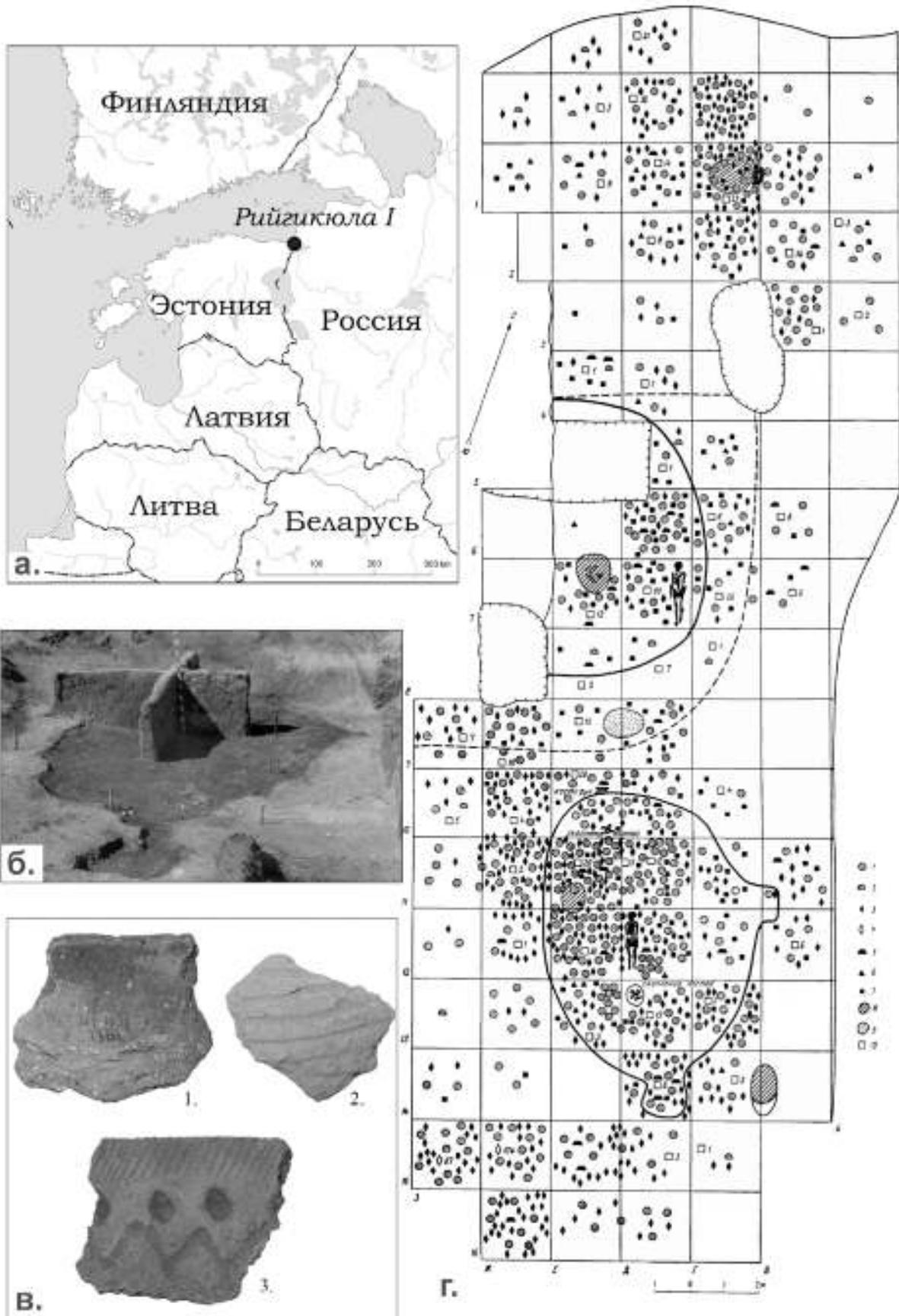

Рис. 1. Рийгикюла I: а – карта с указанием расположения памятника; б – постройка № 2, вид с юго-востока [Гурина 1955: табл. XXXVII]; в – фрагменты глиняных сосудов, найденных на поселении: 1 – нарвская культура, 2 – культура шнуровой керамики, 3 – культура ямочно-гребенчатой керамики; г – сводный план поселения: 1 – 20 обломков керамики, 2 – 10 обломков керамики, 3 – кремневые орудия и отщепы, 4 – количество кремневых отщепов в скоплении, 5 – кварцевые орудия, 6 – роговые орудия, 7 – кость со следами обработки, 8 – очажные пятна, 9 – яма с ракушняком, 10 – количество костей со следами обработки [Гурина 1952: 25].

нарвской (рис. 1: в, 1), типичной (рис. 1: в, 3) и поздней гребенчато-ямочной и шнуровой культур (рис. 1: в, 2), есть крупные развалы горшков. Однако сложно соотнести находки с объектами культурного слоя, в

силу того, что информации об их планиграфическом залегании весьма ограничена, а о высотном и вообще практически отсутствует (за редким исключением).

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. 1951. Отчет о работе Нарвской археологической экспедиции и карельского отряда торфяниковой экспедиции за 1951 г. Архив ИА РАН. Р. 1, д. 577. 57 л.
Гурина Н.Н. 1952. Отчет о работе Нарвской экспедиции 1952 г. Архив ИА РАН. Р. 1, д. 719. 72 л.
Гурина Н.Н. 1953. Отчет о полевых археологических работах в 1953 г. в Карело-Финской ССР, Ленинградской области и Эстонской ССР. Архив ИА РАН. Р. 1, д. 796. 35 л.
Гурина Н.Н. 1955. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии // Древние поселения и городища. Таллин. С. 153–175.
Гурина Н.Н. 1967. Из истории древних племен западных

областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции) // МИА. № 144. Л.: Наука. 212 с.
Kriiska A. 2002. Dwelling remains from Stone Age occupation sites in Estonia // H. Ranta (ed.). Huts and houses. Stone Age and Early Metal buildings in Finland. Helsinki: National Board of Antiquities. P. 235–239.
Tõrv M. 2014. Negative results and their contribution to the study of Estonian Prehistory // Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie. Jahresbericht. P. 58–59.
Tõrv M., Meadows J. 2015. Radiocarbon dates and stable isotope data from the Early Bronze Age burials in Riigiküla I and Kivisaare settlement sites, Estonia // Radiocarbon, 57 (4). P. 645–656. DOI: 10.2458/azu_rc.57.18459.

RIIGIKÜLA I (ESTONIA), REVISION OF THE MATERIALS OF THE NEOLITHIC SETTLEMENT SITE 65 YEARS LATER

Irina Khrustaleva*, Aivar Kriiska**, Margarita Kholkina***

* University of Tartu, Tartu, Estonia; The State Hermitage museum, Saint-Petersburg

** University of Tartu, Tartu, Estonia

*** Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Riigiküla I (Narva I) site is situated about 7 km northwest of the town of Narva on the left bank of the Narva River (Estonia). It was excavated by Nina N. Gurina between 1951 and 1953. The occupation layer contains the remains of habitation and burial structures with about 13 thousands finds including potsherds, tools and residuals of quartz, flint, bone and antler, etc. N.N. Gurina supposed that it was a long-term settlement site and all the finds and objects were drawn on one general plan.

Our main goal is to reconstruct the vertical distribution of the archaeological objects and to

determine their relative and absolute chronology (AMS dating of bones or antlers).

The occupation layer can evidently be divided into two parts (upper and lower). It contains at least three levels of asynchronous objects. There are remains of pit-houses with Comb Ware pottery in the bottom of the occupation layer, human burials (Bronze Age based on the AMS dating) as well as some fireplaces in the middle and fireplaces on the top. But their initial surface level is not yet established and the main difficulty is determining the correlation between the finds and the objects in the occupation layer due the lack of information regarding their spatial positions.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-97-100

НАЧАЛО НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ: КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ?

Н.А. Цветкова

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Процесс перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге воспринимается исследователями как единый непрерывный процесс. Согласно Д.А. Крайнову,

суть его заключается в трансформации бутовской мезолитической культуры (далее АК) в ранне-неолитическую верхневолжскую с участием пришлого

населения, владевшего навыками изготовления глиняной посуды. Верхневолжская АК прошла в своем развитии три последовательных этапа, в результате чего произошли кардинальные изменения в керамике, каменной и костяной индустриях. Ее развитие было прервано появлением в регионе носителей традиций льяловской АК.

Изучение технологии изготовления керамики раннего неолита выявило культурную неоднородность керамического комплекса верхневолжской АК. По его результатам был выделен «доверхневолжский» культурный хронопласт, получивший наименование волго-окской АК согласно Ю.Б. Цетлину. Несмотря на то, что концепция волго-окской культуры до сих пор подвергается серьезной критике, вопрос о неолитизации Верхневолжского региона встает по-новому, поскольку вывод о культурной преемственности верхневолжской АК от бутовской основан на весьма поверхностном изучении каменного и костяного инвентаря без привлечения данных сравнительно-типологического анализа.

Такой анализ был выполнен автором для индустрии финального мезолита на материалах стоянок Безводное 10, Берендеево 3, Замостье 2/верх. мез. сл., Ивановское, Нушполы 11, Окаёмово 4/III, Окаёмово 5, Окаёмово 18а, Новошино и Елин Бор/II и раннего неолита по материалам памятников только с неорнаментированной/накольчатой керамикой Алексеевское I, Давыдковская, Замостье 2/4а, Котчище I, Нилова Пустынь, Окаёмово 18/III, Сахтыш IIIа/IIIг, Становое 4/II (раскоп 2 1998 г.), Шадрино IV. Результаты свидетельствуют об их сильном сходстве. Эти новые данные позволяют раскрыть детали перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге. В настоящее время складывается следующая картина.

Начало неолита связывается с появлением в регионе глиняной посуды без трансформации мезолитической каменной индустрии. Древности «доверхневолжской» волго-окской АК (керамика с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией в совокупности с пластинчато-отщеповой индустрией и мезолитическими приемами вторичной обработки) стоит рассматривать, скорее, как финально-мезолитическую культуру, на конечном этапе развития которой появляется керамика. Ее нижняя граница определяется появлением керамики около 7100–7000 л.н., а верхняя – распространением посуды с ложношнуровой и гребенчатой орнаментацией вместе с исчезновением вкладышевого вооружения и преобладанием отщепы в качестве основной за-

готовки, появлением техники изготовления тонких бифасов, что фиксируется около 6500–6400 л.н.

Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге по данным изучения каменного инвентаря следует ассоциировать с разовыми контактами между автохтонным населением и носителями навыков изготовления глиняной посуды с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией. Наиболее вероятно, что первая посуда попала в регион в готовом виде, доказательством чему являются: (1) малочисленность сосудов на стоянках; (2) находки плоских донцев технологически совершенно вылепленной керамики, не характерной для лесного неолита; (3) наличие примеси крупного шамота в ранней посуде, что означает наличие развитой технологии изготовления керамики, основанной на традиции использования «старой» посуды. Поскольку наиболее ранняя посуда появляется на Верхней Волге практически одновременно без следов ее изготовления на месте, очевидно, что она являлась импортом.

Отсутствие различий между каменными индустриями финального мезолита и начального неолита показывает, что археологически уловимого (массового) притока людей в регион не было. В противном случае в каменной индустрии начального неолита появились бы новые типы орудий и, возможно, технические приемы обработки камня, чего в реальности не зафиксировано.

На соседних территориях исследователи отмечают схожие процессы в развитии материальной культуры раннего неолита в тех же хронологических рамках. Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда на обширной территории фиксируются чрезвычайно схожие признаки в каменном инвентаре и в керамике. Их сходство, несмотря на принадлежность к разным АК, настолько велико, что четко обозначить границы их ареалов не представляется возможным. В.В. Никитин предлагает рассматривать культуры начального неолита Верхней и Средней Волги как родственные, составляющие единую историко-культурную общность. Это представляется логичным и целесообразным. Ее характеризует пластинчато-отщеповый каменный технокомплекс как, согласно С.Н. Лисицыну, совокупность археологических памятников/групп памятников, выделяемых на одной ступени археологической периодизации в определенных пространственно-временных и природных границах. Известные сегодня археологические культуры следует воспринимать как условные географические подразделения культурного мира ранней накольчатой керамики, каждый из которых обладает

индивидуальными чертами в рамках единых технологических каменной и керамической традиций.

Попав в мезолитическую среду, традиция изготовления ранней накольчатой посуды, не имела в ней длительного продолжения и была прервана притоком населения, обладавшего навыками изготовления посуды с гребенчатой орнаментацией из сложно-рецептурного теста. Эпизод, характеризующийся появлением и распространением керамики с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией,

не сопровождавшийся существенными изменениями в облике каменного и костяного инвентаря, можно рассматривать как переходное время между мезолитом и неолитом, отражающее процесс неолитизации. Переход к неолиту, отмеченный изменением хозяйственного уклада, формированием местного очага производства керамики и распространением техники изготовления тонких бифасов, произошел позднее и был связан со сменой населения; на Верхней Волге около 6500–6400 л.н.

THE EMERGENCE OF THE NEOLITHIC IN THE UPPER VOLGA: CULTURAL REVOLUTION OR EVOLUTION OF CULTURE

Nataliya Tsvetkova

Russian Museum of Ethnography, Saint-Petersburg

The transition to the Neolithic in the Upper Volga region is associated with infiltrations of notch-ware pottery makers into the indigenous Mesolithic populations. Most likely the first vessels were imported into the region as final goods. The undistinguished differences between the Final Mesolithic and the Early Neolithic stone industries prove that this invasion was not over mass. The spread of first ceramics was not followed by fundamental changes in the stone and bone inventory. This episode should be regarded as a real transition time from the Mesolithic to the Neolithic Ages.

The non-ornamented/notch-ware ceramic tradition first established in the local cultural environment was soon after discontinued by the appearance of the population with multi-compound comb-ware pottery. The later rise of the Neolithic appeared 6500–6400 years uncal. B.P. was marked by the local ceramic manufacture development accompanied by thin biface technique appearance in the stone assemblages. These changes give evidence of the Neolithic revolution in the Upper Volga basin provided by the complete populations replacement.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-100-102

ЕЩЕ РАЗ О ВОЛГО-ОКСКОЙ РАЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ю.Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва

Поскольку уже более 15 лет я не занимаюсь изучением неолитической керамики лесной зоны Европейской России, в данной статье я опираюсь на результаты своих старых исследований. В связи с этим считаю разумным напомнить, как формировались мои взгляды на ранний неолит бассейна Верхней Волги, и очень кратко привести те аргументы, которые легли в основу выделения «волго-окской» ранне-неолитической культуры.

В 1977 г. мною было начато изучение керамики верхневолжской культуры, выделенной Д.А. Крайновым. Первые результаты были опубликованы в журнале «Советская археология» [Цетлин 1980]. Там я обратил внимание на то, что значительная доля верх-

неволжской керамики имеет рецепт «глина + помет птиц + шамот» (21,5%), По данным компонентного анализа птичий помет зафиксирован в 55%, а шамот – почти в 70% случаев. Поскольку эти виды примесей относятся к разным уровням развития представлений о глине как сырье [Бобринский 1978: 67–73], я высказал предположение, что в формировании «верхневолжской ранне-неолитической культуры участвовали две глубоко различные в культурном отношении группы населения, каждая из которых обладала своими технологическими традициями составления формовочных масс» [Цетлин 1980: 12].

Позднее данные о технологии керамики были дополнены результатами изучения периодизации не-

олитических культур региона. В 1982 г. мною были опубликованы данные анализа стратифицированной коллекции керамики стоянки Ивановское VII в Ярославской области [Цетлин 1982]. Выяснилось, что 83% керамики с чистым рецептом «глина + помет птиц» залегают в IV (наиболее раннем) горизонте культурного слоя, а верхневолжская керамика с рецептом «глина + помет птиц + шамот» составляет в нем только 40% и еще 53% ее встречены во III и II горизонтах. Отсюда был сделан вывод, что в эпоху неолита наиболее древними обитателями здесь были носители традиции «глина + помет птиц» и на основе контакта именно с этой группой населения у носителей верхневолжской культуры сложился массовый рецепт «помет птиц + шамот + глина» [Цетлин 1982: 12].

Поскольку, по мнению Д.А. Крайнова, верхневолжская культура была древнейшей, происходящей от местного мезолита, эти выводы были встречены резко отрицательно. Только в 1996 г. я смог опубликовать статью с обоснованием правомерности выделения в лесной зоне неолитического горизонта, предшествовавшего верхневолжской культуре [Цетлин 1996]. Он был зафиксирован мною на двух десятках памятников Волго-Окского междуречья, а новая культура получила название «волго-окская».

Тогда же я предположил, что, вероятно, это население занимало более обширную территорию Центра Русской равнины.

Керамика этой культуры отличается от верхневолжской своими технологическими и орнаментальными традициями. После того, как выяснилось, что в неолите гончары широко использовали, наряду с глиной, илистое глиноподобное сырье [Бобринский, Васильева 1998], стало понятным, что значительная часть волго-окской посуды была изготовлена именно из такого сырья без искусственных примесей. Практически вся керамика верхневолжской культуры изготавливалась из легкоплавких ожелезненных глин с добавкой шамота. Позднее специальное изучение орнамента на керамике носителей волго-окской культуры позволило выделить в ее истории 4 периода [Цетлин 2008а; б]. Первый фиксирует относительно обособленное бытование ее носителей (последняя четверть 6 тыс. до н.э.), а начиная со второго периода (начало 5 тыс. до н.э.) происходило постепенное усложнение орнаментальных традиций и распространение у носителей волго-окской культуры традиции использования шамота, что отражает развитие культурных контактов с пришлыми носителями верхневолжской неолитической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
Бобринский А.А., Васильева И.Н. 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 193–214.
Цетлин Ю.Б. 1980. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. № 4. С. 9–15.
Цетлин Ю.Б. 1982. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА. № 169. М.: Наука. С. 7–13.

Цетлин Ю.Б. 1996. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь: ТГОМ. С. 155–163.
Цетлин Ю.Б. 2008а. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула. 352 с.
Цетлин Ю.Б. 2008б. Периодизация волго-окской ранне-неолитической культуры // Человек. Адаптация. Культура. М.: ИА РАН. С. 314–327.

THE EARLY NEOLITHIC «VOLGA-OKA» CULTURE REVISITED

Institute of Archeology RAS, Saint-Petersburg

Yuri Tsetlin

The author expounds development of his opinions on existence of the Volga-Oka culture and substantiates this culture's fundamental difference from the Upper Volga culture. In the late 1970s the author ascertained that potters of the Upper Volga culture simultaneously used two kinds of tempers most frequently: birdlime and grog. This fact allowed making a conclusion that two groups of Neolithic population with very different cultural traditions took part in the formation of this

culture. Later on, the author found and detached pottery with organic temper and absence of grog in the lowest part of the occupation layer of Ivanovskoye-VII site in the Yaroslavskaya district of Russia. Pottery with admixture of birdlime and grog occurred above the lowest layer. In 1996 the Neolithic Volga-and-Oka culture preceded the Upper Volga culture was distinguished.

In 2008 four stages of this culture development were established. At the first stage (during the 4th

quarter of the 6th millennium BC) the culture-owners lived in a relatively detached way but from the second stage (from the early 5th millennium BC) they gradually

mixture with new coming population of the Upper Volga culture. The process brought about assimilation of the Volga-and-Oka culture.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-102-103

ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА)

А.Ф. Шорин, А.А. Шорина

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Начало неолитической эпохи как на Кокшаровском холме, так и в зауральском регионе в целом относится к рубежу VII–VI тыс. до н.э. и может даже $\frac{3}{4}$ VII тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат [Шорин, Шорина, 2018: 99–103]. Оно связано с комплексами кошкинской культуры, которую определяют простые орнаментальные схемы (прямые и волнистые линии), редко более сложные узоры, выполненные в отступающе- или линейно-накольчатой технике (рис. 1: 1, 2, 4).

Одновременно с кошкинской или может чуть позже, в пределах самого начала VI тыс. до н.э., формируется козловская (кокшаровско-юринская) керамическая традиция. Она тоже отступающе-накольчатая, но ей присущи более разнообразные орнаментальные схемы, в т.ч. взаимопроникающие треугольные зоны, заполненные прямыми или волнистыми линиями, а также использование печатного гребенчатого штампа в качестве разделителя между зонами (рис. 1: 3, 6). Орнамент на них, в отличие от кошкинских сосудов, где он нередко нанесен только по верхней части емкости, покрывает сосуд сплошь. Возможно, что формирование кокшаровско-юринской керамической традиции в большей степени связано с автохтонными лесными коллективами. Объединяет кошкинские и кокшаровско-юринские орнаментальные комплексы и традиция изготавливать сосуды с рельефными налестками (рис. 1: 3, 4), что было не свойственно поздненеолитическим коллективам.

Кошкинские и козловские комплексы существовали продолжительное время, не менее тысячелетия, по крайней мере, до VI–V, а то и первой четверти V тыс. до н.э. [Шорин, Шорина 2018: 99–104; Мосин, Епимахов 2018: 113]. На хронологическом отрезке последней четверти VI – первой четверти V тыс.

до н.э. происходит постепенная замена этих орнаментальных традиций полуденскими и басьяновскими. С этим этапом также связано возникновение новой технологической традиции – введения в формовочные массы басьяновскими и полуденскими коллективами искусственной примеси талька [Васильева 2011: 122]. Хронологические позиции басьяновского комплекса на Кокшаровском холме определяются первой четвертью – сер. V тыс. до н.э. Время существования боборыкинских же комплексов в лесостепном Зауралье могло продолжаться и до конца V и даже начала IV тыс. до н.э. [Выборнов и др. 2014: табл. 2]. Басьяновский тип в целом продолжает традиции накольчатых комплексов ранне-неолитической эпохи. Посуда орнаментировалась простыми узорами (линии, зигзаги), но орнаментиром часто служила двузубая палочка, используемая в отступающе- или линейно-накольчатой техниках (рис. 1: 5). Боборыкинская посуда более вариабельна, но генетическая связь ее с кошкинской для большинства специалистов очевидна.

Полуденский керамический комплекс генетически связан с кокшаровско-юринским. В плане орнаментации посуды полуденские коллективы нередко копировали орнаментальную схему сосудов кокшаровско-юринского типа, меняя только инструмент: палочка заменялась гребенчатым штампом, используемым часто в движении (рис. 1: 7, 8).

В целом, тенденция замены накольчатой, чаще отступающе-накольчатой, манеры орнаментации посуды на гребенчатую с явным преобладанием печатно-гребенчатого штампа – это доминантная черта орнаментальных комплексов зауральского региона с эпохи позднего неолита до самого начала эпохи ранних металлов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комплексной программы УрО РАН «18-6-6-15 «Археологические памятники как источники по реконструкции развития древних обществ Урала и севера Западной Сибири» (рук. д.и.н., А.Ф. Шорин).

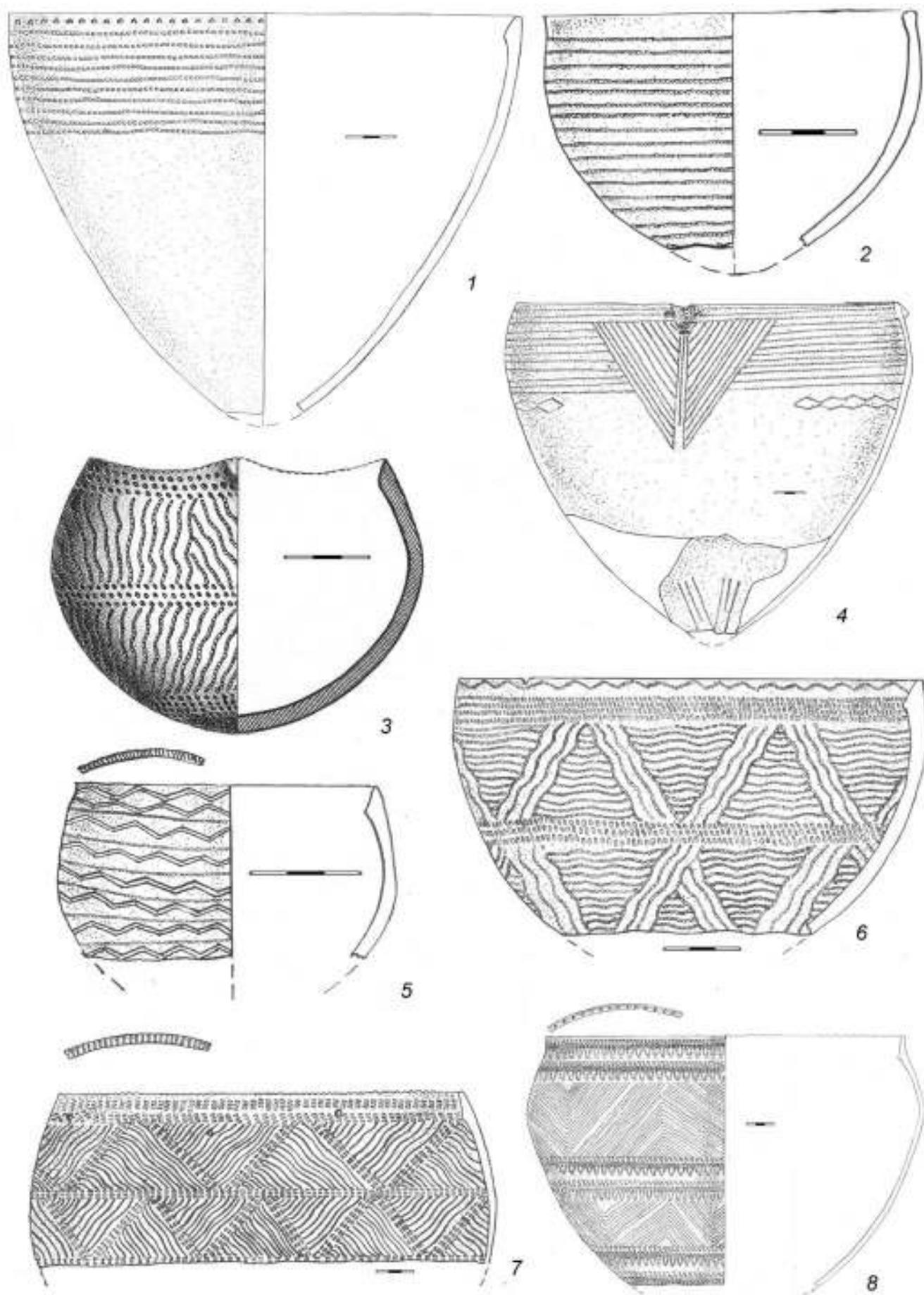

Рис. 1. Неолитическая керамика Кокшаровского холма.

1, 2, 4 – кошшинская культура, 3, 6 – кокшаровско-юринская культура; 5 – басьяновский тип, 7, 8 – полуденская культура.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева И.Н.* 2011. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАН. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. Вып. 26. С. 103–124.
- Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В.* 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (57). С. 33–48.
- Мосин В.С., Епимахов А.В.* 2018. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Зауралья: пространственный аспект // Уральский исторический вестник. № 3 (60). С. 97–107.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.* 2018. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Уральский исторический вестник. № 3 (60). С. 108–114.

THE EVOLUTION OF THE NEOLITHIC COMPLEXES IN TRANS-URALS
(BASED ON MATERIALS FROM KOKSHAROVSKY HILL)

Alexander Shorin, Anastasia Shorina

Institute of History and Archeology Ural Branch of Russian Academia of Science, Yekaterinburg

Discoveries in the cultural layers of the sanctuary Koksharovsky hill of all types of Neolithic ceramics: Koshkinsky, Koksharovsko-Yur'insky (Kozlovsky), Poludensky, Basyanovsky (Boborykinsky) gave this territory a crucial significance for reconstruction of cultural continuity and the evolution of these complexes throughout the Neolithic of the marked region. The presence of 54 radiocarbon dates, reliably determining the chronological positions of each of the noted cultural complexes, provides a reliable basis for such continuity interpretation. The early stage of the Neolithic during the turn of the 7th and 6th mill, on the turn of the 6th–5th mill BC associated with Koshkinsky and Koksharovsko-Yur'insky cultural traditions, the genetic successors of which are in the interval line 5–6th to the third quarter of the 5th millennium BC were respectively Basyanovsky and Poludensky.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-104-106

КАМЕННАЯ ПОДЕЛКА С ГРАВИРОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ СО СТОЯНКИ ЗЕХНОВО III

В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова, Г.В. Сеницына

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

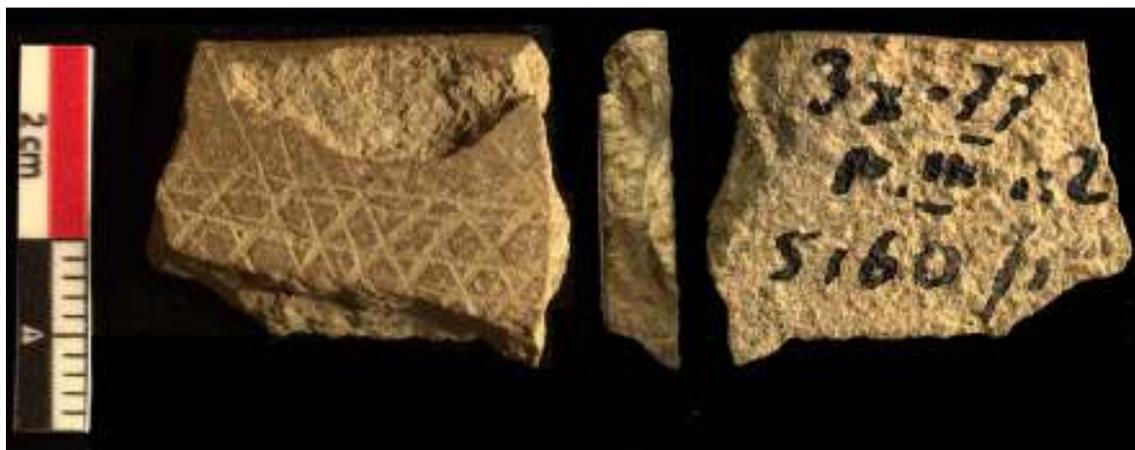
Поселение Зехново III находится на расстоянии 2,5–3 км к востоку от д. Зехново Осташковского р-на Тверской области, на правом берегу р. Селижаровки и в 1,5–2 км от ее истока из Селижаровского плеса оз. Селигер [Гурина 1977: 5]. Памятники в районе д. Зехново были обнаружены в середине 70-х гг. XX века Верхневолжской неолитической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной.

раннему неолиту [Шумкин 1977: 10; Верещагина и др. 1995: 63].

На поселении Зехново III в течение двух полевых сезонов было раскопано 376 кв.м. Насыщенность находками культурных отложений, а также результаты фосфатного анализа почвы, выполненного к.х.н. Е.Ю. Медниковой показали, что памятник раскопан почти полностью. На поселении исследованы подчетыреугольные в плане жилища, между которыми располагались кострища, хозяйственные ямы и «рабочие места мастера». Коллекция памятника составляет около 25 тыс. предметов. Основной комплекс поселения относится к

Фрагмент гравированной плитки (19–21 × 12–17 мм и толщиной ок. 3 мм) был найден в южной части памятника на глубине 30–50 см в слое желто-серого гумусированного песка, на участке небогатом находками. Гравировка нанесена на ровной пришлифованной поверхности, торцовый край скруглен (рис. 1).

Орнамент, представляет собой ромбическую сетку с ячейками 3×3 мм, отстоящую от края изделия на 7–10 мм и перечеркнутую четырьмя параллельными (сдвоенными?) горизонтальными линиями, расположенными на расстоянии 1–3 мм друг от друга. Самая близкая к краю горизонтальная бороздка является как бы границей сетки: косые линии, идущие слева направо, выходят за эту границу и доходят до самого края; линии, идущие справа налево, лишь иногда выступают за нее менее чем на миллиметр. Орнамент очень поверхностный, глубина прямоугольных в се-

чении бороздок составляет доли миллиметра. Горизонтальные бороздки – самые узкие и глубокие, две из них, наиболее удаленные от края, процарапаны не за один прием. Косые бороздки сетки, идущие слева направо – наиболее поверхностные, очень тонкие у края и расширяются по мере удаления от него. Самые широкие – линии сетки, идущие справа налево, нанесены двукратным прочерчиванием.

Порядок нанесения узора следующий: раньше всего была нанесена четвертая (наиболее удаленная от края) горизонтальная бороздка, потом – косые бороздки, идущие справа налево, далее – бороздки, идущие слева направо и, наконец, три верхние горизонтальные бороздки. Судя по всему, орнамент был нанесен не одним орудием, а несколькими, скорее, кремневыми на что указывает «дрожание» линии.

Данную фрагментированную поделку можно отнести к так называемым чурингам. На территории

Валдайской возвышенности гравированные изделия известны начиная с финального палеолита. Аналогии этой поделке известны в памятниках Верхневолжского региона: в слоях мезолита Озерки 17 (8,8 тыс. л.) [Жилин 2006: 80]; Ивановское VII раскоп V верхний мезолитический слой [Жилин и др. 2002: 161]; Озерки 5 [7,4–7,1 тыс. л.] [Жилин 2006: 116], раннего неолита (Замостье 2) [Лозовская 2018: 210; Сидоров, Энговатова 1998: 128].

Широкое пространственно-хронологическое распространение гравированных поделок не позволяет более точно соотнести зехновскую поделку с определенным этапом заселения Зехновских стоянок, однако контекст инвентаря позволяет отнести фрагмент гравированной поделки к периоду раннего неолита.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0002

ЛИТЕРАТУРА

Верещагина И.В., Синицына Г.В., Тимофеев В.И., Тихомирова О.М., Шаяхметова Л.Г., Шумкин В.Я. 1995. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной. Вып. 1. Материал к археологической карте // Археологические изыскания. Вып. 27. СПб: ИИМК РАН. 114 с.

Гурина Н.Н. 1977. Отчет о работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1977 г. РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1977. № 13.

Жилин М.Г. 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: ИА РАН. 139 с.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговато-

ва А.В. 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука. 245 с.

Лозовская О.В. 2018. Основные формы изобразительной деятельности в позднем мезолите и раннем неолите Волго-Окского междуречья по материалам стоянки Замостье 2 // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. СПб: МАЭ РАН, ИА РАН, ИИМК РАН. С. 208–226.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. 1998. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера // РА. № 1. С. 127–139.

Шумкин В.Я. 1977. Отчет о работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1977 г. (Исследование неолитического поселения Зехново III). РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1977. № 14.

THE FRAGMENT OF ENGRAVED SLAB FROM THE SITE ZEKHNOVO III

Vladimir Shumkin, Tatiana Krylova, Galina Sinitsyna

Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg

The fragment of stone slab with an engraved geometric pattern was found on the site of Zekhnovo III in 1977. The site is located on the right bank of the river Selizharovka not far from its source (the lake Seliger, Valdai Upland, Russia). The site existed in early Neolithic and later. The find is a small fragment (21×17×3 mm)

of a decorated object. The ornamentation is a rhombic net with cell size 3×3 mm crossed by double lines. The lines are very thin and shallow. Engraved objects are known at Valdai upland and Upper Volga region from Final Paleolithic till Neolithic. The context of the item is an argument in favor of its early Neolithic affiliation.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-106-108

**КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**

А.И.Юдин*, А.А.Выборнов**

** ООО «ЛРТ-Наследие», Саратов*

*** Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара*

Неолит и энеолит степного Поволжья представлен орловской и каиршакской неолитическими культурами, а также прикаспийской, хвалынской и алтатинской энеолитическими культурами. Для степного энеолита была разработана и обоснована трехчленная схема развития [Васильев 1981; Васильев, Синюк 1985]. Накопление новых материалов и получение радиоуглеродных определений поставили необходимость постоянной корректировки этой схемы.

К настоящему времени для слоя 2А Варфоломеевской стоянки, эталонного памятника орловской неолитической культуры, получено 16 дат по углю, кости, керамике и нагару, которые распределились в широком хронологическом интервале в пределах всего VI тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2016: 62-73]. Верхняя граница слоя 2А – конец V – начало IV тыс. до н.э. (здесь и далее – в калиброванном значении 2σ). Даже если отбросить 4 крайние верхние даты, на пятое тысячелетие приходится три даты, укладывающиеся в первую половину V тыс. до н.э. К ним примыкает дата образца, взятого на границе слоя 2А и верхнего, выполненная по нагару (5800±150 или 5050-4300 BC). Для верхнего слоя Варфоломеевки, стратиграфически выраженного слабо, и содержащего орловскую и раннеэнеолитическую прикаспийскую керамику, дат нет, но показательно, что и имеющиеся хроноопределения показывают, что орловская культура продолжает бытовать в V тыс., т.е. хронологически смыкается и какое-то время сосуществует с ранним энеолитом.

Во всяком случае, хронология раннеэнеолитических прикаспийских стоянок Буровая 40, 41, 42 и Курпеже-Молла укладывается в интервал от конца VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э.

Многочисленные даты хвалынских памятников с поселенческих и погребальных памятников лесостепного Поволжья и Северного Прикаспия также укладываются в первую половину V тыс. до н.э.

Кроме того, следует принимать во внимание, что на двух эталонных памятниках Нижнего Поволжья – Варфоломеевской стоянке и поселении Кумыска – отмечено совместное залегание орловской и прикаспийской керамики и где можно проследить формирование и ранний период существования прикаспийской энеолитической культуры.

Все это позволило утверждать о синхронности культур позднего неолита и раннего энеолита, когда энеолит степного Поволжья как самостоятельная эпоха представлен двумя этапами – ранним, неэнеолитическим, частично синхронным с поздним неолитом (кон. VI тыс. – перв. пол. V тыс. до н.э.) и поздним (втор. пол. V тыс. до н.э.) [Юдин 2012: 110-111; он же 2013: 223-225].

Однако исследования поселения Орошаемое (раскопа Орошаемое и Алгай) показали последовательную смену культур неолита и энеолита.

Поселение Орошаемое (исследуется с 2014 г.) – единственный памятник в Нижнем Поволжье с выраженными стратифицированными слоями не только неолитического, но и энеолитического времени.

Неолитические напластования на раскопе Алгай, как и на Варфоломеевской стоянке, отражают развитие орловской культуры на всем протяжении ее бытования – от последней четверти VII тыс. до н.э. до сер. V тыс. до н.э. [Выборнов, Юдин 2017; Выборнов и др. 2018].

Неолитические слои на раскопе Орошаемое перекрыты горизонтом прикаспийской раннеэнеолитической культуры. Материальные признаки этой культуры отвечают всем раннеэнеолитическим параметрам, предложенным в свое время И.Б.Васильевым и А.Т.Синюком [Васильев, Синюк 1985]. Ряд признаков в керамике и комплексе каменных изделий показывают культурную преемственность между населением неолита и энеолита.

Верхний культурный горизонт оставлен населением хвалынской культуры, керамические традиции которого (в технико-технологическом плане) близки раннеэнеолитическим. Основание слоя имеет дату по кости (гор. 10) 5934 ± 100 BP ($5060-4547$ cal BC) (SPb-2091), что вполне соотносится с ранним временем хвалынской культуры, а также с поздними датами орловской культуры на соседнем раскопе Алгай и практически совпадает с датами нижележащего прикаспийского слоя, что может объясняться особенностями формирования культурного слоя.

Возраст прикаспийских материалов определен датами по керамике – 5890 ± 120 BP или

$5056-4462$ cal BC (SPb-1729) и по костям домашней овцы – 5806 ± 26 BP или $4724-4557$ cal BC (UGAMS-23059). Несмотря на то, что хвалынский и прикаспийский слои разделены суглинистой прослойкой, первая из них практически совпадает с датой из вышележащего хвалынского слоя, а вторая в целом несколько моложе.

Таким образом, новые исследования выявили двоякую картину. С одной стороны, на примере стратиграфии раскопа Орошаемое мы видим последовательное развитие орловской культуры, затем через стерильную прослойку залегает слой прикаспийской культуры и еще через одну прослойку – хвалынский слой. При этом даты хвалынские и прикаспийские достаточно близки. С другой стороны, эти даты совпадают с поздними орловскими датами на раскопе Алгай и Варфоломеевской стоянке (слой 2А). То есть стратиграфические данные несколько противоречат радиоуглеродным определениям.

Окончательные выводы невозможно сделать по одному памятнику. Вероятно, картина была более сложной, и последовательная смена энеолитических культур, отраженная стратиграфически, объяснялась тем, что территория памятника заселялась попеременно, тем более что энеолитические даты близки.

Работа выполнена в рамках проекта 33.1907ПЧ/2017

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ. 130 с.
Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ. 118 с.
Выборнов А.А., Юдин А.И. 2017. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15. Саратов. С. 30-78.
Выборнов А.А., Юдин А.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Поснерт Г., Филиппсен Б. 2016. Глава 2. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология неолита Восточной Европы в VII-III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 62-73.

Выборнов и др.: Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Рослякова Н.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С., Юдин А.И., Ойнонен М., Поснерт Г., Стрельцов М.А. 2018. Итоги исследования поселения Орошаемое в 2018 году // Самарский научный вестник. Т. 7, № 4 (25). С. 211-219.
Юдин А.И. 2012. Нео-энеолитический период в степном Поволжье // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н.Братченка. Луганськ. С. 108-121.
Юдин А.И. 2013. Нижнее Поволжье в эпохи неолита и энеолита: состояние проблемы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов. С. 218-229.

CULTURAL STRATIFICATION OF NEO-ENEOLITHIC TIME:
THE CASE OF OROSHAYEMOYE SETTLEMENT IN THE LOWER VOLGA REGION

Alexander Yudin*, Alexander Vybornov**

* ООО «LRT-Naslediyе», Saratov

** Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

The study of the stratified Oroshayemoye site in the steppe Volga region allowed us to elaborate the development of Neolithic and Eneolithic cultures. A subsequent occurrence of layers with samples from the

Orlovskaya, the Caspian Sea region and the Hvalynskaya cultures was recorded. Based on radiocarbon data the partial coexistence of late Neolithic and early Eneolithic cultures is suggested.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-108-110

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Е.С. Яковлева

Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский филиал, Челябинск

Современная историография Зауралья выделяет для эпохи раннего неолита две археологические культуры – кошкинскую и козловскую. Первая до недавнего времени связывалась с миграционными процессами в Зауралье, а вторая – с автохтонной линией развития. В основных чертах эта концепция была заложена в работе В.Т. Ковалевой [Ковалева 1989], и принципиальных изменений не претерпела.

Однако накопление новых и пересмотр архивных материальных источников вкупе с абсолютными датами все чаще выявляют трудности культурно-хронологической атрибуции ранненеолитической керамики в контексте заданного историографией поля.

1. Радиоуглеродные данные по раннему неолиту Зауралья, Нижнего Поволжья и Средней Азии пока не дают достаточных оснований для утверждения значимой роли миграций в сложении неолита [Мосин 2018: 59]; также и анализ каменной индустрии при переходе от мезолита к неолиту пока не выявил существенных признаков культурного разрыва с предшествующей традицией. Ввиду этого вопрос о путях появления керамики в Зауралье, до появления иных данных, стоит считать открытым, рассматривая другие варианты, кроме миграционного, как то: местное происхождение или культурная диффузия без демографических подвижек.

2. Совпадение большинства культурных признаков для керамики кошкинского и козловского типов в категориях морфологии, техники и наиболее частых мотивов орнаментации, с учетом их совпаде-

ния во времени и пространстве, вплоть до совместного залегания в культурном слое [Мосин 2010: 10], позволяют предположить, что рассмотрение этих керамических традиций в рамках одной ранненеолитической археологической культуры (возможно, гетерогенной по своему происхождению) будет более обоснованным и логически непротиворечивым и снимет ряд сложностей в атрибуции конкретных сосудов. Представляется, что сравнение керамики этих типов между собой в пределах близких хронологических позиций в категориях не только различия, но и сходства, даст более целостное представление о логике эволюции материальной культуры раннего неолита.

3. Отказ от идеи культурного наследования между кошкинской и боборыкинской традициями ставит проблему исторической преемственности первой из них (такая проблема существует и для боборыкинской традиции, однако выходит за хронологические рамки данной работы), что, в свою очередь, затруднительно ввиду неразработанности ее внутренней типологии. Возможно предположение, что к концу раннего неолита кошкинская традиция так же, как и козловская, переходит в полуденскую, что для своего обоснования требует, во-первых, отказа от установки на консервативность кошкинской традиции и, во-вторых, выделения тех культурно-значимых признаков в керамическом материале, которые могут указать на данный эволюционный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

- Ковалева В.Т. 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск.
- Мосин В.С. 2010. Экосоциальная адаптация населения центра Северной Евразии в конце плейстоцена – начале голоцена (опыт археологического моделирования) // Уральский исторический вестник. Вып. 2 (27). С. 4–12.
- Мосин В.С. 2018. Сравнительная хронология зауральского неолита: лес–лесостепь // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 57–59.

EARLY NEOLITHIC CULTURES OF TRANS-URALS:
THE HISTORIOGRAPHICAL TRADITION AND PROBLEMS OF ATTRIBUTION

Ekaterina Yakovleva

The South Ural Branch of Institute of History and Archaeology, Urals Branch of RAS, Cheliabinsk

Modern historiography of the Trans-Urals during the Early Neolithic differentiates two archaeological cultures – Koshkinskaya and Kozlovskaya. The first, until recently, was associated with migration processes in the Trans-Urals, and the second – with the indigenous line of culture evolution. However, the accumulation of new data and revision of archival material sources, along with absolute dates, more and more often reveals the difficulties of accurate cultural and chronological attribution of Early Neolithic ceramics in the context of the terminological field set by historiography. Such problems make it necessary to discuss the criteria for the differentiation of these cultures of the Trans-Urals and the selection of their reliable diagnostic features.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-110-111

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	– Большая советская энциклопедия
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИ АН РТ	– Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЯЛИ КарНЦ РАН	– Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
КГПИ	– Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва, Ленинград
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР/РАН. Москва, Ленинград
ЛОИА АН ССР	– Ленинградское отделение Института археологии Российской академии наук
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАЕСВ	– Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МарГУ	– Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
МИА	– Материалы и исследования по археологии. Москва-Ленинград
ОГАУ	– Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПИ	– Оренбургский государственный педагогический институт
РА	– Российская археология. Москва
РАЕ	– Российская академия естествознания
СА	– Советская археология. Москва
СамГПУ	– Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СНЦ РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук
СЭ	– Советская этнография
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей. Тверь
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Н. Акиншин, А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова</i> МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ФОСС в ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ: жизнь и деятельность	3
<i>Е.А. Кашина, М.М. Якушкина</i> М.Е. Фосс и Государственный исторический музей	5
<i>М.М. Якушкина, Е.А. Кашина</i> М.Е. Фосс — археолог и человек	6
<i>Г.В. Синицына</i> Научное наследие Нины Николаевны Гуриной — исследователя позднего каменного века Евразии	8
<i>С.Н. Гапочка, А.Н. Бессуднов</i> А.Т. Синюк и развитие представлений об эволюции неолитических культур Восточной Европы	9
<i>О.В. Андреева (Ересько), Н.С. Батуева</i> Некоторые итоги изучения гончарных традиций левшинского этапа камской неолитической и новоильинской энеолитической культур	11
<i>Л.С. Андрианова</i> Охристые пятна Боровиковского археологического комплекса	13
<i>А.В. Вайтович</i> Роль культуры шаровидных амфор в развитии сообществ Верхнего Понеманья	14
<i>И.Н. Васильева</i> Гончарная технология населения стоянки Ракушечный Яр в периоды неолита и энеолита: сравнительный анализ	16
<i>Т.А. Васильева</i> Начало «эпохи раннего металла» на территории Карелии: материалы и исследования	18
<i>Е.В. Волкова</i> Отражение в гончарных традициях контактов Фатьяновско-Балановского и поздневолосовского населения	19
<i>К.Э. Герман</i> Финал культуры сперрингс: проблема и пути решения	20
<i>Т.М. Гусенцова</i> Эволюция неолитических культур Южного Приладожья	22
<i>Н.С. Дога</i> Периодизация и хронология прикаспийской культуры	25
<i>Е.В. Долбунова, Е.Л. Костылева, А.Н. Мазуркевич, Дж. Медоус, М.А. Кулькова, Б. Курель, А. Ликвин, К. Херон, О. Крэг</i> Эталонные памятники верхневолжской культуры Сахтыш II, III, VIII: хронология, типология и использование глиняной посуды	27
<i>Е.Н. Дубовцева, Л.Л. Косинская, Х. Пиецонка</i> Раннеэнеолитическое городище Амня I — новые данные	30
<i>И.Н. Езепенко, И.В. Езепенко</i> Родственные неолитические культуры днепро-донецкой общности Верхнего Поднепровья: общие и отличительные черты	32
<i>А.С. Желудков, Р.В. Смольянинов, И.В. Климкова</i> Материалы эпох позднего неолита-ранней бронзы со стоянки Подзорово из раскопок М.Е. Фосс 1953 года: новый взгляд	34
<i>В.Н. Карманов, Н.Г. Недомолкина, А.Ф. Мельничук</i> Неолитические культуры на Северо-Востоке Европы и современные представления о них	35

<i>А.М. Киселева, А.И. Мурашкин</i> КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ Маяк 2 на Кольском полуострове	37
<i>Е.М. Колпаков</i> «ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА»?	40
<i>А.И. Королев</i> ОТ НЕОЛИТА К ЭНЕОЛИТУ (ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ЛЕСОСТЕПНОМ Поволжье)	41
<i>Н.В. Косорукова, В.А. Лукинцева, С.А. Воронков, Т.С. Гринина</i> О ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ ПАМЯТНИКАМИ ЭПОХ МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ОЗ. Воже	43
<i>Е.Л. Костылева</i> ВЕРХНЕВОЛЖСКАЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ	46
<i>А.С. Кудашов</i> КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС РАННЕГО НЕОЛИТА Марийского Поволжья (ПО КЕРАМИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ).....	48
<i>А.А. Куличков, Р.В. Смольянинов, Е.С. Юркина</i> НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА Верхнем Дону (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БАССЕЙНЕ Р. Воронеж В ПРЕДЕЛАХ Мичуринского района Тамбовской области в 2017 г.).....	49
<i>Г.М. Левковская, Г.И. Зайцева, А.Н. Боголюбова</i> О ТРЕХ ФАЗАХ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ Восточной Прибалтики (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ, РАДИОУГЛЕРОДНЫМ И ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)	52
<i>Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов, О.В. Жукова</i> МЕСТО НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ Волго-Камья	56
<i>А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова, О.В. Лозовская, М.А. Кулькова, Дж. Медоус</i> ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ 6 ТЫС. ДО Н.Э. СТОЯНКИ Замостье 2	57
<i>А.А. Малютина, А.И. Мурашкин</i> КОЛЬСКИЙ ОЛЕНЕОСТРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК: СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАЛЛА	60
<i>Н.Л. Моргунова</i> ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ НЕОЛИТА К ЭНЕОЛИТУ В Волго-Уралье : КРИТЕРИИ И ХРОНОЛОГИЯ	63
<i>В.В. Морозов</i> НОВОИЛЬИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ Нижнего Прикамья : АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛЬЗУ ФИНАЛЬНОНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА КУЛЬТУРЫ	64
<i>В.С. Мосин</i> НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ Зауралья : СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	66
<i>А.И. Мурашкин</i> ЭПОХА БРОНЗЫ НА Кольском полуострове : ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА.....	67
<i>В.В. Никитин</i> МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ Марийского Полесья (ЭВОЛЮЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР)	69
<i>Ю.Б. Сериков</i> ОБРАЗ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Урала	71
<i>В.В. Сидоров</i> ФИЛОСОФИЯ АРХЕОЛОГИИ.....	73
<i>Г.В. Синицына, А.В. Уткин</i> ДИСКУССИЯ О СХОДСТВЕ/РАЗЛИЧИИ валдайской и верхневолжской КУЛЬТУР.....	79
<i>А.М. Скоробогатов</i> НАЧАЛО ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В донской лесостепи	81
<i>Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков, Е.С. Юркина</i> РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ Ярлуковская Протока (пункт 222) на Верхнем Дону	82

<i>А.В. Сомов, А.А. Шалапинин</i> ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЛЕСОСТЕПНОГО Поволжья	84
<i>В.В. Ставицкий</i> КОНЦЕПЦИЯ «ПЕРЕЖИТОЧНОГО НЕОЛИТА» А.Т. Синюка.....	85
<i>В.В. Ставицкий</i> К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	87
<i>А.В. Сурков</i> СРЕДНЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ.....	88
<i>Е.С. Ткач</i> КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ: ЭПОХА КАМНЯ ИЛИ БРОНЗЫ?.....	90
<i>О.Ю. Ткачев</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕМАНСКОЙ КЕРАМИКИ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ПОГОСТ-ЗАГОРОДСКОГО МИКРОРЕГИОНА.....	93
<i>М.А. Холкина</i> КЕРАМИКА С ПРИМЕСЬЮ АСБЕСТА: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА.....	94
<i>И.Ю. Хрусталева, А. Крийска, М.А. Холкина</i> РИЙГИКЮЛА I (Эстония), ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ 65 ЛЕТ СПУСТЯ.....	97
<i>Н.А. Цветкова</i> НАЧАЛО НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ: КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ?	99
<i>Ю.Б. Цетлин</i> ЕЩЕ РАЗ О ВОЛГО-ОКСКОЙ РАННЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	101
<i>А.Ф. Шорин, А.А. Шорина</i> ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА).....	103
<i>В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова, Г.В. Синицына</i> КАМЕННАЯ ПОДЕЛКА С ГАВИРОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ СО СТОЯНКИ ЗЕХНОВО III	105
<i>А.И. Юдин, А.А. Выборнов</i> КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	107
<i>Е.С. Яковлева</i> РАННЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ.....	109
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	111

ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ответственные редакторы:

*А.А. Выборнов
Е.В. Долбунова
Е.М. Колпаков
Е.С. Ткач*

Корректоры:

*А.А. Выборнов
Е.В. Долбунова
Е.С. Ткач*

Перевод на английский::

авторы

Макет:

Ю.И. Колев

Подписано к печати 25.04.2019. Заказ № 3645
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Формат 60x84 1/8. Объем 13,37 п.л. Тираж 100 экз.

Издательство
ООО «Порто-принт»
443041, Самара, ул. Садовая, 156

Отпечатано в типографии
ООО «Порто-принт»